

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Голубева Алина Юрьевна

**КОНВЕРСИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ: УЗУС И
ОККАЗИОНАЛЬНОСТЬ**

Специальность: 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент С.М. Кравцов

Ростов-на-Дону – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНВЕРСИИ КАК СПОСОБА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ.....	12
1.1. Понятие конверсии в современной науке.....	12
1.2. Конверсия в сопоставлении с транспозицией.....	24
1.3. Место конверсии в классификации способов словообразования.....	34
1.4. Конверсия в сопоставлении с омонимией.....	49
Выводы по главе I.....	55
.....	
ГЛАВА II. КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ КОНВЕРСИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СИСТЕМЕ ЯЗЫКА.....	59
2.1. Узуальная конверсия.....	59
2.1.1. Субстантивация.....	63
2.1.1.1. Субстантивация на основе прилагательных.....	65
2.1.1.2. Субстантивация на основе глагольных словоформ.....	74
2.1.1.3. Субстантивация на основе числительных	80
2.1.1.4. Субстантивация на основе наречий.....	85
2.1.1.5. Субстантивация на основе служебных слов.....	90
2.1.2. Адъективация.....	97
2.1.3. Адвербиализация.....	108
2.1.4. Препозиционализация, конъюнкционализация, партикуляция	116
2.1.5. Интеръективация.....	125
2.2. Окказиональная конверсия.....	129
Выводы по главе II	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	144

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	150
ИСТОЧНИКИ ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	165
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	168

ВВЕДЕНИЕ

В современную эпоху, характеризующуюся бурным ростом возможностей коммуникации, обогащение словарного состава языков приобретает особое значение. Его развитию способствуют как внутренние источники (изменение семантики слов, образование новых лексических единиц), так и внешний (заимствование лексических единиц из других языков). Одним из важных путей его пополнения является словообразование (деривация), предполагающее возникновение новых единиц обычно на основе однокорневых слов с изменением плана выражения последних путём присоединения к ним аффиксов или без него.

Среди способов словопроизводства, существующих в различных языках, следует выделить конверсию, отличающуюся от других способов тем, что посредством её создаётся новая (производная) лексема с полным сохранением формы производящей. Отсутствие каких-либо словообразовательных элементов в данном случае обуславливает простоту, экономичность и, следовательно, продуктивность конверсии. Названные особенности, а также её универсальный характер объясняют интерес лингвистов к изучению конверсии в разных языках мира. Так, на материале русского языка она исследуется В.В. Виноградовым, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатиным, М.Ф. Лукиным, И.Г. Милославским, В.М. Никитевичем, М.А. Шелякиным и др., на материале французского – Ш. Балли, В.Г. Гаком, Д.Б. Исмаиловой, Н.М. Клеймёновой, М. Коэном, Т.В. Кравцовой, А.А. Ларькиной, З.Н. Левитом, Н.Н. Лопатниковой, Н.А. Мовшович, Ю.С. Степановым и др., на материале английского – М.С. Асановой, Ю.А. Жлуктенко, О.Г. Ильинской, Г. Марчандом, Э.А. Сайдашевой, А.И. Смирницким и др., на материале немецкого – Г.Р. Искандровой, Е.В. Прунтовой, Л.А. Юшковой и др., на материале испанского – Н.Д. Аругтюновой, В.А. Иовенко и др.

С целью анализа конверсии как универсального феномена, а также выявления её национальных особенностей некоторые учёные отдельно исследу-

дуют данный способ словообразования на материале нескольких языков: русского и английского (О.Г. Ильинская), русского и татарского (А.Ф. Гайнутдинова), немецкого и башкирского (Г.Р. Искандрова), французского и татарского (Д.Б. Исмаилова) и т.д. Всё вышесказанное свидетельствует о необходимости и значимости изучения конверсии для развития лингвистики, что обуславливает **актуальность** данного диссертационного труда.

Объектом исследования является конверсия как один из способов словообразования на материале языка синтетического типа (русского) и языка аналитического типа (французского).

Предметом исследования служит типология видов узуальной и окказиональной конверсии в словообразовании на материале данных языков.

Материалом для исследования узуальной конверсии послужила картотека русских и французских дериватов, образованных данным способом и отобранных путём сплошной выборки из словарей русского и французского языков, таких как «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой, «Словарь современного русского литературного языка» Академии Наук СССР в 17-и томах, «Французско-русский словарь активного типа» под редакцией В.Г. Гака и Ж. Триомфа, толковые словари французского языка «Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française» (Le Robert) и «Le Petit Larousse illustré». Картотека включает в себя 3250 лексем (1320 русских и 1930 французских).

Материалом для исследования окказиональной конверсии послужила картотека, содержащая 100 дериватов (58 русских и 42 французских), отобранных из произведений художественной литературы русских и французских авторов XIX - XXI веков и зафиксированных в 85 контекстах их употребления (соответственно в 50 и 35).

Цель настоящей работы заключается в исследовании видов узуальной и окказиональной конверсии в словообразовании для выявления на фоне ин-

тегральных её дифференциальных признаков в языке синтетического и языке аналитического типа.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) установить в образовании слов знаменательных частей речи интегральные и дифференциальные признаки узуальной конверсии в языке синтетического и языке аналитического типа;

2) выявить в образовании слов служебных частей речи интегральные и дифференциальные признаки узуальной конверсии в языке синтетического и языке аналитического типа;

3) установить интегральные и дифференциальные признаки узуальной интеръективации в языке синтетического и языке аналитического типа;

4) исследовать окказиональную конверсию в произведениях русской и французской художественной литературы в соотношении с узуальной.

Методология настоящего диссертационного исследования основывается на общей философской, общенаучной и частной методологии. Согласно общей философской методологии язык рассматривается в работе как объективная, постоянно развивающаяся система, что проявляется, в частности, в изменении его лексического состава по причине словообразовательного процесса в нём.

С учётом общенаучной методологии в ходе исследования использовались собственно лингвистические данные, а также привлекались сведения из других наук – экономических, физики, биологии. Таким образом, затронутые в настоящей работе вопросы рассматриваются в свете современной интегральной парадигмы междисциплинарного научного знания.

Частная методология данного исследования формируется под влиянием принципов и точек зрения, отражённых в трудах по определению места словообразования в модели языка (Ш. Балли, Г.В. Белякова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Е.А. Земская, В.Н. Немченко, О.Б. Полянчук, И.С. Улуханов, Н.М. Шанский, Н.А. Янко-Триницкая и др.), по характеристике конвер-

сии как способа словообразования и транспозиции (М. Докулил, М. Коэн, Е.С. Кубрякова, Е. Курилович, В.В. Лопатин, Г. Марчанд, И.А. Мельчук, И.Г. Милославский, Кр. Ниро, А.И. Смирницкий, Г.Г. Соколова, М.А. Шелякин и др.), по исследованию проблем теории языка на материале русского и французского языков (В.Г. Гак, С.М. Кравцов, Ю.С. Степанов, А.П. Шаповалова и др.), по окказиональному словообразованию (Е.А. Земская, Т.В. Кравцова, А.В. Стахеева, Э.И. Ханпира и др.).

Методами, используемыми в работе, являются описательный, сопоставительный, контекстологический и компонентный анализ. Описательный метод помогает установить сущность изучаемого объекта с помощью приёмов наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации. Сопоставительный позволяет сравнить деривационное значение русских и французских слов, образованных путём конверсии, и обнаружить его национальную специфику. Контекстологический метод даёт возможность определить значение мотивированной лексемы в конкретном контексте художественного произведения. Компонентный анализ позволяет расчленить семантическую структуру мотивированных лексем и выявить сходство и различие в их значении.

Положения, выносимые на защиту:

1. С учётом принадлежности слов, образованных путём узуальной конверсии, к знаменательным частям речи в языке синтетического и языке аналитического типа устанавливаются такие её виды, как субстантивация, адъективация, адвербиализация. Наиболее продуктивным из них в обоих языках является субстантивация, наименее продуктивным – адвербиализация. Существительные образуются в языках обоих типов на основе прилагательных (качественных и относительных), глагольных словоформ (причастий и инфинитивов), числительных, наречий и служебных слов (предлогов, союзов, частиц); прилагательные – на основе глагольных словоформ, числительных и существительных; наречия – на основе прилагательных, предлогов и существительных. Тем не менее, субстантивация и адъективация более распространены в языке аналитического типа благодаря тому, что в нём в класс существ-

вительных активнее переходят глаголы в форме инфинитива и союзы, а в класс прилагательных транспонируются ещё наречия. Адвербиализация, напротив, более распространена в языке синтетического типа, ибо её производящая база включает в себя деепричастия, а также большее число прилагательных и предлогов. В целом образование путём конверсии лексем знаменательных частей речи, формирующих основу словарного состава, гораздо более продуктивно в языке аналитического типа, поскольку аналитизм проявляется в морфологической неизменяемости слова, в результате чего у лексем всех частей речи (кроме глаголов) отсутствуют явные морфологические показатели.

2. В зависимости от принадлежности слов, образованных посредством узуальной конверсии, к служебным частям речи в языке синтетического и языке аналитического типа выделяются такие её виды, как препозиционализация, конъюнкционализация. Предлоги образуются в обоих языках на базе глагольных словоформ (деепричастий настоящего времени в языке синтетического типа и причастий настоящего и прошедшего времени в языке аналитического типа), союзы – на базе наречий. Однако препозиционализация и конъюнкционализация более распространены в языке синтетического типа, ибо в нём в разряд предлогов, кроме глагольных словоформ, переходят наречия, а в разряд союзов, кроме наречий, – существительные. Партикуляция отмечается только в языке синтетического типа, т.к. в языке аналитического типа частица служит не только для образования определённой формы слова, входя в его состав, но и для связи слов, что не свойственно лексемам знаменательных частей речи. Кроме того, в языке синтетического типа частицы более многочисленны, поскольку некоторым из них в языке аналитического типа соответствуют цельнооформленные лексемы других частей речи или аналитические конструкции. В общей сложности образование посредством конверсии слов служебных частей речи значительно более распространено в языке синтетического типа, ибо аналитизм проявляется также в нали-

чии среди таких лексем многочисленных сложных форм, существование которых обусловлено морфологической неизменяемостью слова.

3. Интеръективация как переход слов в класс междометий, не являющихся ни знаменательными, ни служебными лексемами, устанавливается в языках обоих типов. Тем не менее, в языке аналитического типа узуальная интеръективация более распространена и реализуется на основе существительных, глагольных словоформ и прилагательных, в то время как в языке синтетического типа – только на основе существительных и глагольных словоформ. В целом конверсия продуктивна в языках обоих типов, однако, в общей сложности она более распространена в аналитическом языке.

4. Будучи узуальным видом словообразования, конверсия может носить окказиональный характер. Окказиональная конверсия, реализующаяся в произведении того или иного автора, в определённом контексте, предполагает в большинстве случаев образование индивидуальных лексических единиц в соответствии с видами узуальной конверсии. В произведениях русской и французской художественной литературы окказиональная конверсия не очень распространена. Наиболее продуктивным видом окказиональной конверсии, как и узуальной, является субстантивация. После неё по степени продуктивности в произведениях русских авторов отмечается адвербиализация, а в произведениях французских авторов – интеръективация, что полностью соответствует степени распространённости данных видов конверсии в языках обоих типов, когда речь идёт об узуальной конверсии. Выявляются также случаи окказиональной адъективации и, кроме того, в русской художественной литературе – случаи вербализации. Встречаются окказионализмы, образованные от индивидуально-авторских словоформ, а также от некоторых существующих в языке словоформ, не являющихся основой для производства лексем путём узуальной конверсии. В общей сложности окказиональная конверсия более распространена в произведениях русских авторов. Использование окказиональных лексем, рождённых посредством конверсии, помогает автору более эффективно реализовать определённую прагматическую интен-

цию: охарактеризовать персонаж или объект окружающего мира, придать выразительности и эмоциональности речи, отразить настроение и мысли героя, воздействовать на читателя.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые произведён комплексный анализ конверсии, являющейся одним из универсальных способов словообразования, на материале двух разноструктурных языков – русского и французского. Анализ, основывающийся, прежде всего, на исследовании конверсии по отношению к системе языка, позволил обнаружить на фоне общих признаков национальные признаки конверсии, обусловленные типологическими особенностями данных языков. В работе впервые определяется степень продуктивности образования путём узуальной конверсии лексем знаменательных и служебных частей речи, а также междометий в русском и французском языках. В диссертации также впервые рассматривается механизм образования посредством окказиональной конверсии индивидуально-авторских слов в произведениях русской и французской художественной литературы, выявляется его соответствие / несоответствие видам узуальной конверсии в обоих языках.

Теоретическая значимость исследования заключается в дальнейшем развитии теории языка, таких областей языкознания, как словообразование, лексикология, морфология, этимология. Результаты анализа видов и подвидов конверсии на материале языков синтетического и аналитического типа (соответственно русского и французского) вносят вклад в разработку проблемы, связанной с определением места словообразования в модели языка, в изучение продуктивного и непродуктивного словообразования, а также в исследование основных словообразовательных значений в языках мира. Анализ конверсии через призму её отношения к системе языка способствует решению проблемы взаимосвязи языка и речи, образующих единый феномен.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования его результатов и материалов в процессе преподавания, прежде всего, теории языка, а также практического курса русского и французского

языков, спецкурсов по словообразованию, лексикологии, морфологии данных языков, элективного курса по филологическому анализу текста. Материалы исследования могут найти своё применение при создании этимологического словаря.

Апробация работы. По материалам диссертации опубликовано восемь работ, три из которых – в журналах из перечня ведущих периодических изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Основные теоретические положения диссертации, фрагменты её содержания апробированы на Международной научно-практической конференции «Русский язык в контексте межкультурной коммуникации» (Самара, 2011), на Международной научной конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» (Екатеринбург, 2012), на Международной научно-методической конференции «Личность, речь и юридическая практика» (Ростов-на-Дону, 2013), на научно-методических семинарах кафедры русского языка и теории языка Южного федерального университета в 2011–2013 годах, а также в статьях, включённых в рецензируемый журнал «Известия Ростовского государственного строительного университета» (Ростов-на-Дону, 2011) и рецензируемый межвузовский сборник научных трудов «Актуальные вопросы французской и отечественной филологии» (Ростов-на-Дону, 2012).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, списка источников из художественной литературы и приложения.

ГЛАВА I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНВЕРСИИ КАК СПОСОБА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1.1. Понятие конверсии в современной науке

Ввиду своей полисемичности термин «конверсия» (от латинского «*conversio*» – изменение, превращение), подобно некоторым другим, таким как «ассимиляция», «функция» и т.д., обладает междисциплинарным статусом. Первичным значением данной лексемы является результат или процесс действия, заключающегося в семантической структуре глагола «конвертировать» – «произвести (производить) перерасчёт, а также вообще изменить (изменять), превращая в новый вид, в новое качество» [ТСРЯ: 289]¹. Будучи ёмким и непосредственно связанным с универсальным представлением о динамике, движении, оно послужило основой для образования производных значений данного термина, используемых в различных областях современной науки. Так, например, конверсия – одно из понятий экономики, на что указывает помета «экон.», сопровождающая дефиницию лексемы в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» под редакцией Г.Н. Складневской: «Конверсия. 1. Экон. Перевод предприятий оборонной промышленности на производство гражданской продукции» [ТСРЯС: 485].

Рассматриваемый термин присутствует в «Большой экономической энциклопедии», где он представлен довольно широко в составе отдельно оформленных терминов: «Конверсия – преобразование, чаще всего за счёт обмена. Виды конверсий: 1. Конверсия арбитражная – арбитражная стратегия, применяемая арбитражем, суть которой состоит в приобретении форвардного контракта, в то же время покрывается короткая синтетическая позиция по опционам: покупка пут и продажа колл. 2. Конверсия займа – изменение условий займа, оговоренных первоначально, происходящее в тех слу-

¹ Используемые в работе сокращения названий источников приводятся в библиографическом списке в круглых скобках.

чаях, когда эти условия не были зафиксированы. Также под термином «конверсия займа» понимается обмен облигаций на акции эмитента либо выпуск займа для замещения существующего выпуска с целью снижения издержек.

3. Конверсия обратная – производимый в обратном порядке обмен обязательств на ценные бумаги» [БЭЭ: 295].

Конверсия является важным понятием такой области экономических наук, как финансы и кредит. В этой сфере конверсия интерпретируется следующим образом: «Конверсия. Фин. Обмен денежных средств (по действующему валютному курсу) и ценных бумаг» [ТСРЯС: 485]. Данная лексическая единица входит в состав некоторых терминологических словосочетаний, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой области, что отмечается в «Современном финансово-кредитном словаре»: «Конверсия внутреннего долга – изменение условий займа, задолженности по внутренним займам государства»; «Конверсия акций – обмен акций одного типа или категории на акции другого типа или категории, на акции другого эмитента и т.п.» [СФКС: 183, 184].

Конверсия представляет определённый интерес и для специалистов в области такой науки, как физика, что подтверждается «Физической энциклопедией»: «конверсия внутренняя – явление, при котором энергия, высвобождаемая при электромагнитном переходе возбуждённого атомного ядра с энергией E_n в состояние с меньшей энергией E_k , передаётся в результате электромагнитного взаимодействия одному из электронов, который покидает атом (конверсионный электрон)» [ФЭ: 436].

Понятие конверсии актуально также для такой науки, как биология. В «Биологическом энциклопедическом словаре», например, оно объективируется в отдельнооформленном термине «конверсия фаговая», трактующемся как «изменение признаков бактерии при поражении бактериофагом» [БЭС: 276].

Конверсия является одним из объектов исследования в области языкознания, тем не менее, номинирующая его лексема представлена не во всех

современных словарях-справочниках лингвистических терминов. Она отсутствует, например, в «Справочнике по русскому языку. Словаре лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (СРЯ), «Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий» под редакцией А.Н. Тихонова и Р.И. Хашимова. Это свидетельствует о том, что в данной науке термин «конверсия» не является общепринятым.

Следует отметить, что в лингвистических источниках, фиксирующих лексему «конверсия», наблюдается различие объёма её интерпретации исследователями. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой трактовка конверсии предполагает её реализацию в грамматике, лексике и словообразовании [ЛЭС: 234-235].

В грамматике и лексике конверсия – это «способ выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу предложениях» [ЛЭС: 234]. В грамматике она «проявляется в залоге (в соотносительных структурах активной и пассивной конструкций) и выражается формами одного слова – так называемыми грамматическими конверсивами: «Насос *накачивает* воду в резервуар» ↔ «Вода *накачивается* насосом в резервуар» [там же: 234].

В лексике конверсия реализуется посредством разных слов – лексических конверсивов, передающих двусторонние субъектно-объектные отношения и обладающих в силу этого как минимум двумя валентностями: «Наши хоккеисты *превосходят* соперников в скорости» ↔ «Соперники *уступают* нашим хоккеистам в скорости» [там же: 234].

Перед тем как рассмотреть трактовку конверсии в словообразовании, определим понимание последнего термина, принятое за основу в данной работе. Следует отметить, что в лингвистической литературе он имеет несколько дефиниций, отличающихся друг от друга своим объёмом. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой словообразование интерпретируется как «1) образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения,

конверсии и др. формальных средств, 2) раздел языкознания, изучающий все аспекты создания, функционирования, строения и классификации производных и сложных слов» [ЛЭС: 467]. В первом значении словообразование называется также деривацией [там же: 129].

В значении деривации трактовка данного термина представляется неполной, ибо она целиком исключает лексико-семантический способ словообразования. В значении раздела языкознания она является очень широкой, поскольку она охватывает совершенно разные аспекты новых лексических единиц. Кроме того, в ней несправедливо различаются производные и сложные слова, которые могут быть одной лексемой (например, сложное слово «каменноугольный» является производным от «каменный уголь»).

Наиболее приемлемой нам представляется синкретичная интерпретация словообразования, предложенная в учебнике «Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц» под редакцией Е.И. Дибровой. По мнению его авторов, «словообразование, или дериватология (лат. *derivatum* – «произведённое, производное»), – раздел языкознания, изучающий структуру и семантику производных слов, способы их образования и их объединения» [СРЯД 2002: 487]. Данное толкование, отражающее основные проблемы словообразования и характеризующееся своей чёткостью и логичностью, принято за основу в нашей работе.

С точки зрения дериватологии в отмеченном выше «Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой конверсия справедливо, по нашему мнению, интерпретируется как «способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» (франц. «*être*» – «быть» и «*un être*» – «существо») [ЛЭС: 235]. Образованная посредством конверсии новая лексическая единица (в данном случае существительное «*un être*» от начальной формы

глагола «être») приобретает свойственные её классу слов морфологические и синтаксические характеристики.

Большинство исследователей, как российских, так и зарубежных, несмотря на изменение синтаксической функции производной лексемы, придерживается словообразовательного, а не синтаксического подхода к конверсии [Арутюнова 2007; Асанова 2007; Ахманова 1966; Гак 1961; Головин 2007; Гусак 1976; Жлуктенко 1958; Исмаилова 2007; Клеймёнова 2003; Кубрякова 1974, 1981; Никитевич 1985; Пассек 1957; Сайдашева 2006; Смирницкий 1954; Степанов 2006; Ярцева 1952; Dokulil 1968; Marchand 1964; Tsybova 2006 и др.]. Общим в их интерпретации конверсии можно считать то, что она является способом образования нового слова (деривата) путём изменения парадигмы окончаний производящей базы. Результатом такого изменения служит перевод (транспозиция) производящей лексической единицы в другую часть речи.

Принадлежность конверсии к дериватологии подтверждается, прежде всего, тем, что посредством данного способа, как и посредством других способов дериватологии, образуется слово, необходимое для номинации возникшей в социуме новой реалии. Так, например, работники, появившиеся в обществе с целью обслуживания лифтов, стали обозначаться лексемой «лифтёр», образованной при помощи суффиксации от слова «лифт», а потребность в номинации появившихся в России учреждений общественного питания, в которых подаются популярные в нашей стране пельмени, обусловила рождение путём конверсии лексемы «пельменная». Отдельное место существительного «пельменная» в системе языка фиксируется в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [ТСРЯ: 498], в «Словаре современного русского литературного языка» [БАС, т. 9: 370]. Его возникновение в языке можно представить следующим образом: существительное «пельмени» («маленькие пирожки из пресного теста с мясной начинкой») → произведённое от него путём суффиксации прилагательное «пельменный, -ая, -ое» («относящийся к пельменям» – «пельменный запах», «пельменная

начинка», «пельменное тесто») → произведённое от этого прилагательного путём конверсии существительное «пельменная» («закусочная, где подаются пельмени»). Данное слово, образованное с помощью конверсии от формы женского рода прилагательного «пельменный», приобрело иные морфологические и синтаксические признаки. Так, в отличие от производящего прилагательного, оно обладает только формой женского рода, а в предложении может употребляться в качестве подлежащего (*«Пельменная уже открылась»*), обстоятельства места (*«Он пообедал в пельменной»*). Как видно, в результате появления посредством конверсии новой лексемы ею приобретаются определённые, соответствующие классу слов, к которому она принадлежит, синтаксические характеристики. Следовательно, конверсия не только имеет словообразовательную природу, но и обуславливает синтаксические признаки произведённых с её помощью лексических единиц.

Лингвисты едины также в том, что они отмечают высокую степень продуктивности конверсии как способа словообразования [Аминова 2004: 111; Гусак 1976: 47; Сайдашева 2006: 14-15 и др.]. Причину активности её использования можно объяснить закономерным стремлением носителя языка к экономии средств выражения: «происходит синтагматическое сжатие, при котором линейная языковая структура избавляется от вспомогательных элементов, каковыми являются предлоги, аффиксы» [Черногорова 1981: 18].

Дефиниции конверсии в словообразовании различаются в зависимости от того, как исследователи рассматривают соотношение производящего (мотивирующего, базового, исходного) и производного (мотивированного, результативного) слов. При узкой трактовке конверсии ею называют только случаи полного совпадения исходного и результативного слов. Данный критерий учитывается, например, А.И. Смирницким, утверждающим, что «конверсия есть такой вид словообразования, при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова («doctor» – существительное и «doctore» – глагол, «paper» – существительное и «paper» – глагол)» [1954: 12].

Отсутствие каких-либо аффиксов в данном случае связано с тем, что транспонируемая единица сохраняет свою исходную форму. Процесс образования новой лексемы представляет собой по сути «механизм обмена функциями между элементами языка» [Пешкова 1966: 5]. Производное слово употребляется в несвойственной ему синтаксической функции и приобретает грамматические категории, характерные для новой части речи. Следовательно, при сохранении фонетического и графического облика у конвертируемой лексемы наблюдается изменение первичных (категориальных) и вторичных (синтаксических) функций [Трамова 2006: 65].

Подобным образом конверсия трактуется Ю.С. Степановым, который утверждает, что она является способом образования лексических единиц, характеризующимся переходом слова из одной части речи в другую без изменения своего морфологического состава [2006: 75].

О приобретении лексемой новых синтаксических функций при изменении её частеречной принадлежности писал в тридцатые годы XX века выдающийся польский лингвист Ежи Курилович, называя этот процесс не конверсией, а синтаксической деривацией [1962: 61]. Образованное таким способом слово квалифицируется им как синтаксический дериват – «форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией; она обладает синтаксической морфемой» [там же: 61].

Такой исследователь, как В.М. Никитевич, полагает, что конверсия не всегда имеет место даже в случае полного совпадения производящего и производного слов. С его точки зрения, при тождестве формы они должны различаться парадигмами окончаний. На этом основании исследователь считает, что при субстантивации прилагательных и причастий, т.е. при их переходе в класс существительных, «парадигма как означающее не принимает участия в выражении различий по частям речи, поскольку она одна и та же. Производное значение существительного здесь выражается позицией слова, т.е. синтаксически. Отнесение субстантивации прилагательных и причастий к конверсии или морфологическому способу словообразования приводит к пре-

небрежению целым рядом их существенных признаков как производных номинаций» [Никитевич 1985: 84]. Исследователь не относит к классу существительных, например, такие производные от прилагательного слова, как «больной», ибо они, с его точки зрения, сохраняют парадигму производящей лексемы.

Тем не менее, в интерпретации конверсии, предложенной Ю.А. Жлуктенко, допускается совпадение не только исходного и результативного слов, но и целых парадигм. Это позволяет прийти к выводу, что субстантивация на основе прилагательных и причастий представляет собой конверсию [1958: 54].

Подобный подход к трактовке конверсии наблюдается в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой, где отмечается, что «конверсия действует при образовании имён существительных, мотивированных и по форме, и по смыслу прилагательными или причастиями» [СРЯЗ 1989: 317]. Здесь, на наш взгляд, убедительно и аргументированно утверждается, что при так называемой субстантивации «парадигма прилагательного или причастия преобразуется: 1) количественно – существительное сохраняет лишь часть «прилагательной» парадигмы (формы одного из трёх родов или формы мн. ч.) и 2) качественно – согласовательные флексии прилагательного или причастия преобразуются в независимые аффиксы существительного (мясное, бобовые, ванная ...)» [там же: 317]. Изменение парадигмы исходной лексемы рассматривается в качестве словообразовательного средства, в связи с чем этот способ занимает промежуточное место между неаффиксальными и аффиксальными способами деривации [там же: 317-318].

Е.А. Земская, не употребляя термин «конверсия», также считает подобные лексемы существительными (субстантиватами), именуемыми лицо по признаку, названному основой производящего качественного прилагательного [2011: 291]. Принадлежность такого рода слов к существительным под-

тверждают С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова: «больной, -ого, м. Тот, кто болеет. Больной пришёл к врачу. Приём больных» [ТСРЯ: 55].

При широкой трактовке конверсии к ней относят случаи совпадения лишь основ исходного и результативного слов. Опираясь на этот критерий, О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» интерпретирует её следующим образом: «Конверсия. Образование нового слова путём перевода данной основы в другую парадигму словоизменения. Например, образование глагола из основы существительного (англ. *rep* – в парадигме глагола: *rep, pens, penned, penning*)» [СЛТ 1966: 202].

Подобной трактовки конверсии придерживается Е.С. Кубрякова, называющая её морфологической транспозицией, которая имеет словообразовательный характер. Она определяет её как «процесс морфологической транспозиции основы и, следовательно, как процесс полной смены парадигмы у исходной единицы или как результат полного изменения морфологического окружения у неё» [1974: 75]. По этой причине она считает, что деривация может происходить путём усечения показателей (*нагрев-ать* → *нагрев*), присоединения новых морфологических показателей (*обед* → *обед-ать*) и их смены (*золот-о* → *золот-ой*) [там же: 75].

Словообразовательной базой исследуемого способа дериватологии, с точки зрения О.С. Ахмановой и Е.С. Кубряковой, служит основа лексемы, в результате чего при её переходе из одной части речи в другую допускается участие аффиксов и, следовательно, несовпадение планов выражения производящей и производной единиц. Несмотря на определённые различия в интерпретации конверсии исследователи, как видно из всех приведённых выше дефиниций, вполне справедливо отмечают, что при данном способе словообразования происходит изменение частеречной принадлежности, парадигмы окончаний, т.е. морфологической характеристики, производящей единицы.

Классификация транспонируемых единиц может основываться на словообразовательном анализе и синтезе. В первом случае учитывается часть речи производного слова, в результате чего выделяются субстантивация, адъ-

ективация, адвербиализация и т.д. различных частей речи [Гусак 1976: 50; Сайдашева 2006: 90-110; Трамова 2006: 65]. Во втором случае принимается во внимание часть речи производящего слова, что позволяет говорить о конверсии существительных, прилагательных и т.д. [Стахеева 2008: 10; Lévíte 1963: 48].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой указывается на то, что конверсия представлена разными типами случаев, зависящими от следующего: 1) какие части речи она связывает между собой и каково направление деривации в этих случаях (от имени к глаголу или от глагола к имени и т.п.); 2) смена каких морфологических парадигм наблюдается при конверсии [ЛЭС: 235].

Как мы уже отмечали, термин «конверсия» не является общепризнанным в современном языкознании, что подтверждается его отсутствием не только в отдельных словарях и справочниках лингвистических терминов, но и в работах ряда учёных, исследующих производство новых лексем путём перевода их в другую часть речи. Так, с точки зрения Е.А. Земской, В.В. Лопатина, И.Г. Милославского, М.А. Шелякина, объём слов, которые могут образовываться этим способом, ограничивается существительными, в результате чего они называют его субстантивацией [Земская 2011: 291-294; Лопатин, Милославский, Шелякин 1989: 26].

Такие учёные, как Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова, определяют рассматриваемый способ словопроизводства, не называя его конверсией, в зависимости от того, к какой части речи относится результирующая лексема. В соответствии с этим они выделяют субстантивацию, адвербиализацию, адъективацию, вербализацию, прономинализацию [СРЯ 2003: 16, 51, 343, 474].

В трудах некоторых лингвистов процесс деривации, совершающийся без изменения основы мотивирующей единицы, рассматривается как результат словообразования с помощью нулевой морфемы, в связи с чем он называется не конверсией, а нулевым словообразованием [Лопатин 1966; Marchand 1964]. Против этой трактовки применительно к славянским языкам выступа-

ют Е.С. Кубрякова и М. Докулил, отвергающие понятие нулевого словообразования [Кубрякова 1974; Dokulil 1968]. Для обозначения данного способа деривации в современной лингвистике используется также термин «безаффиксальное словообразование» [Аминова 2004; Аракин 2008].

Следует отметить, что в большинстве публикаций на французском языке, посвящённых проблеме образования новых слов путём их перевода из одной части в другую, используется термин «*dérivation impropre*» («несобственная деривация») [Cohen 1972; Léville 1963; Lopatnikova, Movchovitch 2001; Nyrop 1936]. В работе Кр. Ниро «*Grammaire historique de la langue française*» («Историческая грамматика французского языка») несобственная деривация характеризуется как «*le procédé par lequel on tire d'un mot existant un autre mot en lui attribuant simplement une fonction nouvelle*» («способ, посредством которого из существующего слова получают другое, наделяя его новой функцией») [Kr. Nyrop 1936: 130].

В учебнике «*Lexicologie du français moderne*» («Лексикология современного французского языка») отмечается, что «*par ce procédé on crée un nouveau mot à partir d'une des formes d'un mot ancien en la faisant passer dans une autre catégorie grammaticale ou lexico-grammaticale*» («этим способом создаётся новое слово на основе одной из форм старого слова путём перевода её в другую грамматическую или лексико-грамматическую категорию») [Lopatnikova, Movchovitch 2001: 107].

В современных толковых словарях французского языка также вместо термина «*conversion*» в словообразовании фиксируется термин «*dérivation impropre*», которые можно рассматривать в качестве дублетов. Так, в толковом словаре французского языка «*Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*» даётся следующая дефиниция термина: «*Dérivation impropre, qui se fait sans modification de forme, par changement de catégorie*» («Несобственная деривация, происходящая без изменения формы, путём смены категории») [DLF: 604].

Неоднозначность определения объёма конверсии современными исследователями проявляется также в их дискуссионном отношении к эллипсису – пропуску в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурной «неполноте» синтаксической конструкции [ЛЭС: 592]. Такие учёные, как А.А. Ларькина, Н.Н. Лопатникова, Н.А. Мовшович, Ю.С. Степанов, относят его к конверсии, утверждая, что во французском языке эллипсис представляет собой в некоторой степени субстантивацию прилагательного [Ларькина 2009: 32; Lopatnikova, Movchovitch 2001: 109; Степанов 2006: 76]. Однако данную позицию не разделяют М.В. Зеликов, Т.В. Кравцова, Г.Г. Соколова, вполне справедливо полагающие, на наш взгляд, что эллипсис представляет собой явление грамматики, которое обуславливает специфику синтаксической структуры конкретных языков [Зеликов 1999: 5; Кравцова 2010: 48; Соколова 1973: 46-47]. В некоторых случаях на основе эллипсиса могут возникать новые лексические единицы, тем не менее, при этом сохраняется их частеречная принадлежность. Например, во французском языке существительное «*demande*» («*предложение*») восходит к субстантивному словосочетанию «*demande en mariage*» («*предложение выйти замуж*») [ЛЭС: 592].

С учётом вышеизложенных точек зрения в работе употребляется термин «конверсия», интерпретирующийся как такой неаффиксальный способ словообразования, при котором производная лексема, появляющаяся в результате перевода цельнооформленной производящей (либо её словоформы, т.е. определённой грамматической формы) в другую часть речи, полностью сохраняет план выражения последней, но приобретает новые морфологические и синтаксические функции. Подобное понимание конверсии предполагает, что субстантивация существует в статусе одного из её видов.

Итак, термин «конверсия», будучи полисемичным, употребляется в различных областях современной науки: экономике, финансах, физике, биологии, лингвистике. В языкознании при широком подходе к нему он рассматривается в грамматике, лексике и словообразовании, при узком – только в словообразовании. Не все исследователи используют данный термин, однако,

все они признают, что существует деривационный способ, при котором производное слово образуется путём перехода производящего в другую часть речи с изменением парадигмы окончаний и с полным сохранением формы или основы.

1.2. Конверсия в сопоставлении с транспозицией

В предыдущем параграфе при рассмотрении различных интерпретаций конверсии в словообразовании мы употребляли термин «транспозиция» в связи с переходом исходной лексемы в другую часть речи в процессе производства новой лексической единицы. Вопрос соотношения данных понятий остаётся нерешённым в современной лингвистике. Большинство исследователей, среди которых Е.С. Кубрякова, Г. Марчанд, Л.Н. Мурзин, Ю.С. Степанов и другие, трактует конверсию как разновидность транспозиции. Тем не менее, В.М. Никитевич противопоставляет их, а В.Г. Гак считает их взаимозаменяемыми. В отличие от термина «конверсия» термин «транспозиция» признаётся всеми лингвистами, что свидетельствует о важности для развития языка означаемого им явления.

Швейцарский лингвист Шарль Балли, впервые разработавший теорию транспозиции, указал на огромную роль, которую играет транспозиция в функционировании языка. Он утверждает: «Замкнутые в своих категориях, знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки» [1955: 143].

Отдельные аспекты теории транспозиции были исследованы датским языковедом О. Есперсеном в его основном труде «Философия грамматики», где он рассматривает случаи перехода слов из одного разряда в другой на примере прилагательных и существительных [2002], а также швейцарским учёным А. Сеше в работе «Очерк логической структуры предложения», в которой он анализирует правила транспозиции [2010].

В современной лингвистике для номинации подобного явления термин «транспозиция» употребляется чаще других, однако, подобно термину «конверсия», он трактуется неоднозначно. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре», в котором, с нашей точки зрения, даётся наиболее полная и точная его интерпретация, отмечается следующее: «транспозиция (от латинского *transpositio* – перестановка) – использование одной языковой формы в функции другой формы – её противочлена в парадигматическом ряду» [ЛЭС: 519].

Транспозиция основана на семантическом или функциональном сопоставлении языковых единиц. Речь идёт об отношении и процессе, в котором различаются три элемента: исходная форма (транспонируемый языковой знак), средство транспозиции (транспозитор), результат (транспозит). Транспозитор – это знак связи между определяемым и определяющим. Транспозиция является одной из форм асимметрии в языке и играет большую роль в его структуре, функционировании.

Транспозиция, как и конверсия, понимается исследователями широко или узко. В широком смысле она рассматривается как перенос любой языковой формы, например, транспозиция времён (использование настоящего времени вместо прошедшего или будущего), наклонений (употребление императива в значении индикатива или условного наклонения), коммуникативных типов предложения (употребление вопросительного предложения в значении повествовательного) и т.д. Данный термин используется также для обозначения метафор и других переносов в лексике [там же: 519].

При сравнении конверсии и транспозиции, интерпретируемых широко, можно сделать вывод об их различии. При первом феномене речь идёт об идентичности только основ производящего и производного слов, а при втором – об идентичности обеих лексем (словоформ).

В узком смысле транспозиция, или функциональная транспозиция, представляет собой употребление слова в функции другой части речи либо перевод его (или его основы) из одной части речи в другую. Различаются два

этапа данного процесса: 1) неполная, или синтаксическая, транспозиция, при которой изменяется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения её принадлежности к части речи, транспозитором в данном случае является словоформа («отец» → «дом *отца*»), десемантизированное слово в полуслужебной функции («старый» → «старый *человек*», т.е. «старик»), окружение («я живу на *втором* [этаже]»); 2) полная, или морфологическая, транспозиция, при которой образуется слово новой части речи. Её транспозитором является аффиксация или конверсия [ЛЭС: 519]. При узкой интерпретации транспозиции, следовательно, конверсия может квалифицироваться как один из её видов – полная, или морфологическая (безаффиксная), транспозиция.

Мы уже отмечали, что в работах некоторых учёных, таких как Е.С. Кубрякова, понимающих конверсию широко, она тоже называется морфологической транспозицией. Узкий подход к толкованию транспозиции излагается также в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой, где под нею понимается переход слова из одной части речи в другую [СРЯЗ 1989: 299].

Целый ряд исследователей к транспозиции относит выражение значений частей речи с помощью аффиксации [Ахманова 1966; Кубрякова 1974, 1981; Мурзин 1974; Степанов 1981 и др.]. Однако им возражает В.М. Никитевич, полагающий, что транспозиция частей речи является безаффиксным выражением общего производного значения части речи, которое нельзя отождествлять с нулевой аффиксацией как одним из видов аффиксного выражения этого значения. В этом смысле исследователь противопоставляет транспозицию конверсии, которая также является одним из способов материальной аффиксации. Конверсия, по его мнению, всегда укажет на производное значение части речи независимо от позиции – синтаксической морфемы [1985: 94].

В.Г. Гак, анализирующий переход слов из одной части речи в другую в русском и французском языках, наоборот, рассматривает сопоставляемые

понятия как взаимозаменяемые. Исследуя морфологические особенности лексем разных частей речи во французском языке, он пишет: «Во французском языке только глагол имеет выраженную особую морфологическую характеристику. Морфологические показатели прилагательного и существительного совпадают. Исходная форма этих двух частей речи (ед. ч.) не имеет специфических окончаний и может быть легко спутана с наречием. Этим объясняется значительно бóльшая лёгкость прямой транспозиции (конверсии) одной части речи в другую и бóльшая трудность их разграничения, чем в русском» [1983: 94]. Данная точка зрения отражает типологические особенности русского и французского языков. Первый из них характеризуется синтетизмом, проявляющимся в объединении в лексеме нескольких морфем (лексических, словообразовательных, словоизменительных), второй – аналитизмом, состоящим в раздельном выражении лексического, грамматического, словообразовательного значений лексемы и в её морфологической неизменяемости.

Необходимо заметить, что не все исследователи разделяют изложенную выше дефиницию синтаксической транспозиции. Так, Е.С. Кубрякова утверждает, что этот вид транспозиции служит причиной изменения синтаксических функций исходной единицы без полного изменения её морфологического окружения. В данном случае лексема продолжает сочетаться со своими старыми морфологическими показателями или меняет их лишь частично, транспонируется готовое слово или его словоформа. Опираясь на подобный подход к синтаксической транспозиции, исследователь считает, что она реализуется при изменении частеречной принадлежности лексемы, например, при субстантивации или адъективации слов других частей речи, типа «больной», «слепой», «бедный» [Кубрякова 1974: 75].

Как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, в указанной работе Ю.А. Жлуктенко, а также в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой субстантивация рассматривается как конверсия, а не синтаксическая транспозиция. Если разные исследователи называют од-

но и то же языковое явление конверсией или транспозицией, можно заключить, что данные термины близки по своей сути.

Вместо терминов «транспозиция» и «синтаксическая транспозиция» в работах ряда лингвистов используются другие термины. С точки зрения В.М. Никитевича, например, способ номинации, при котором производное значение обусловлено только изменением позиции, как в случае субстантивации, – не синтаксическая транспозиция, а транспозиция на уровне частей речи, или деривационная транспозиция [1985: 84].

М.Ф. Лукин также говорит о переходе лексемы из одной части речи в другую, однако, он предпочитает терминам «конверсия» и «транспозиция» термин «субституция». Исследователь полагает, что «в языке наблюдается не переход, а лексико-грамматическая субституция (от лат. *substitutio* – «подстановка») – образование словоформами какой-либо части речи своих вторичных форм (трансформ) и употребление их в качестве субститутов – заместителей конкретных или потенциальных слов других частей речи. Однако в научном обиходе, думаем, все же допустимо употребление термина *переход* (в силу традиции), если понимать под ним использование словоформ одной части речи в значении другого лексико-грамматического класса» [Лукин 2006: 50].

Существует и другой термин, называющий рассматриваемое явление, – «переходность». Он обозначает переход языковых единиц из одной части речи в другую [Бабайцева 2000; Каламова 1961; Кодухов 1977].

В терминологии французского лингвиста Люсьена Теньера транспозиция называется трансляцией. С его точки зрения, «сущность трансляции состоит в том, что она переводит полнозначные слова из одной грамматической категории в другую, то есть превращает один класс слов в другой» [1988: 378]. Он дал описание видов трансляции, различая трансляцию первой степени (перевод слов или основ из одной части речи в другую) и второй степени (перевод предложений в функцию существительного, прилагательного, наречия) [там же: 378].

Транспозиция играет важную роль в деривации. Такой крупнейший специалист по теории словообразования, как Г. Марчанд, включил понятие транспозиции в определение словообразования, подчеркнув, что «о деривации можно говорить лишь тогда, когда слово меняет свою классную принадлежность (ср. англ. clean «чистый» и to clean «чистить») или же свою принадлежность к определённом лексическому разряду слов (ср. англ. professor «профессор» – professorship «профессура»)» [1967: 17]. Как видно из данной дефиниции, её автор интерпретирует транспозицию как понятие, включающее в себя конверсию.

Транспозиция тесно связана с характером деривационного значения слов, в зависимости от которого различают две сферы деривации: 1) лексические значения производных и производящих единиц тождественны, но производные отличаются от производящих частеречной принадлежностью и, следовательно, синтаксической функцией; 2) лексические значения производных и производящих не тождественны. Явления первой сферы Ежи Курилович предложил называть синтаксической деривацией, явления второй сферы – лексической деривацией, а соответствующие производные – синтаксическими и лексическими дериватами [1962: 57-70].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой не выделяется синтаксическая и лексическая деривация. Тем не менее, соотношение семантики исходных и результативных единиц, образованных посредством транспозиции, анализируется здесь подобным образом: «В аспекте семантики при транспозиции возможно как сохранение общего значения («распределять» → «распределение»), так и сдвиг в значении, обычно сужение («земля» → «земляной», «земельный», «земной» и т.п.)» [ЛЭС: 519].

В системе языка заложены предпосылки к переходу его единиц из одной части речи в другую, что обуславливает существование полной транспозиции, в частности, конверсии. На этот факт обратил внимание В.В. Виноградов: «Известно, что слово, принадлежащее к кругу частей речи с богатым

арсеналом словоизменения, представляет собою сложную систему грамматических форм, выполняющих различные синтаксические функции. Отдельные формы могут отпадать от структуры того или иного слова и превращаться в самостоятельные слова (например, формы существительного становятся наречиями)» [1972: 19].

Языковые единицы могут переходить посредством полной транспозиции, в частности, конверсии не только в какую-либо знаменательную часть речи, в зависимости от чего, как мы уже отмечали, различаются субстантивация (переход в класс существительных), адъективация (переход в класс прилагательных), вербализация (переход в класс глаголов), адвербиализация (переход в класс наречий), прономинализация (переход в класс местоимений), но и в служебную (предлоги, союзы, частицы). Переход возможен также и в междометие [ЛЭС: 519].

С целью определения части речи, к которой принадлежит то или иное слово, учитывается, как правило, совокупность критериев. В качестве основных выдвигаются следующие: общее категориальное значение части речи, характер морфологической категории и морфологической парадигмы, синтаксические функции и словообразовательные характеристики [Виноградов 1972: 38].

При конверсии, или полной транспозиции, лексической единицы происходит изменение её свойств. В этой связи В.В. Шигуров отмечает следующее: 1) изменение синтаксической функции слова; 2) изменение общеграмматического (категориального) значения слова; 3) изменение синтаксической дистрибуции слова; 4) изменение лексического значения слова; 5) изменение лексической дистрибуции слова; 6) изменение морфологических признаков слова; 7) изменение морфемной структуры слова; 8) изменение словообразовательных возможностей слова; 9) изменение фонетических особенностей слова (ударение, сокращение фонемного состава) [1988: 11-16].

Однако не все исследователи считают, что переход лексемы из одной части речи в другую неизбежно приводит к изменению её лексического зна-

чения. Так, Ежи Курилович и вслед за ним Е.А. Земская, В.В. Лопатин, И.Г. Милославский, М.А. Шелякин, характеризуя синтаксическую деривацию как один из общих типов семантических различий, утверждают, что производящее и производное отличаются друг от друга исключительно принадлежностью к разным частям речи и никаких семантических различий между ними нет [Земская 2011; Курилович 1962; Лопатин, Милославский, Шелякин 1989]. В этом случае транспозиция рассматривается в качестве вида семантических отношений между производной и производящей основами. Как в целом справедливо отмечается в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой, при отношениях транспозиции значение исходного слова переводится из одной части речи в другую, в результате чего результативное слово приобретает новое категориально-грамматическое значение, но сохраняет то же лексическое (*свежий* → *свежесть*, *переписывать* → *переписывание*) [СРЯЗ 1989: 306].

Тем не менее, данное суждение нам представляется несколько категоричным, ибо производящее и производное слова, находящиеся в отношениях транспозиции, не всегда обладают общим лексическим значением. В утверждении вышеназванных учёных не учитывается, в частности, возможность изменения лексического значения производящего и производного слов в диахроническом аспекте. Наша точка зрения основывается на результатах семантического анализа некоторых пар слов, связанных отношениями транспозиции, когда не совпадают значения результативной и исходной лексем.

Рассмотрим несколько примеров. В девятом томе «Словаря современного русского литературного языка», изданном в 1959 году, первичное (базовое) лексическое значение глагола «*писáть*» формулируется следующим образом: «1. Воспроизводить от руки, изображать специальные графические знаки; передавать посредством таких знаков слова, текст и т.п.» [БАС, т. 9: 1227]. Здесь же толкуются образованные от данного глагола существительные «*писание*» и «*письмо*», представлено их общее базовое значение, совпадающее с базовым значением глагола «*писать*»: «Писание. 1. Действие

по значению глагола «писать» [там же: 1220]; «Письмо. Действие по 1-му значению глагола «писать», писание» [там же: 1245].

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, изданном в 2009 году, интерпретация глагола «*писать*» в первичном лексическом значении в основном совпадает с интерпретацией в БАС: «1. Изображать на чём-нибудь графические знаки, их сочетания» [ТСРЯ: 518]. Толкование производного существительного «*писание*» соответствует здесь толкованию в БАС: «Писание. 1. См. «писать» [ТСРЯ: 518]. Интерпретация лексемы «*письмо*» включает в себя четыре значения: «1. Написанный текст, посылаемый для сообщения чего-нибудь кому-нибудь. 2. Умение писать. 3. Система графических знаков для передачи, запечатления речи. 4. Манера художественного изображения» [ТСРЯ: 519]. Как видно, в этом словаре, в отличие от БАС, не представлено значение «писание», соответствующее базовому значению исходного глагола «*писать*». Отсюда следует вывод, что с течением времени в процессе развития языка результативное существительное «*письмо*» утратило своё первичное значение, совпадающее с лексическим значением производящего глагола «*писать*».

На современном этапе развития русского языка не совпадают также лексические значения производящего прилагательного «*голый*» и производного существительного «*голь*». В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даются следующие значения прилагательного «*голый*»: «1. Не имеющий на себе одежды, покровов, нагой. 2. О местности, лишённой растительности. 3. перен. Взятый сам по себе, без добавлений, без прикрас. 4. Чистый, без всяких примесей» [ТСРЯ: 137]. Дефиниция моносемичного существительного «*голь*» представлена значением «оборванцы, нищие, беднота», отсутствующим у производящего прилагательного «*голый*» [там же: 137].

В третьем томе «Словаря современного русского литературного языка», изданном в 1954 году, кроме актуальных значений прилагательного «*голый*», отмечается утраченное им к настоящему времени и по этой причине не

представленное в ТСРЯ значение «неимущий, бедный, нищий» [БАС, т. 3: 245]. В интерпретации производного существительного «голь» здесь учитываются два значения: «1. Бедность, нищета. 2. Местность, лишённая растительности» [там же: 248]. Как видно, второе из них уже не является актуальным в современную эпоху. Результаты анализа словарных дефиниций исходного прилагательного «голый» и результативного существительного «голь» приводят к выводу, что прежде семантика данных лексем совпадала.

С транспозицией связывается выделение словообразовательных типов, в частности, транспозиционных и нетранспозиционных. Вся сфера синтаксической деривации относится к транспозиционным типам, поскольку сущность такой деривации заключается в принадлежности результативной единицы к другой части речи по сравнению с исходной (*ходить* → *ходьба*, *весёлый* → *весёлость*, *вкус* → *вкусовой*).

В сфере лексической деривации есть как транспозиционные, так и нетранспозиционные типы. Первыми из них являются такие, производные и производящие которых, различаясь лексическим значением, принадлежат к разным частям речи (*лес* → *лесистый*, *грязь* → *грязный*). Ко вторым относятся такие, мотивированные и мотивирующие которых принадлежат к одной части речи. Они включают в себя типы, относящиеся к префиксальному способу словообразования (*ходить* → *приходить*, *давать* → *сдавать*, *военный* → *антивоенный*, *хорошо* → *нехорошо*), а также часть суффиксально-префиксальных (*петь* → *запевать*, *кусать* → *покусывать*, *мазать* → *замазывать*) и суффиксальных типов (*гриб* → *грибник*, *гусь* → *гусыня*, *лось* → *лосёнок*).

Итак, конверсия, при которой слово переходит из одной части речи в другую без участия аффиксов и с полным сохранением своей исходной формы, соотносится с транспозицией. Конверсия может квалифицироваться как один из видов транспозиции, интерпретирующейся узко, – полная, или морфологическая (безаффиксная), транспозиция.

Дериват, образованный в результате перехода производящего слова в другую часть речи, связан с ним семантическими отношениями транспозиции. Обычно в подобном случае производная лексема приобретает новое категориально-грамматическое значение с сохранением лексического значения производящей. Однако общность их семантики может утрачиваться, если с точки зрения диахронии в процессе развития языка значение исходного или результативного слова изменяется.

1.3. Место конверсии в классификации способов словообразования

Словообразовательная система языков мира, подчиняясь определённым законам развития, основывается на универсальных понятиях, обладая при этом национальными особенностями. Присутствие универсальных и национальных свойств в словообразовательной системе языков мира обуславливает существование сходства и различий в терминологии. Так, помимо общепринятого разграничения слов на производные и производящие, некоторые лингвисты выделяют слова простые, производные, сложные и сложно-производные [Ференс 1974: 89], а также аналитические и флективные [Баклушин 1978: 24].

Одно из самых важных мест в системе деривации занимает такое универсальное понятие, как словообразовательный тип, который характеризуется общностью следующих признаков: части речи производящей основы; семантического соотношения между производными и производящими; формального соотношения между производными и производящими, в частности, общностью способа словообразования и словообразовательного средства (форманта), т.е. для аффиксальных способов тождественностью аффикса [Жаловский 1962: 6; СРЯЗ 1989: 292; Суслова 1963: 1; Умбаров 1966: 12; Хохлачева 1977: 5; Цыбова 1966: 5]. Однако, как справедливо утверждается в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой, первый признак не является строго обязательным, ибо имеется большое количество производных слов, характеризуемых общностью двух других при-

знаков, но производимых от основ разных частей речи. Так, например, производные от основ глаголов (*баловство, воровство, хвастовство*), от основ существительных (*шутовство, фатовство, вдовство, пижонство*) и от основ прилагательных (*лукавство, коварство*) могут относиться к одному и тому же типу словообразования [СРЯЗ 1989: 292].

Кроме отмеченных выше транспозиционных и нетранспозиционных словообразовательных типов, выделяются ещё две группы – модификационные и мутационные, или немодификационные. Модификационными являются такие типы словообразования, производные которых обозначают лишь какое-либо видоизменение (модификацию) семантики производящей лексемы (*чёрный → чёрненький, быстро → быстренько, стол → столик*). Результативные лексемы этих типов всегда принадлежат к той же части речи, что и исходные (*красный → красненький, красноватый; рыба → рыбка, рыба; студент → студенчество*). Мутационные словообразовательные типы включают в себя мотивированные лексемы, значение которых не видоизменено, а существенно отличается от значения мотивирующих (*лес → лесник, горб → горбун, сахар → сахарница, раздевать → раздевалка*). Производные слова подобных типов могут относиться не только к той части речи, что производящие (*адрес → адресат, музыка → музыкант, кофе → кофейник*), но и к другой (*читать → читатель; грязный → грязнуля, грязнить; соль → солевой, солить*). Значения результативных лексем, появившихся посредством мутационных типов, как видно, очень разнообразны.

Словообразовательное (деривационное) значение также рассматривается лингвистами как универсальное понятие. Оно является общим для производных данного типа, устанавливается на основании семантического соотношения мотивирующих и мотивированных единиц и обладает разной степенью конкретности. Например, наряду с такими конкретными значениями, как «детёныш животного, названного производящей основой» (*олень → оленёнок, кот → котёнок*), существуют такие отвлечённые значения, как «относящийся к тому, что названо производящей основой» (*автомобиль → авто-*

мобильный, бензин → *бензиновый*) [СРЯЗ 1989: 294]. В неаффиксальных способах словообразования для выражения деривационного значения производной лексики служат иные словообразовательные средства, например, порядок следования частей производного слова, усечение производящей основы (или основ), изменение парадигмы словоизменения, при образовании слова на базе словосочетания – единое ударение [там же: 309].

Внутри словообразовательного типа различаются модели – «наименьшие самостоятельные единицы системы словообразования» [Ханпира 1972: 267]. Они могут рассматриваться и как морфонологические разновидности внутри одного и того же словообразовательного типа. Так, некоторые лексемы одного и того же типа производятся по различным морфонологическим моделям: 1) с чередованием фонем на границе морфов и без него (*петербургский, калу~~ж~~-ский*); 2) с помощью интерфиксов и без них (*ростов-ский, орлов-ский, ялт-ин-ский*); 3) с усечением основы и без него (*Хлестаков* → *хлестаков-щина, дзюдо* → *дзюдо-ист, самбо* → *самб-ист*); 4) с наложением морфов и без него (*сиренев-ый* → *сирен-еват-ый, сер-ый* → *сер-оват-ый*) [СРЯЗ 1989: 301].

Словообразовательные типы состоят из способов словообразования, рассматривающихся как в диахроническом, так и синхронном аспекте. По отношению к первому из них понятие способа словообразования служит для ответа на вопрос, посредством какого форманта (или каких формантов), каким путём образована мотивированная лексема. Применительно ко второму аспекту данное понятие используется с целью ответа на вопрос, с помощью какого форманта (или каких формантов) реализуется деривационное значение производного слова. Следовательно, способ словообразования характеризует отношения между исходной лексемой (или словосочетанием) и результативной лексемой с точки зрения типа формальных средств, отличающих первое от второго [Лопатин, Милославский, Шелякин 1989: 26].

В отечественном языкознании до сих пор не существует единой классификации способов словообразования. Это обусловливается тем, что линг-

висты учитывают важность разграничения способов синхронного словообразования и способов словообразования, реализующихся в диахронии. Например, В.В. Виноградов выделяет следующие способы словообразования, относящиеся к диахронии: лексико-семантический, лексико-синтаксический и морфолого-синтаксический [1975: 156-158]. Такой исследователь, как Е.А. Земская, выявляет лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический и морфологический способы словообразования. При этом она относит первые три способа к диахроническому, а четвёртый – к синхронному словообразованию [Земская 2011: 176-179]. Данные способы в классификации Н.Ф. Алефиренко объединены в морфологические и неморфологические типы [2004: 283-284]. В учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой речь идёт о двух основных группах способов словообразования – аффиксальных и неаффиксальных [СРЯЗ 1989: 308-318]. В отдельных работах выявляется, кроме вышеупомянутых способов, фонетический способ словопроизводства [Антропова 2005: 323; Захарченко 2006: 118; Сайдашева 2006: 14].

У лингвистов, занимающихся исследованием французского языка, также отсутствует единая позиция относительно классификации словообразовательных способов. Некоторые учёные выделяют два способа словопроизводства – собственную и несобственную деривацию [Халифман 1983: 32] или морфологическую и синтаксическую транспозицию [Гак 2004: 110-112]. Л.И. Илия определяет как разные способы аффиксальную деривацию, бессуффиксальное образование, словосложение и усечение [1964: 14-15]. З.Н. Левит выявляет морфологический, фонетический, семантический словообразовательные способы [1979: 115]. И.В. Скуратов говорит о наличии таких способов образования, как морфосемантический, чисто морфологический, синтаксико-семантический [2006: 109].

Необходимо заметить, что в работах некоторых исследователей называется аффиксальным способом [СРЯЗ 1989] или аффиксальной деривацией [Илия 1964] то, что другие лингвисты определяют как морфологический спо-

соб словообразования. При сравнении представленных классификаций видно, что они построены на основе двух разных подходов. Первый из них – учёт участия / неучастия аффиксов в процессе производства новых слов, в результате чего все способы делятся на аффиксальные и неаффиксальные. Второй – учёт характера изменений свойств (семантических, морфологических, синтаксических) производящей лексемы, вследствие чего производная отличается от неё.

Большинство учёных придерживается второго подхода. Так, они выделяют в русском и французском языках морфологический способ словообразования, характеризующийся изменением формы исходной лексемы при производстве результативной. Исследователи выявляют также семантический способ словообразования, отражающий то, что в русском и французском языках лексические значения мотивированного и мотивирующего слов могут различаться.

Изменение морфологических особенностей и семантической структуры, происходящее в процессе производства результативной лексемы на основе исходной, неизбежно приводит к изменению синтаксических функций, что отмечается учёными в названии способов словообразования [Виноградов 1975: 156-158; Гак 2004: 110-112; Земская 2011: 176-179; Скуратов 2006: 109]. Фонетический способ словообразования выделяется немногими исследователями, что свидетельствует о невысокой степени его продуктивности в русском и французском языках.

Проанализировав все представленные выше классификации, можно говорить о том, что существующие в русском и французском языках способы словообразования делятся на следующие группы: морфологический, семантический, синтаксический, фонетический. В наибольшей степени продуктивным в обоих языках является морфологический, в наименьшей степени – фонетический. Присутствие одних и тех же способов словообразования в деривационных системах русского и французского языков подтверждает мысль о наличии в этих системах универсальных, общеязыковых свойств.

При производстве новой лексической единицы может происходить несколько взаимосвязанных процессов. Так, ввиду модификации исходного слова посредством присоединения к нему того или иного аффикса наблюдается изменение его формы, что приводит к изменению семантики, а иногда и морфологической характеристики {*делать* → **пере***делать*, *конструкция* → **ре***конструкция*, *дом* → *домишко*, *перец* (м. р.) → *перечница* (ж. р.) и их французские эквиваленты *faire* → **re***faire*, *construction* → **re***construction*, *une maison* → *une maisonnette*, *un poivre* (м. р.) → *une poivrière* (ж. р.)}¹.

Присоединение аффиксов к мотивирующему слову может стать причиной его перехода в другую часть речи, что обуславливает изменение не только морфологических, но и синтаксических функций {*мыло* (сущ.) → *мыльный* (прил.), *земля* (сущ.) → **под***земный* (прил.) и их французские эквиваленты *savon* (сущ.) → *savonneux* (прил.), *terre* (сущ.) → **sou***terrain* (прил.)}. Изменение данных функций происходит и без участия аффиксов в случае конверсии {*настоящее* (прил.) → *настоящее* (сущ.), *будущее* (прил.) → *будущее* (сущ.) и их французские эквиваленты *présent* (прил.) → *présent* (сущ.), *futur* (прил.) → *futur* (сущ.)}.

Производное слово может образовываться с сохранением формы производящего и в полной степени изменением его лексического значения. Это является результатом переосмысления полисемичного исходного слова и возникновения омонимов {*кулак* («*кисть руки со сжатыми пальцами*») – *кулак* («*богатый крестьянин-собственник, постоянно пользующийся наёмным трудом*»); *une balle* («*внешний покров зерна*») – *une balle* («*кипа, тюк*»)}.

В обоих языках существуют лексемы, образованные на основе словосочетания, представляющего собой определённую синтаксическую конструкцию. Все его компоненты объединяются в слово, которое впоследствии становится производным и характеризуется одним ударением {*вечно зелёный* →

¹ В случае, когда план выражения русских и французских лексем в примерах полностью совпадает, дословный перевод не даётся.

вечнозелёный, с ума сшедший → *сумасшедший*; *bien faisant* (досл. «хорошо делающий») → *bienfaisant* («благотворный»), *mal faisant* (досл. «плохо делающий») → *malfaisant* («зловредный»)}.

С учётом того, что некоторые из рассмотренных способов словообразования, актуальных для русского и французского языков, приводят к изменению различных и в то же время взаимосвязанных характеристик исходной лексемы, с нашей точки зрения, логично вслед за В.В. Виноградовым и Е.А. Земской разделить их на лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический и морфологический. Мы, как и вышеназванные учёные, не рассматриваем фонетический способ по причине его небольшой продуктивности в обоих языках.

Лексико-семантический способ – это обособление значений уже существующего полисемичного слова, вследствие чего оно распадается на омонимы {*лавка* («скамья») – *лавка* («небольшой магазин»), *долг* («обязанность») – *долг* («взятое взаймы»); *une goutte* («капля») – *une goutte* («подагра»), *voler* («летать») – *voler* («воровать»)}. Средством выражения деривационного значения в этом случае является утрата общих элементов лексико-семантическими вариантами полисемичного слова, происходящая в результате его переосмысления.

Лексико-семантический способ относится к диахроническому словообразованию. Лексические единицы, образованные с его помощью, являются, как правило, продуктом длительного исторического развития. Многие из них в системе современного языка, т.е. в синхронном аспекте, считаются непродеривированными и не ассоциируются со словами, некогда породившими их. Изучением путей образования подобных лексем занимается историческое языкознание.

Лексико-синтаксический способ основывается на словообразовательных отношениях между словом и словосочетанием и заключается в создании новой лексемы из словосочетания в результате объединения его компонентов. В рамках данного способа выделяются «лексикализация словосочета-

ний и синтаксическое преобразование глагольных предложений в слова» [Виноградов 1975: 209]. Лексикализация распространяется, прежде всего, на словосочетания, состоящие из прилагательного или причастия и определяющего их слова, в результате чего образуется новое прилагательное {*вечно зелёный* → *вечнозелёный*, *долго играющий* → *долгоиграющий*; *mal propre* (досл. «плохо чистый») → *malpropre* («грязный»), *bien veillant* (досл. «хорошо заботящийся») → *bienveillant* («благожелательный»)}. Такой вид лексико-синтаксического способа словообразования называется сращением. Прилагательное, образованное с его помощью, как видно, не является простой суммой значений производящих, а содержит обобщение их значений. Оно отличается от свободного сочетания слов, послужившего базой для его образования, своей семантической и сочетаемостной целостностью.

Необходимо заметить, что, если посредством сращения производное прилагательное образуется на основе сочетания причастия с определяющим его словом {*долго играющая (пластинка)*, *выше изложенный (факт)*}, имеет место морфологическая транспозиция. Причастие является глагольной формой, поэтому в данном случае справедливо говорить о переходе глагола в класс прилагательных.

Сращение относится к синхронному словообразованию, ибо связанная с ним модель остаётся актуальной на современном этапе развития языка. По этой модели продолжают регулярно появляться новые прилагательные {*густо населённый* → *густонаселённый*, *выше изложенный* → *вышеизложенный*; *mal aimé* (досл. «плохо любимый») → *malaimé* («нелюбимый»), *mal adroit* (досл. «плохо ловкий») → *maladroit* («неловкий»)}

Лексикализация синтаксических конструкций реализуется также на основе словосочетаний, состоящих из существительного и определяющего слова. Среди существительных в данном случае могут встречаться устаревшие или полностью вышедшие из употребления слова {*сего дня* → *сегодня*, *нельзя* («нельзя» в древнерусском языке означало «можно») → *нельзя*; *au jour d'hui* (устаревшее слово «hui», восходящее к латинскому «hodie», означает

«сего-дня», досл. «в сегодняшней день») → *aujourd'hui* («сегодня»), *mon sieur* (устаревшее «*sieur*» означает «господин», досл. «мой господин») → *monsieur* («господин»)}.

Другой вид лексико-синтаксического способа словообразования представляет собой редко встречающееся синтаксическое преобразование глагольных предложений в слова {*не тронь меня* → *не-тронь-меня* (сущ. ср. р. со значением «травянистое растение из семейства бальзаминовых»); *ne t'oubliez pas* (досл. «не забывайте меня») → *un ne-t'oubliez-pas* (сущ. со значением «незабудка»)}.

Такие исследователи, как В.В. Лопатин, И.Г. Милославский, М.А. Шелякин, среди деривационных отношений между словом и словосочетанием рассматривают сложение, при котором производящее словосочетание несколько изменяется в производном слове, сохраняя последний элемент и преобразуя первый (*лес и степь* → *лесостепь*, *первый источник* → *первоисточник*), а также аббревиацию, состоящую в объединении в одно слово разного типа сокращений (*высшее учебное заведение* → *вуз*, *сберегательный банк* → *сбербанк*) [Лопатин, Милославский, Шелякин 1989: 26]. Подобные отношения между словом и словосочетанием существуют и во французском языке: *des gens d'arme* («вооружённые люди») → *un gendarme* («жандарм»), *un bec jaune* («жёлтый клюв») → *un béjaune* («птенец желторотый»); *un objet volant non identifié* («не опознанный летающий объект») → *ovni, Belgique, Néerlande, Luxembourg* («Бельгия, Нидерланды, Люксембург») → *Bénélux*.

Как видно, общим для всех видов лексико-синтаксического способа является то, что они характеризуются соединением компонентов словосочетания, приводящим к образованию лексемы, которая пишется слитно и имеет одно ударение. Средством выражения деривационного значения в таком случае является закреплённый порядок слов и единое ударение.

Тем не менее, из всех видов лексико-синтаксического способа к синхронному словообразованию можно отнести только сращение, сложение и аббревиацию, ибо на современном этапе развития языка с их помощью регу-

лярно образуются новые лексемы {*малоговорящий, стеклопакет, СКБ-Банк (банк содействия коммерции и бизнесу) и т.д.*}. Все остальные виды действуют в сфере диахронического словообразования, поскольку слова, образуемые с их помощью, создаются в результате длительного исторического развития и обычно производятся индивидуальным путём, а не каким-либо традиционным способом.

Морфолого-синтаксический способ – это возникновение новой лексики в результате перехода слова или отдельной словоформы в другую часть речи. Данный способ включает в себя конверсию как один из видов морфологической транспозиции {*батюшки ! – междометие (из формы мн. ч. существительного), благодаря – предлог (из формы деепричастия глагола «благодарить»); diable ! (досл. «чёрт !») – междометие («чёрт возьми !») (из формы ед. ч. существительного «diable»), suivant (досл. «следующий» чему-либо) – предлог («согласно» чему-либо) (из формы причастия настоящего времени глагола «suivre» – «следовать»)}. Из приведённых примеров видно, что по причине перехода слова из знаменательной части речи в служебную изменяются не только его морфологические, но и синтаксические свойства.*

В анализируемом способе словообразования обычно объединяются разные явления. Диахронический аспект предполагает исследование происходящих в процессе длительного исторического развития языка изменений принадлежности той или иной лексической единицы к определённой части речи. В синхронном аспекте рассматриваются регулярные виды перехода слов из одной части речи в другую. К синхронному словообразованию следует отнести, прежде всего, такой вид конверсии, как субстантивация. При этом некоторые лингвисты, в частности, Е.А. Земская, В.В. Лопатин, И.Г. Милославский, М.А. Шелякин ограничивают своё понимание субстантивации до того явления, результат которого – существительное, производное по отношению к однокоренному прилагательному, причастию или другому слову адъективного склонения. Именно этим словом существительное мотивируется фор-

мально и семантически [Земская 2011: 178-179; Лопатин, Милославский, Шелякин 1989: 26].

Субстантивация в данном понимании функционирует как способ синхронного словообразования, т.к. на современном этапе развития языка регулярно рождаются слова, характеризующиеся одинаковым отношением к исходным лексемам и единым обобщённым значением. Таковы, например, в русском языке названия помещений по лицу, для которого они предназначены (*учительская, ординаторская и т.д.*), названия денежных выплат (*командировочные, суточные и т.д.*). Средством выражения деривационного значения является изменение парадигмы исходной лексемы.

Во французском языке, например, постоянно образуются названия лица или предмета, выполняющего действие, которое обозначается глаголом в форме причастия настоящего времени {*un soignant* («санитар») ← *soignant* (досл. «заботящийся») (причастие настоящего времени глагола «*soigner*» – «заботиться»), *un pliant* («складной стул») ← *pliant* (досл. «складывающий») (причастие настоящего времени глагола «*plier*» – «складывать»)}. Средством выражения словообразовательного значения здесь также является изменение парадигмы исходной лексемы, что заключается в приобретении ею аффиксов, благодаря которым может изменяться её грамматическая форма {*un soignant* (м. р., ед. ч.), *une soignante* (ж. р., ед. ч.), *des soignants* (м. р., мн. ч.), *des soignantes* (ж. р., мн. ч.)}.

По мнению Е.А. Земской, от субстантивации как способа синхронного словообразования следует отличать иные виды перехода слов или словоформ из одной части речи в другую. Это касается, например, перехода словоформ различных частей речи в междометие {*господи !* (из существительного «господь»), *прыг* (из глагола «прыгнуть»)}, перехода причастий в прилагательные (*блестящий ответ, начитанный человек*), а также употребления словоформ различных частей речи в роли существительных («*Ваши уши меня напугало*», «*Это резкое уходит до сих пор звучит в ушах*»). Очевидно, что в данном случае речь идёт не об образовании новых имён существительных «уш» и

«уходите», а об употреблении междометия и формы глагола в функции существительного [Земская 2011: 179]. Отсутствие существительных «ух» и «уходите» в толковых словарях русского языка подтверждает справедливость вышеизложенной точки зрения. Такие слова, появившиеся в результате перехода исходной лексемы из одной части речи в другую в условиях определённого контекста, целесообразно относить к окказиональной субстантивации [СРЯ 2003: 474].

Случаи конверсии, подобные рассмотренным выше, присутствуют и во французском языке. В междометие, например, также могут переходить существительные {*peste ! («тьфу !») ← существительное «peste» (досл. «чума»)*}, глаголы {*tiens ! («ага», «вот как !») ← глагол «tenir» (досл. «держат»)* в форме повелительного наклонения}. Прилагательные аналогичным образом могут появляться на основе причастий {*un parquet brillant («блестящий паркет») ← brillant (досл. «блестящий») (причастие настоящего времени глагола «briller» – «блестеть»), un argent dû («причитающиеся деньги») ← dû (досл. «то, что причитается») (причастие прошедшего времени глагола «devoir»)*}. В определённом контексте в функции окказионального существительного может употребляться слово, принадлежащее к другой части речи, например, к союзу {*«Que signifie ce «donc» ?» («Что означает это «стало быть» ?)»*}. В словарях французского языка союз «donc» не фиксируется в качестве существительного.

Необходимо отметить, что не все учёные относят конверсию к морфолого-синтаксическому способу словообразования. Так, например, З.Н. Левит и вслед за ним Т.В. Кравцова рассматривают конверсию как семантический способ, учитывая изменение значения слова при его переходе из одной части речи в другую [Левит 1979; Кравцова 2010]. Исследователи правы в том, что конверсия приводит к изменению лексического значения (лексических значений) производящего слова. Мотивирующее прилагательное «столовый, -ая, -ое», например, имеет следующие значения: 1) относящийся к столу как предмету мебели (столовая доска); 2) употребляемый за столом во время еды

(столовая соль); 3) предназначенный для еды (не для питья) (столовая ложка) [ТСРЯ: 769]. Семантическая структура мотивированного существительного «*столовая*» состоит из других значений: 1) комната в квартире, доме с обеденным столом, где едят и пьют; 2) комплект мебели для такой комнаты (столовая орехового дерева); 3) учреждение общественного питания с подачей горячих обедов (заводская столовая) [там же: 769].

При подходе к конверсии как семантическому способу не принимается во внимание изменение морфологической и синтаксической характеристики производного слова по сравнению с производящим. Мы уже говорили о том, что, в частности, при субстантивации на основе слов адъективного склонения морфологическая парадигма прилагательных и причастий преобразуется не только количественно, но и качественно. В результате перехода лексемы в другую часть речи неизбежно изменяется её синтаксическая парадигма. Например, субстантиват женского рода «*ванная*» не может формировать словосочетание с определяемым существительным, в то время как мотивирующее его прилагательное легко вступает в синтагматические отношения с определяемыми существительными любого рода и в форме любого числа: *ванный павильон, ванная комната, ванное помещение, ванные павильоны и т.д.*

Такие исследователи, как М.С. Асанова, полагают, что с учётом изменения значения производной лексемы по отношению к значению производящей конверсия является семантико-морфолого-синтаксическим способом словообразования. Согласно этой точке зрения «образование нового слова происходит именно с семантического сдвига в ядре исходного слова, затем уже произошедшее переосмысление или поворот содержания основы фиксируется в парадигме и грамматической оформленности производного слова» [Асанова 2007: 10]. По нашему мнению, не целесообразно квалифицировать конверсию как семантико-морфолого-синтаксический способ, ибо к изменениям в семантической структуре мотивированного слова по сравнению с мотивирующим приводит не только конверсия, но и другие рассмотренные на-

ми способы словообразования. Следовательно, изменение значения, в отличие от изменения морфологических и синтаксических свойств, не является специфической чертой конверсии.

Последний из выделенных нами способов деривации – морфологический – представляет собой образование производного слова в результате присоединения словообразовательных аффиксов (служебных морфем) к производящей основе. Морфологический (аффиксальный в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой) способ очень разнообразен, с его помощью создаётся основная масса мотивированных лексем в русском и французском языках. Он объединяет несколько видов, «микроспособов», выделяемых в зависимости от того, какого рода аффиксы (суффиксы, префиксы или одновременно те и другие) участвуют в выражении деривационного значения.

Суффиксальный способ словообразования (суффиксация) – это выражение деривационного значения производной лексемы посредством суффикса (*зубрить* → *зубрила*, *виолончель* → *виолончелист*; *piocher* → *piocheur*, *violoncelle* → *violoncelliste*). Мотивирующие и мотивированные слова, как видно из приведённых примеров, могут относиться к одной или разным частям речи.

В учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой выделяется сложносуффиксальный способ – выражение деривационного значения производного с помощью словосложения и суффиксации [СРЯЗ 1989: 310]. Он применяется в словообразовании имён существительных {*орденоносцу*, *землепроходец*; *multipartisme* («многопартийность»), *macroscopique* («макроскопический»)}. В русском языке не существует слов «орденонос», «землепроход», «носец», «ходец», а во французском нет слов «multipart», «macroscop(e)», «partisme», «scopique».

Префиксальный способ (префиксация) – это выражение деривационного значения результативного слова с помощью префикса {*красавица* → *раскрасавица*, *умный* → *преумный*, *рисовать* → *нарисовать*; *un ordre* («по-

рядок») → *un désordre* («беспорядок»), *expressif* («выразительный») → *inexpressif* («невыразительный»), *voir* («увидеть») → *revoir* («вновь увидеть»)}. Примеры свидетельствуют о том, что при префиксации, в отличие от суффиксации, производное всегда относится к той же части речи, что и производящее.

Префиксально-суффиксальный способ – это образование производного слова путём одновременного присоединения к основе производящего префикса и суффикса, с помощью которых выражается деривационное значение {за рекой → *заречье*, предел → *сопредельный*; *une dépression* («депрессия») → *un antidépresseur* («антидепрессант»), *une corne* («рог») → *encorner* («поднять на рога»)}. Как видно из примеров, при данном способе производящее и производное могут различаться своей частеречной принадлежностью.

При морфологическом способе возникают словообразовательные значения, аналогичные значениям при конверсии или близкие им, ибо в процессе конверсии, как мы уже отмечали, наблюдается способность парадигмы и составляющих её окончаний передавать значение определённой части речи. Следовательно, «в конечном счёте аффиксация и конверсия оказываются взаимодополнительными или же конкурирующими словообразовательными приёмами» [ЛЭС: 235].

Морфологический способ, будучи очень продуктивным, относится к синхронному словообразованию. В современную эпоху с его помощью продолжают появляться многочисленные лексемы, активно используемые носителями языка (*компьютерный, интернетчик, программист, активировать и т.д.*).

Проанализировав все выделенные нами способы словообразования, мы можем охарактеризовать их применительно к словообразовательным типам. К транспозиционным следует отнести в полном объёме морфолого-синтаксический способ, включающий в себя конверсию, и частично морфологический и лексико-синтаксический. Нетранспозиционные словообразовательные типы

включают в себя без ограничений лексико-семантический способ и частично лексико-синтаксический и морфологический.

К модификационным словообразовательным типам относится лишь морфологический способ, причём в том объёме, при котором производящее и производное являются словами одной части речи, а значение второго является видоизменением значения первого. Мутационные словообразовательные типы включают в себя морфологический способ в той мере, при которой производящее и производное могут принадлежать к одной или к разным частям речи, а их значения различаются существенно.

Итак, конверсия с учётом участия / неучастия аффиксов в производстве новой лексемы является неаффиксальным способом словообразования. С учётом характера изменения свойств исходной лексемы в процессе производства результативной она рассматривается как морфолого-синтаксический способ словообразования. Относится конверсия к транспозиционным словообразовательным типам. Средством выражения деривационного значения при конверсии служит изменение парадигмы производящей лексемы.

1.4. Конверсия в сопоставлении с омонимией

Как уже отмечалось, в соответствии с принятым в работе пониманием конверсии мотивированное слово, образованное посредством её, и мотивирующее его слово характеризуются идентичностью плана выражения. Одна и та же материальная последовательность, соответствующая лексемам разных частей речи, создаёт некое подобие омонимии форм, при которой, как и при конверсии, наблюдается звуковое и графическое совпадение различных языковых единиц. Общность форм производящего и производного, образованного способом конверсии, а также слов, находящихся в отношениях омонимии, – причина близости данных явлений и сложности их различения.

Проблема разграничения этих понятий обуславливается, в частности, отсутствием единства у учёных в понимании омонимии. В одних источниках, омонимы трактуются как слова, не имеющие общих сем, и отграничиваются

от слов, связанных отношениями конверсии [ЛЭС: 345; СРЯЗ 1989: 205], в других – как слова, разные по значению [Валгина, Розенталь, Фомина 2002: 9; Lopatnikova, Movchovitch 2001: 212]. В последней трактовке омонимов допускается семантическое сходство данных лексических единиц, что становится причиной отнесения к ним производящих и образованных от них путём конверсии производных [Lopatnikova, Movchovitch 2001: 214-218]. Неоднозначность подхода исследователей к интерпретации конверсии и омонимии объясняет важность сопоставления этих понятий с целью их разграничения.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» объединённые отношениями омонимии слова – лексические омонимы – рассматриваются как языковые единицы, не имеющие общих элементов смысла, не связанные ассоциативно, но одинаковые по звучанию и написанию [ЛЭС: 345]. При сопоставлении конверсии с омонимией мы будем опираться на данную дефиницию омонимов.

Они традиционно разделяются лингвистами на полные и неполные (частичные). Полные лексические омонимы представляют собой принадлежащие к одному грамматическому классу, т.е. к одной части речи, слова, у которых совпадает вся система форм. Такие, например, слова, как *коса* («вид причёски»), *коса* («сельскохозяйственное орудие») и *коса* («мыс, полоса земли»); *топить* («обогревать»), *топить* («долго кипятить на лёгком жару») и *топить* («заставлять тонуть»); *кормовой* (производное от существительного «корм») и *кормовой* (производное от существительного «корма»), являются полными лексическими омонимами. В каждой из перечисленных групп они относятся к одной части речи, поэтому никоим образом не могут быть связаны с конверсией.

Полная омонимия существует и во французском языке, большей частью в классе существительных. К полным лексическим омонимам следует отнести, например, слова *un cousin* («двоюродный брат») и *un cousin* («комар»), *un avocat* («адвокат») и *un avocat* («авокадо»), *une botte* («сапог»), *une botte* («сноп») и *une botte* («выпад в фехтовании»).

Частичные лексические омонимы, в отличие от полных, относятся либо к одной, либо к разным частям речи. Они характеризуются тем, что различные по значению слова совпадают в звучании и написании только в отдельных формах, поэтому их называют ещё омоформами [ЛЭС: 345], или тем, что, кроме своих значений, отличаются друг от друга ещё каким-либо признаком, например, родом [Lopatnikova, Movchovitch 2001: 212-213]. Причём омоформ, принадлежащих к одной части речи, значительно больше. К ним, например, могут быть отнесены такие слова, как *пал* («лесной, полевой или степной пожар») и *пал* { («свая или чугунная тумба, к которой канатами прикрепляют судно во время стоянки») (от гол. «раал» – «столб, свая») }, совпадающие в форме единственного числа. Во множественном числе эти слова различаются ударением: *пал* – *палы́* (первая омоформа) и *пал* – *па́лы* (вторая омоформа). Не совпадают также все формы у омонимов *завод* (действие по глаголу «заводить») и *завод* («промышленное предприятие»), ибо первый из них (абстрактный по значению) не имеет формы множественного числа. К омоформам относятся и многие совпадающие в звучании и написании глаголы: *закапывать* { (несовершенный вид от глагола «зака́пать») (лекарство) и *закапывать* (несовершенный вид от глагола «закопа́ть») (что-то в землю) }. Среди омоформ разной частеречной принадлежности можно отметить такие слова, как *стих* (глагол «стихнуть» в прошедшем времени) и существительное *стих* («стихотворение»).

В учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой в качестве частичных лексических омонимов рассматриваются такие примеры, как *стук, скрип* (формы именительного и винительного падежей единственного числа существительных) и *стук, скрип* (междометные формы глаголов «стукнуть» и «скрипнуть»); *даром* (форма творительного падежа единственного числа существительного «дар») и *даром* (наречие «бесплатно») [СРЯЗ 1989: 207]. С нашей точки зрения, нет оснований считать данные слова омонимами, поскольку они семантически сходны и связаны единством корня. Определение их в качестве омонимов противоречит изло-

женному в данном учебнике пониманию омонимии как отношение слов с совпадающим написанием (произношением) и несвязанными значениями [там же: 205]. Очевидно, что в первом случае существительное и междометие образованы от одного и того же глагола {*стукнуть* → *стук* (существительное) и *стукнуть* → *стук* (междометие), *скрипнуть* → *скрип* (существительное) и *скрипнуть* → *скрип* (междометие)}. Во втором случае следует говорить о переходе существительного «дар» в указанной выше грамматической форме в класс наречий. Отнесение данных слов к сфере омонимии, а не конверсии подтверждает нашу мысль о близости данных понятий и необходимости их сопоставления с целью их разграничения.

Во французском языке неполная омонимия, как и полная, представлена, прежде всего, существительными: *une mousse* (ж. р.) («мох») и *un mousse* (м. р.) («юнга»); *une tour* (ж. р.) («башня»), *un tour* (м. р.) («токарный станок») и *un tour* (м. р.) («окружность»).

В отличие от «Лингвистического энциклопедического словаря» под редакцией В.Н. Ярцевой в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой омоформы рассматриваются отдельно от частичных омонимов, в качестве периферийного вида лексических омонимов. Они определяются как «совпадающие по звучанию и написанию формы разных слов одной и той же части речи или разных частей речи» [СРЯЗ 1989: 207]. К ним относятся здесь, например, существительные *печь* (горячая печь) и *пасть* (разинуть пасть) в форме именительного и винительного падежей единственного числа и глаголы *печь* (печь пироги) и *пасть* (пасть смертью храбрых).

По нашему мнению, слова *пасть* (существительное) и *пасть* (глагол) вполне справедливо квалифицируются как омоформы, ибо они, во-первых, совпадают по написанию и произношению только в отдельных формах; во-вторых, совершенно не связаны семантически. Лексемы *печь* (существительное) и *печь* (глагол) следует рассматривать не как омоформы, а как слова, связанные отношениями конверсии, поскольку в данном случае речь идёт о

переходе слова из одной части речи в другую, что обуславливает наличие у них общих сем.

С целью более качественного сопоставления конверсии с омонимией необходимо также рассмотреть причины возникновения в языке лексических омонимов. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» выделяются четыре источника лексической омонимии. Во-первых, вследствие исторических звуковых изменений может произойти совпадение прежде различных по звучанию слов: в русском языке *лук* («растение») и *лук* (для стрельбы; где у < о); во французском языке *une pêche* («персик») и *une pêche* («рыболовство, улов»).

Во-вторых, к возникновению омонимов может привести заимствование иноязычного слова. Например, заимствованное из немецкого (через польский) слово *брак* («изъян, дефект») совпало по звучанию и написанию с исконно русским *брак* («женитьба»), этимологически связанным с глаголом «братъ»; во французском языке лексемы, заимствованные из итальянского («*botta*») и нидерландского («*bote*»), трансформировались и дали жизнь омонимам *une botte* («удар *шнагой*») и *une botte* («вязанка, *кипа*»).

В-третьих, к появлению омонимов в данном языке может привести звукоподражательное происхождение одного из них: *шип* (от глагола «шипеть») и *шип* («колючка»).

В-четвёртых, наиболее продуктивным и исторически наиболее сложным фактором рождения омонимов является уже рассмотренный выше распад первоначально единой полисемичной лексемы. Так, например, в русском языке произошли слова *свет* («лучистая энергия») и *свет* («мир, вселенная»), а во французском – *un cas* («случай») и *un cas* («надеж в грамматике») [ЛЭС: 345].

В учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой отмечается ещё один источник омонимии – различного рода словообразовательные процессы. Это может быть связано, например, с прибавлением к основе (корню) омонимичных суффиксов: *городище* (увеличительное

к «город») с суффиксом -ище (по аналогии с «домище», «хвостище») и *городище* («место, где в древности был город») с суффиксом -ище как указанием на место, где прежде находился предмет или происходило действие (по аналогии с «пожарище») [СРЯЗ 1989: 206]. Во французском языке аналогично появились омонимы *un boursier* («биржевик») с суффиксом -ier, служащим для образования существительных, называющих лицо применительно к учреждению, с которым связана его деятельность {*une école* («школа») – *un écolier* («школьник»), *une crèmerie* («молочный магазин») – *un crémier* («хозяин молочного магазина»)} и *un boursier* («стипендиат») с омонимичным суффиксом -ier, используемым для производства существительных, обозначающих лицо по предмету, с которым связана его деятельность {*un roman* («роман») – *un romancier* («автор романов, романист»), *un poisson* («рыба») – *un poissonnier* («торговец рыбой»)}.

Отсутствие конверсии среди источников омонимии свидетельствует о том, что данные понятия справедливо разграничиваются в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой и учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой. Тем не менее, в учебнике «Lexicologie du français moderne» («Лексикология современного французского языка») несобственная деривация, т.е. конверсия, рассматривается в качестве одного из источников омонимии. Его авторы пишут: «Un grand nombre d'homonymes est le résultat de la dérivation impropre. Rappelons que la dérivation impropre est un type de création lexicale par la transposition d'un mot d'une partie du discours dans une autre ainsi, le mot *coupe* (f.) (du verbe *couper*) est un homonyme du substantif *coupe* (f.) – «чаша»; *lutte* (f.) (du verbe *lutter*) devient un homonyme de *luth* (m.) – «лютя». Ajoutons encore les cas tels que *lever* (v.) et *le lever* (du soleil) qui sont nombreux» («Большое число омонимов – результат несобственной деривации. Напомним, что несобственная деривация – это тип создания слов путём переноса слова из одной части речи в другую, таким образом, слово *coupe* (ж. р.) («резка») {от глагола *couper* («резать»)} – омоним существительного *coupe* (ж. р.) («чаша»); *lutte* (ж. р.)

(«борьба») {от глагола *lutter* («бороться»)} становится омонимом *luth* (м. р.) («лютня»). Добавим ещё такие многочисленные случаи, как *lever* (глагол) («поднимать») et *le lever* («восход») (солнца)» [Lopatnikova, Movchovitch 2001: 215-216].

Последний из приведённых примеров {*lever* (глагол) → *lever* (существительное)} показывает, что такие исследователи, как Н.Н. Лопатникова и Н.А. Мовшович, не разделяют конверсию и омонимию и квалифицируют первую как компонент второй. Мы не можем согласиться с этой точкой зрения, поскольку лексемы, находящиеся в конверсионных отношениях, имеют общую корневую морфему (в последнем примере – *lev*), в результате чего они семантически связаны, что противоречит принятому нами вместе с другими лингвистами пониманию омонимии.

Итак, сопоставление конверсии с омонимией является актуальным, ибо ввиду идентичности форм лексических омонимов и слов, связанных отношениями конверсии, данные понятия не всегда разграничиваются лингвистами. В нашей работе конверсия, которая охватывает слова, имеющие общий корень и семантически связанные, отделяется от омонимии, распространяющейся на слова, лишившиеся общих элементов смысла.

Выводы по главе I

Охарактеризовав в общем конверсию как способ словообразования, можно сделать следующие выводы:

1. В силу полисемичности термина «конверсия» обозначаемые им понятия являются объектом изучения различных областей современной науки – экономики, финансов, физики, биологии, языкознания. В последней из них этот термин не является общепринятым. Лингвисты, использующие его, исследуют конверсию в грамматике, лексике и словообразовании (дериватологии).

2. Словообразование, или дериватологию, следует понимать как раздел языкознания, изучающий структуру и семантику производных слов, способы их образования и объединения.

3. В словообразовании разных языков мира конверсия рассматривается большинством учёных под разным названием (конверсия, субстантивация, морфологическая транспозиция, синтаксическая деривация, безаффиксальное словообразование, нулевое словообразование, несобственная деривация). При этом данное явление трактуется ими как способ производства новых лексем (деривации), при котором исходная и результирующая единицы принадлежат к разным частям речи.

4. Существуют узкий и широкий подходы к интерпретации принятого в работе термина «конверсия». Согласно первому к конверсии относятся только случаи полного совпадения исходной и результирующей лексем, согласно второму – случаи совпадения их основ с участием словообразовательных аффиксов, что приводит к различию планов выражения производящей и производной единиц.

5. С учётом существующих точек зрения представляется целесообразным понимать под конверсией такой неаффиксальный способ словопроизводства, в процессе которого мотивированная лексема, появляющаяся в результате перевода цельноформленной мотивирующей (либо её словоформы) в другую часть речи, полностью сохраняет план выражения последней, но приобретает новые морфологические и синтаксические функции.

6. При классификации единиц, связанных отношениями конверсии в различных языках, учитывается часть речи производящей лексемы, что позволяет говорить о конверсии существительных, прилагательных и т.д., а также часть речи производной лексемы, в результате чего выделяются субстантивация (переход в класс существительных), адъективация (переход в класс прилагательных), вербализация (переход в класс глаголов), адвербиализация (переход в класс наречий), прономинализация (переход в класс ме-

стоимений). Переход возможен в служебную часть речи (предлоги, союзы, частицы) и в междометие.

7. В целях более глубокого исследования конверсии актуальным является её сопоставление с транспозицией, ибо в современной лингвистической литературе эти понятия рассматриваются далеко не однозначно. В одних работах конверсия трактуется как разновидность транспозиции, в других они интерпретируются как противопоставляемые или взаимозаменяемые явления.

8. Подобно конверсии транспозиция понимается исследователями широко или узко. В широком смысле она рассматривается как перенос любой языковой формы (транспозиция времён, наклонений, коммуникативных типов предложения и т.д.) с сохранением плана выражения. В узком смысле транспозиция представляет собой употребление слова в функции другой части речи либо перевод его (или основы слова) из одной части речи в другую. При этом различаются неполная, или синтаксическая, транспозиция, при которой изменяется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения её принадлежности к части речи, и полная, или морфологическая, транспозиция, при которой образуется слово новой части речи. Её транспозитором является аффиксация или конверсия.

9. При сравнении конверсии и транспозиции, интерпретируемых широко, можно сделать вывод об их различии. При первом феномене речь идёт об идентичности только основ производящего и производного слов, а при втором – об идентичности обеих лексем (словоформ). Сопоставление конверсии с транспозицией с учётом их узкой интерпретации приводит к выводу о том, что первая является одним из видов второй – полной, или морфологической (безаффиксной), транспозицией.

10. Дериват, образованный в результате перехода производящего слова в другую часть речи, связан с ним семантическими отношениями транспозиции. Обычно в подобном случае производная лексема приобретает новое категориально-грамматическое значение с сохранением лексического значения

производящей. Однако общность их семантики может утрачиваться, если с точки зрения диахронии в процессе развития языка значение исходного или результативного слова изменяется.

11. Как способ деривации конверсия относится к транспозиционным словообразовательным типам, поскольку в процессе её мотивированная лексема создаётся путём перевода мотивирующей лексемы из одной части речи в другую.

12. По участию / неучастию аффиксов в производстве новой лексемы конверсия принадлежит к неаффиксальным (безаффиксным) способам словообразования, а по характеру изменения свойств исходной лексемы при производстве результативной она рассматривается в работе как морфологосинтаксический способ словообразования. Средством выражения деривационного значения при конверсии служит изменение парадигмы производящей лексемы.

13. Необходимо сопоставление конверсии с омонимией, ибо слова, связанные отношениями конверсии, так же, как и омонимы, характеризуются общностью плана выражения. Идентичность формы подобных лексических единиц обуславливает сложность различения, а иногда и неразличение данных языковых явлений.

14. Конверсия отграничивается от омонимии в настоящем исследовании, поскольку согласно принятой в нём дефиниции последние лексические омонимы, в отличие от слов, объединённых отношениями конверсии, не имеют общих элементов смысла.

ГЛАВА II. КОНВЕРСИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

2.1. Узуальная конверсия

Как отмечалось в предыдущей главе, способы словообразования рассматриваются в диахроническом и синхронном аспектах, второй из которых предполагает характер формантов, участвующих в реализации деривационного значения результативной лексической единицы. Однако при исследовании способов словообразования с точки зрения синхронии необходимо также учитывать их отношение к системе языка, в соответствии с чем они подразделяются на узуальные и окказиональные [СРЯД 2002: 501-502]. Узуальные (от латинского «*usus*» – употребление, обычай) способы фиксируются в системе языка в силу их общепринятого использования, а окказиональные (от латинского «*occasionalis*» – случайный) характерны для индивидуального словотворчества, в результате чего они часто применяются в художественных произведениях. Следовательно, узуальные и окказиональные способы деривации могут быть противопоставлены в качестве системно-языкового и речевого явлений.

Понятие узуса, тесно связанное с понятиями языковой нормы и языковой системы, обуславливает фиксацию толковыми словарями лексических единиц, созданных с помощью общеупотребительных способов. К узуальным способам словообразования справедливо относятся аффиксальные и безаффиксные, последние из которых включают в себя сложение, сращение, аббревиацию, усечение и субстантивацию, а к окказиональным – рифмованное сложение («танцы-шманцы»), замена морфем («Твердиземное море»), вставка («лю-я-блю»), междусловное наложение («сугрбовая тишина») [СРЯД 2002: 502-511]. Понимая субстантивацию как один из видов конверсии, можно утверждать, что конверсия, будучи безаффиксным способом словообразования, относится к числу узуальных.

Тем не менее, как уже отмечалось в первой главе, субстантивация, следовательно, конверсия в целом может носить окказиональный характер, в ре-

зультате чего новые слова образуются лишь в условиях определённого контекста. По этой причине подобные лексемы, являющиеся индивидуально-авторскими, не нашли своего места в словарях.

Следует отметить, что в современной лингвистике разграничение узальной и окказиональной конверсии представляет определённую проблему, связанную, в частности, с неоднозначностью подхода к части речи слов, от которых образуются существительные. Так, например, А.Ф. Гайнутдинова полагает, что «узальной субстантивации подвержен достаточно строго очерченный круг грамматических форм ..., в русском языке – это «слова прилагательного склонения», (прилагательное, причастие, местоимение-прилагательное, порядковое числительное), в то время как окказиональная субстантивация принимает в свой состав практически любые языковые единицы» [2011: 9]. Далее она пишет, что «закрепляются в языке и фиксируются в словарях только результаты субстантивации в узком, морфологическом понимании (т.е. узальные субстантиваты)» [там же: 10]. В соответствии с данной точкой зрения узальная субстантивация распространяется только на мотивирующие лексемы адъективного склонения, а произведённые от них существительные фиксируются в лексикографических источниках.

В толковых словарях русского языка, тем не менее, закреплены субстантиваты, образованные от лексем неадъективного склонения. Например, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой фиксируются отглагольное существительное женского рода «*течь*» (проникновение жидкости; дыра, щель, через которую проникает жидкость), несклоняемое существительное «*три*», образованное от количественного числительного (то же, что тройка, т.е. школьная учебная отметка «удовлетворительно»), несклоняемое существительное среднего рода «*хорошо*», произведённое от наречия (отметка, обозначающая сравнительно высокую оценку знаний) [ТСРЯ: 797, 811, 812, 867]. Приведённые примеры доказывают, что при узальной субстантивации существительные могут образовываться не только от лексем адъективного склонения, но и от лексем других частей речи. Основы-

ваясь на данном утверждении, справедливо считать, что критерием узуальности / окказиональности конверсии должно являться присутствие / отсутствие деривата в толковых словарях. В целях разграничения узуальной и окказиональной конверсии в работе используются «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ТСРЯ), «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой (НСРЯ), «Словарь современного русского литературного языка» в 17-и томах (БАС), а также «Французско-русский словарь активного типа» под редакцией В.Г. Гака и Ж. Триомфа (ФРС), толковые словари французского языка «Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française» (DLF) и «Le Petit Larousse illustré» (PLI).

С учётом неоднозначного отношения конверсии к системе языка представляется логичным отдельно исследовать сначала узуальную, затем окказиональную конверсию в русском и французском языках. Узуальная конверсия анализируется нами в соответствии с частеречной принадлежностью производных слов сквозь призму таких её видов, отмеченных в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой, как субстантивация, адъективация, адвербиализация, препозиционализация, конъюнкционализация, партикуляция и интеръективация. Принимая во внимание частеречную принадлежность производящих слов, мы рассматриваем парадигму различных подвидов конверсии.

В работе не исследуется вербализация – переход в класс глаголов лексем других частей речи, ибо в соответствии с принятой нами трактовкой конверсии данный её вид отсутствует в русском и французском языках. Согласно точке зрения Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, слова других частей речи, перешедшие в разряд глаголов, не приобретают соответствующего морфологического выражения, а выполняют функцию глагольного сказуемого. Следовательно, речь не идёт об образовании глаголов на базе других частей речи («Татьяна – ах !» вместо «Татьяна ахнула») [СРЯ 2003: 51]. В приведённом примере междометие «ах» употребляется в функции сказуемого, но не

имеет плана выражения, свойственного глаголу, в результате чего в толковых словарях русского языка данная лексема не фиксируется в значении глагола.

Мы не разделяем точку зрения В.Г. Гака, согласно которой к случаям конверсии (вербализации), являющейся неаффиксальным способом дериватологии, относится, в частности, переход существительного «барабан» в класс глаголов («барабанить») [Гак 1983: 94]. По нашему мнению, в данном примере глагол образуется от существительного с изменением плана выражения при помощи аффиксов «и», «ть», что даёт основание говорить о реализации не конверсии, а аффиксального (морфологического) способа словообразования. Во французском языке В.Г. Гак относит к конверсии переход существительного в определённую словоформу глагола: «un clou» (существительное «гвоздь») → «il cloue» (форма 3-го лица ед. ч. настоящего времени глагола «clouer» – «заколачивать гвоздями») [там же: 94]. С нашей точки зрения, в данном случае речь идёт об аффиксальном переходе существительного «un clou» в глагол «clouer» (с использованием аффикса «er»), чья указанная выше грамматическая форма рассматривается В.Г. Гаком как образованная посредством конверсии отдельная лексема.

При анализе перечисленных видов конверсии необходимо исходить из того, что данный способ словообразования в целом более распространён во французском языке. Это обусловлено тем, что, как уже отмечалось в предыдущей главе, у французских лексем всех частей речи (кроме глаголов), в отличие от русских, отсутствуют явные морфологические показатели, в результате чего их переход из одного класса в другой не требует морфологических изменений [Гак 1983: 234-235]. Кроме того, по причине аналитизма во французском языке дериваты, образованные путём конверсии, в целом характеризуются большим объёмом своей семантической структуры, чем в русском, что подтверждается при рассмотрении видов данного способа словопроизводства. Степень распространённости в обоих языках исследуемых в данной работе видов узуальной конверсии отражается в сопровождающем её приложении.

2.1.1. Субстантивация

Как отмечается в предыдущей главе, при образовании новых слов посредством перехода из одной части речи в другую многие лингвисты, такие как Е.А. Земская, В.В. Лопатин, И.Г. Милославский, М.А. Шелякин и т.д., рассматривают только субстантивацию. Опираясь на данную точку зрения, справедливо считать, что среди всех видов подобного перехода (транспозиции), называемых во многих источниках, в частности, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [ЛЭС: 519], а также в нашем исследовании, субстантивация является самым продуктивным.

В соответствии с пониманием частеречной принадлежности мотивирующей лексемы исследователи дают различные дефиниции субстантивации. Так, например, Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова полагают, что субстантивироваться могут слова разных частей речи, поэтому в их «Справочнике по русскому языку. Словаре лингвистических терминов» этот вид конверсии интерпретируется следующим образом: «Субстантивация (от лат. «substantivatum» – существительное) – переход слов других частей речи в разряд имён существительных [СРЯ 2003: 474].

Авторы учебника «Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц» под редакцией Е.И. Дибровой считают, что существительные образуются только от лексических единиц адъективного склонения. Данный подход находит своё отражение в соответствующей дефиниции субстантивации, рассматривающейся как безаффиксный способ в дериватологии: «Субстантивация (лат. substantivatum – существительное) – образование существительных в результате перехода в этот грамматический класс прилагательных и причастий» [СРЯД 2002: 510]. Подобного понимания субстантивации придерживаются, как мы уже отмечали, Е.А. Земская, В.В. Лопатин, И.Г. Милославский, М.А. Шелякин, а также авторы учебника «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой.

Авторы «Лингвистического энциклопедического словаря» под редакцией В.Н. Ярцевой, в отличие от вышеупомянутых лингвистов, не характеризуют частеречную принадлежность базовой лексемы. Они весьма лаконично интерпретируют субстантивацию как переход слова в класс существительных [ЛЭС: 519].

На основе синтеза всех рассмотренных дефиниций в работе под субстантивацией понимается вид конверсии, посредством которого слово (той или иной части речи) переходит в класс имён существительных при полном сохранении своей формы. В соответствии с такой интерпретацией субстантивации в работе анализируется образование существительных на основе слов знаменательных и служебных частей речи.

Однако в данном исследовании не рассматривается субстантивация, как и другие виды конверсии, на базе местоимений, которые, будучи лексико-семантическим классом знаменательных слов, отличаются от других знаменательных лексем тем, что не обозначают лиц, предметов, явлений, их признаков, количества, порядка по счёту, а лишь указывают на них. К местоимениям традиционно относят имена – существительные, прилагательные, числительные. Кроме того, данный класс единиц входит в более широкий лексико-семантический класс местоименных слов наряду с местоименными наречиями и местоименными глаголами. Иногда все они в расширительном смысле называются местоимениями [ЛЭС: 294-295]. В учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой, в котором местоименные слова распределяются среди существительных, прилагательных, числительных и наречий, уточняется, что «при обсуждении вопроса о частях речи в русском языке местоименным словам было отказано в статусе особой части речи» [СРЯЗ 1989: 458]. С учётом данных особенностей местоимений в работе также не рассматривается такой вид конверсии, как прономинализация.

Принимая во внимание то, что частеречная принадлежность производящих лексических единиц, отмеченная во второй из вышеприведённых дефи-

ний субстантивации, признаётся всеми исследователями, начнём анализ узуральной субстантивации с перехода в класс существительных слов адъективного склонения (прилагательных, причастий).

2.1.1.1. Субстантивация на основе прилагательных

Субстантивация является весьма продуктивным способом словопроизводства как в русском, так и французском языке. Транспонироваться в класс существительных может не только знаменательная (самостоятельная), но и служебная лексема. Тем не менее, благодаря анализу языкового материала можно утверждать, что субстантивация на основе знаменательных слов, в частности, прилагательных, глаголов, числительных и наречий, более продуктивна.

Переход прилагательных в класс существительных получил сравнительно широкое распространение в обоих языках. Его частотность мотивируется теснотой связей между этими частями речи, причина которой заключается в специфике лексического и грамматического значения существительных и прилагательных. Первые из них, называя предмет, лицо либо явление окружающего мира, вступают в синтагматические (линейные) отношения со вторыми, обозначающими определённый непроцессуальный признак (свойство) какого-нибудь из вышеперечисленных объектов номинации. Прилагательное как лексико-семантический класс предикатных слов «обозначает либо качественный признак предмета, вне его отношения к другим предметам, событиям или признакам, либо признак относительный, обозначающий свойство предмета через его отношение к другому предмету, признаку, событию» [ЛЭС: 397]. В соответствии с этим выделяются прилагательные качественные и относительные.

Оставаясь формально зависимым от существительного элементом словосочетания, согласуясь с ним в роде, числе и падеже, именно прилагательное несёт основную смысловую нагрузку, выполняя характеризующую, а не номинативную функцию. Например, в предложении «*Это гримёрная ком-*

ната» семантический акцент делается не на существительном, обозначающем одно из множества помещений, а на прилагательном, указывающем на уникальность предназначения, целевого использования данного помещения («относящееся к гриму, гримированию»). Смысловая доминанта прилагательного в словосочетании «*гримёрная комната*», подкрепляемая естественным и универсальным намерением носителей языка рационально, экономно использовать лингвистические средства для объективации собственной мысли, обуславливает опущение в нём субстантивного компонента. Его утрата семантически компенсируется сохранившимся прилагательным, объём значения которого расширяется за счёт приобретения архисемы плана содержания («помещение») опущенного существительного. Прилагательное «*гримёрная*», семантическая структура которого в результате исключения слова «*комната*» обладает элементами смысла не только прилагательного, но и существительного, субстантивируется, принимая грамматические свойства последнего (категорию рода, синтаксическую парадигму, характеризующуюся возможностью формировать словосочетание не с определяемым, а с определяющим существительным) и изменяясь по числам и падежам. Путём субстантивации прилагательное «*гримёрная*» перешло в класс существительных, что фиксируется толковыми словарями русского языка: «Гримёрная, -ой, ж. Комната для гримирования. *Гримёрная актёра*» [ТСРЯ: 145].

Во французском языке, например, от субстантивного словосочетания «*enseignement secondaire*» («среднее образование») появилось существительное «*secondaire*» [ФРС: 901], которое в составе данной синтаксической конструкции выполняет функцию прилагательного. План содержания прилагательного «*secondaire*, которое конкретизирует понятие, объективируемое определяемым им существительным «*enseignement*» (речь идёт о среднем, а не начальном или высшем образовании), постепенно расширился за счёт «приобретения» им архисемы значения последнего, что обусловило его замену посредством субстантивации.

В связи с общностью данного подвида конверсии в обоих языках производные субстантиваты «закрепляются» за определённым родом (мужским, женским или средним – в русском, мужским или женским – во французском) и, как правило, могут употребляться в форме единственного и множественного числа, за исключением тех, которые характеризуются внепарностью по данной грамматической категории. Общность субстантивации на основе прилагательных является причиной присутствия тождественных деривационных значений и словообразовательных типов в русском и французском языках. К их числу можно отнести следующие:

- 1) наименование лица по одному из его внутренних признаков, названных производящим качественным прилагательным (*больной, скупой* и их французские эквиваленты *un malade, un avare*);
- 2) обозначение лица по месту, в котором оно проживает, на основе относительного прилагательного, образованного от существительного (*городской, деревенский* и их французские эквиваленты *un citadin, un villageois*);
- 3) наименование посредством существительного, употребляющегося только в форме единственного числа, обобщённого понятия – носителя признака, названного производящим прилагательным (*настоящее, будущее, старое, новое, невозможное* и их французские эквиваленты *le présent, le futur, le vieux, le nouveau, l'impossible*);
- 4) обозначение различных лекарств, блюд и кушаний на базе прилагательных разной структуры { *снотворное* и его французский эквивалент *un dormitif, наружное, слабительное, un sédatif* («седативное средство»), сладкое и его французский эквивалент *le sucré, мороженое, заливное, le salé* («солёная свинина»)};
- 5) научное наименование единиц классификации животных и растений, обычно объективирующееся существительным в форме множественного числа (*ракообразные, перепончатопалые, бобовые, крестоцветные* и их французские эквиваленты *les crustacés, les palmipèdes, les légumineuses, les crucifères*).

Несмотря на универсальность лексико-грамматических связей между существительными и прилагательными, распространяющуюся на русский и французский языки и обуславливающую относительную частотность перехода вторых в разряд первых, имеется значительное различие в степени продуктивности анализируемого вида субстантивации. Это подтверждается таким исследователем данных языков в сопоставительном аспекте, как В.Г. Гак, который пишет: «Если русские словари фиксируют около 120 слов, образованных субстантивацией прилагательных, то во французском языке их тысячи» [Гак 1983: 95]. Столь существенная разница в количестве субстантиватов, образованных от прилагательных, объясняется типологическими особенностями данных языков. В русском языке, морфология которого характеризуется синтетизмом, части речи обладают более выраженной спецификой. Благодаря большому количеству в нём словоизменительных аффиксов существительные и прилагательные имеют своеобразный, свойственный только им, план выражения. Так, например, слова с суффиксом *-ость* (*тонкость*), *-арь* (*букварь*), *-чик* (*буфетчик*), *-щик* (*каменищик*), *-ник* (*курортник*), *-ец* (*житель*), *-изм* (*капитализм*), *-ист* (*капиталист*) и т.д., с флексией *-а* (*карта*), *-я* (*неделя*), *-о* (*болото*), *-е* (*море*) и т.д., а также с нулевой флексией (*стол*) могут быть только существительными. Русские лексемы, обладающие флексией *-ый* (*серый*), *-ий* (*тихий*), *-ой* (*сырой*), *-ая* (*белая*), *-яя* (*синяя*), *-ое* (*красное*), *-ее* (*нижнее*) и т.д., являются прилагательными. Кроме того, синтетический характер языка предполагает большую роль аффиксов, в частности, суффиксов в процессе производства прилагательных от существительных (*аппарат* → *аппаратная*, *ординатор* → *ординаторская*, *комиссия* → *комиссионные* и т.д.).

Во французском языке, характеризующемся аналитизмом морфологии, план выражения существительных и прилагательных совпадает, т.е. форма слов данных частей речи не имеет каких-либо специфических аффиксов. Более того, многие продуктивные аффиксы (*-al*, *-el*, *-aire*, *-teur*, *-er*, *-ier*, *-ien*, *-ais*, *-ique*, *-iste* и т.д.) маркируют не только существительные, но и прилага-

тельные. Так, например, лексемы *un animal* («животное») – *animal* («животный»), *un industriel* («промышленник») – *industriel* («промышленный»), *un corsaire* («пират») – *corsaire* («пиратский»), *un directeur* («руководитель») – *directeur* («руководящий»), *un fromager* («сыровар») – *fromager* («сыроваренный»), *un laitier* («молочник») – *laitier* («молочный»), *un Italien* («итальянец») – *italien* («итальянский»), *un Français* («француз») – *français* («французский»), *un satirique* («сатирик») – *satirique* («сатирический»), *un socialiste* («социалист») – *socialiste* («социалистический») могут употребляться в качестве существительного и прилагательного. Совпадение плана выражения осложняет их разграничение и, в то же время, значительно облегчает переход одной части речи в другую, что объясняет более высокую степень распространения субстантивации от прилагательных во французском языке по сравнению с русским.

Для того чтобы определить направление мотивации, т.е. различить производящее и производное слова, составляющие словообразовательную (конверсионную) пару, необходимо иметь в виду, что дериват семантически более сложен, чем исходная лексема. Он выявляется посредством приёма развёрнутого толкования, в соответствии с которым в дефиниции результативного слова должно присутствовать базовое, следовательно, значение первого из них определяется через значение второго. Например, *учительская* – «**учительская** комната в средней школе»; *отпускные* – «**отпускные** деньги (за время оплаченного отпуска)»; *un Allemand* («немец» от «allemand» – «немецкий») – «человек **немецкой** национальности»; *un communiste* («коммунист» от «communiste» – «коммунистический») – «член **коммунистической** партии».

Вследствие вышеуказанных типологических особенностей в каждом из языков присутствуют многочисленные субстантиваты с деривационным значением, отсутствующим в другом. В русском языке подобные существительные, как справедливо утверждает Е.А. Земская [2011], образуют следующие словообразовательные типы:

- 1) наименование помещения по лицу, для которого оно предназначено, на основе прилагательного, образованного от существительного (*ординаторская, учительская и т.д.*);
- 2) наименование помещения по предмету, с которым оно связано, на основе прилагательного, образованного от существительного (*ванная, душевая, пельменная и т.д.*);
- 3) наименование помещения по действию, для которого оно предназначено, на основе прилагательного, образованного от называющего какой-либо процесс существительного (*операционная, приёмная, массажная и т.д.*);
- 4) наименование лица по действию, объектом которого оно является, на базе прилагательного с глагольной основой (*посыльный, ссыльный и т.д.*);
- 5) наименование посредством субстантивата в форме множественного числа разных денежных выплат на основе прилагательного, образованного от существительного (*подъёмные, отпускные, премиальные и т.д.*).

Во французском языке, в котором в силу его аналитизма аффиксы играют меньшую роль в словопроизводстве, большинству из подобных существительных соответствуют синтаксические конструкции. Это словосочетания, построенные по модели «существительное + предлог + существительное»: *une salle des professeurs* (досл. «комната учителей» – «учительская»); *une salle de bains* (досл. «комната ванны» – «ванная»); *une salle d'opération* (досл. «комната операции» – «операционная»); *des indemnités de déplacement* (досл. «надбавка за переезд» – «подъёмные»). Субстантиватам, относящимся к четвёртому из вышеуказанных словообразовательных типов, во французском языке могут соответствовать либо существительные, образованные от других существительных {*un commissionnaire* (от «*commission*» – «посыльный»)}, либо существительные, образованные от причастий {(*un déporté* (досл. «сосланный» – «ссыльный»))}.

По причине своих типологических особенностей французский язык обладает большим количеством словообразовательных типов и значений суб-

стантиватов, отсутствующих в русском языке. Среди них необходимо выделить следующие:

- 1) наименование цвета на основе качественного прилагательного, обозначающего цвет {*le bleu* («синий цвет» от «*bleu*» – «синий»), *le vert* («зелёный цвет» от «*vert*» – «зелёный»), *le gris* («серый цвет» от «*gris*» – «серый») и т.д.};
- 2) наименование конкретного вещества определённого цвета на основе качественного прилагательного, обозначающего этот цвет {*un blanc* («белила» от «*blanc*» – «белый»), *un bleu* («синька» от «*bleu*» – «синий») и т.д.};
- 3) наименование обобщённой субстанции того или иного цвета на основе качественного прилагательного, обозначающего цвет {*le bleu* («синева, лазурь» от «*bleu*» – «синий»), *le noir* («темнота» от «*noir*» – «чёрный») и т.д.};
- 4) наименование конкретной субстанции в зависимости от того, заполнена она или нет {*le plein* («полный объём» от «*plein*» – «полный»), *le vide* («пустое место» от «*vide*» – «пустой») и т.д.};
- 5) наименование конкретного понятия – носителя признака, обозначенного основой исходного относительного прилагательного женского рода {*la normale* («норма» от «*normale*» – «нормальная»), *l'hivernale* («восхождение зимой на гору» от «*hivernale*» – «зимняя») и т.д.};
- 6) наименование научных терминов по признаку, названному основой базового относительного прилагательного {*l'indicatif* («изъявительное наклонение» от «*indicatif*» – «указательный»), *le conditionnel* («условное наклонение» от «*conditionnel*» – «условный»), *le singulier* («единственное число» от «*singulier*» – «единственный») и т.д.};
- 7) наименование определённого языка на основе мотивирующего относительного прилагательного {*l'allemand* («немецкий язык» от «*allemand*» – «немецкий»), *l'anglais* («английский язык» от «*anglais*» – «английский») и т.д.};
- 8) наименование лица по национальному признаку, обозначенному производящим относительным прилагательным {*un Français* («француз» от «*fran-*

çais» – «французский»), *un Russe* («русский, россиянин» от «russe» – «русский, российский») и т.д.);

9) наименование лица (или группы лиц) – носителя признака, названного исходным относительным прилагательным *{un marginal* («маргинальная личность» от «marginal» – «маргинальный»), *un collectif* («коллектив» от «collectif» – «коллективный») и т.д.);

10) наименование лица по одному из его внешних признаков, названных производящим качественным прилагательным *{un blond* («блондин» от «blond» – «белокурый»), *un brun* («брюнет» от «brun» – «черноволосый») и т.д.);

11) наименование периодического издания по признаку, названному мотивирующим относительным прилагательным *{un quotidien* («ежедневное издание» от «quotidien» – «ежедневный»), *un hebdomadaire* («еженедельное издание» от «hebdomadaire» – «еженедельный») и т.д.);

12) наименование определённого места по признаку его расположения в пространстве, обозначенному производящим относительным прилагательным *{un littoral* («побережье» от «littoral» – «прибрежный»), *un souterrain* («подземный переход, туннель» от «souterrain» – «подземный») и т.д.);

13) наименование искусственного вещества по характеризующему его признаку, названному основой базового отглагольного прилагательного *{un détersif* («моющее средство» от «détersif» – «моющий»), *un explosif* («взрывчатое вещество» от «explosif» – «взрывчатый») и т.д.);

14) наименование природного вещества по его признаку, обозначенному исходным качественным прилагательным *{un fluide* («некристаллическое вещество» от «fluide» – «текучий»), *un liquide* («жидкость» от «liquide» – «жидкий») и т.д.);

15) наименование в несколько раз большего количества по отношению к меньшему на основе мотивирующего прилагательного, образованного от числительного *{un double* («двойное количество» от «double» – «двойной»), *un triple* («тройное количество» от «triple» – «тройной») и т.д.);

16) наименование определённой области науки или искусства по признаку, обозначенному основой производящего относительного прилагательного *{la dynamique}* [«динамика» (раздел механики) от «*dynamique*» – «динамический»], *la plastique* [«пластика» (совокупность искусств, создающих объёмные формы) от «*plastique*» – «пластический»] и т.д.};

17) наименование документа по признаку, названному основой базового относительного прилагательного *{un descriptif}* («инструкция, описание, информация» от «*descriptif*» – «описательный»), *un historique* («исторический очерк, история» от «*historique*» – «исторический») и т.д.}.

Столь большая разница в количестве словообразовательных значений и типов в пользу французского языка свидетельствует о справедливости утверждения В.Г. Гака о том, что субстантивация на основе прилагательных в нём намного продуктивнее, чем в русском.

При исследовании узуальной конверсии в зависимости от характера перехода прилагательных в класс существительных выделяется полная и неполная субстантивация. Так, в «Справочнике по русскому языку. Словаре лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой первый вид субстантивации вполне убедительно интерпретируется как окончательный переход прилагательного в разряд существительных с потерей возможности употребляться как прилагательное (портной, дневальный, служивый, гостиная, пирожное, приданое и др.). Второй вид – неполная субстантивация – справедливо рассматривается как переход прилагательного в разряд существительных при продолжающемся употреблении в роли прилагательного (военный, дежурный, часовой, караульный, ломовой, булочная, кондитерская, столовая, чайная и др.) [СРЯ 2003: 474].

Следует, однако, отметить определённое межъязыковое различие, связанное со степенью субстантивации прилагательных. Из приведённых выше примеров видно, что в лексической системе русского языка присутствуют полные и неполные субстантиваты при количественной доминанте вторых. Во французском языке, как показывает анализ существительных, образован-

ных на основе прилагательных, имеются только неполные субстантиваты. Данный факт позволяет говорить о том, что в русском языке в значительно большей степени, чем во французском, выражено разграничение класса существительных и класса прилагательных даже при совпадении исходной формы лексем.

Итак, субстантивация на основе прилагательных значительно более продуктивна во французском языке по причине его аналитизма. Отмеченная типологическая особенность предполагает сходство плана выражения существительных и прилагательных в нём.

2.1.1.2. Субстантивация на основе глагольных словоформ

Данный подвид конверсии также является весьма распространённым в обоих языках, ибо существительное характеризуется тесной синтаксической связью с такой глагольной словоформой, как причастие. Прочность их синтаксических отношений объясняется тем, что причастие, подобно прилагательному, обладает семантической структурой, заключающей в себе признак лица, предмета или явления, обозначаемого существительным. Так же, как и прилагательное, причастие употребляется атрибутивно, согласуясь с существительным в роде, числе и падеже. Близость причастия к существительному отражается в дефиниции данной глагольной словоформы, приведённой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой: «Причастие – нефинитная форма глагола (вербоид), обозначающая признак имени (лица, предмета)...»[ЛЭС: 399].

В отличие от рассмотренных выше признаков, называемых прилагательными, признаки, на которые указывают причастия, определяют объект номинации по совершаемому или совершённому им действию, а также по действию, которому оно подвергается или подверглось (*например, «человек, управляющий компанией»* и эквивалентное французское словосочетание *«l'homme gérant une société»*). Намерение акцентировать доминанту данного признака и потребность в более экономном использовании языковых средств

для номинации обладающего им индивида обусловили утрату существительного «человек» («l'homme») и замену его субстантивировавшимся причастием «управляющий» («un gérant»).

По причине общности субстантивации на основе причастий в русском и французском языках существуют сходные деривационные значения производных и словообразовательные типы:

1) наименование лица по признаку, связанному с действием, производимым им в данный момент или постоянно, на базе исходного причастия действительного залога настоящего времени {*учащийся* и его французский эквивалент *un apprenant, заведующий, un arrivant* («прибывающий куда-либо человек» от «*arrivant*» – «прибывающий»)};

2) наименование лица, носящего признак по действию, совершённое им непосредственно или опосредованно, на основе действительного причастия прошедшего времени {*умерший* и его французский эквивалент *un mort, пострадавший, un veni* («пришедший куда-либо человек» от «*veni*» – «пришедший»)};

3) наименование лица по признаку, связанному с действием, которому оно подверглось в прошлом, на основе страдательного причастия прошедшего времени {*командированный, заключённый* и его французский эквивалент *un détenu, un exilé* («ссылный» от «*exilé*» – «сосланный»)};

4) наименование обобщённой субстанции, носящей признак, названный производящим действительным причастием настоящего или прошедшего времени в форме среднего рода в русском языке и страдательным причастием прошедшего времени в форме мужского или женского рода во французском {*минувшее* и его французский синоним *le passé* (досл. «пройденный») (м. р.), *грядущее, l'étendue* (ж. р.) («длительность, продолжительность» от «*étendue*» – «протянутая»)}.

Последние из приведённых примеров отражают сходство деривационных значений субстантиватов, формирующих, однако, различные словообразовательные типы.

Следует отметить, что по причине лингвистических особенностей в русском языке существует словообразовательный тип, отсутствующий во французском. Так, наименование лица по признаку, обусловленному действием, которому оно подвергается в данный момент, в русском языке реализуется на базе страдательного причастия настоящего времени {*обвиняемый, любимый (прощаться с любимым) и т.д.*}. Аналитический французский язык, обладающий меньшим числом словообразовательных и формообразующих аффиксов, не имеет данного вида причастий, поэтому производящей базой субстантивата с подобным деривационным значением является страдательное причастие прошедшего времени {*un accusé («обвиняемый»), un chéri («любимый, дорогой человек») и т.д.*}.

Во французском языке существуют отглагольные субстантиваты, обладающие иными деривационными значениями и образующие словообразовательные типы, отсутствующие в русском:

- 1) наименование различных бытовых и лекарственных средств, характеризующихся признаком, который связан с их действием, названным основой производящего действительного причастия настоящего времени {*un désodorisant («дезодорант» от «désodorisant» – «дезодорирующий»), un nettoyant («чистящее средство» от «nettoyant» – «чистящий»), un décolorant («отбеливатель» от «décolorant» – «отбеливающий»), un tranquillisant («транквилизатор» от «tranquillisant» – «успокаивающий»), un calmant («болеутоляющее средство» от «calmant» – «унимающий») и т.д.*};
- 2) наименование конкретных изделий по признаку, обусловленному их действием, названным основой мотивирующего действительного причастия настоящего времени {*un collant («колготки» от «collant» – «облегающий»), un pliant («складной стул» от «pliant» – «гнувшийся»), un battant («створка» от «battant» – «хлопающий») и т.д.*};
- 3) наименование природных явлений, которым свойствен признак по действию, названному основой исходного действительного причастия настоящего времени {*le levant («сторона горизонта, где всходит солнце, восток» от «se*

levant» – «всходящий»), *le couchant* («заход солнца, закат» от «*se couchant*» – «заходящий»), *le courant* («течение, быстрина» от «*courant*» – «бегающий») и т.д.);

4) наименование конкретной субстанции по признаку, связанному с действием, которому она подверглась, и названному основой производящего страдательного причастия прошедшего времени {*un blindé* («бронированная машина, броневик» от «*blindé*» – «бронированный»), *une donnée* («данная величина» от «*donnée*» – «данная»), *un écrit* («рукопись» от «*écrit*» – «написанный»), *un joint* («соединение, стык» от «*joint*» – «соединённый») и т.д.}.

Из рассмотренных примеров видно, что лексемы, образованные субстантивацией от глагольных словоформ, так же, как и в случае субстантивации от прилагательных, преобладают во французском языке. Тем не менее, в нём глагол, в отличие от прилагательного, имеет выраженную морфологическую характеристику по отношению к существительному, в результате чего количественная доминанта отглагольных субстантиватов не столь значительна.

Как мы уже отмечали, в русском языке, которому свойственна более развитая морфология, слова, принадлежащие к разным частям речи, в частности, существительные, прилагательные и глаголы, обладают спецификой формы. При анализе субстантивации на основе прилагательных нами были рассмотрены многие из аффиксов, маркирующих русские и французские существительные. Глаголы в русском языке имеют совершенно иной план выражения. Они, в отличие от существительных, могут оканчиваться, например, на *-ать* (*делать, читать и т.д.*), *-ять* (*терять, гулять и т.д.*), *-еть* (*жалеть, потеть и т.д.*), *-оть* (*полоть, пороть и т.д.*), *-уть* (*дуть, гнуть и т.д.*), *-ить* (*строить, множить и т.д.*), *-ыть* (*ныть, рыть и т.д.*), *-овать* (*рисовать, праздновать и т.д.*), *-евать* (*тушевать, танцевать и т.д.*), *-зти* (*ползти, везти и т.д.*), *-сти* (*пасти, расти и т.д.*), *-чь* (*беречь, течь и т.д.*).

Во французском языке глаголы, обладающие выраженной морфологической характеристикой, различаются своей формой. Она может дифферен-

цироваться, например, следующими конечными аффиксами: *-er* (*parler, danser* и т.д.), *-ir* (*finir, partir* и т.д.), *-endre* (*entendre, attendre* и т.д.), *-ondre* (*confondre, correspondre* и т.д.), *-aire* (*complaire, taire* и т.д.), *-aître* (*paraître, connaître* и т.д.), *-frir* (*offrir, souffrir* и т.д.), *-vrir* (*ouvrir, couvrir* и т.д.), *-uire* (*produire, construire* и т.д.), *-oir* (*recevoir, apercevoir* и т.д.), *-eindre* (*atteindre, peindre* и т.д.), *-aindre* (*craindre, plaindre* и т.д.), *-oindre* (*joindre, rejoindre* и т.д.).

Однако различие во внешней форме существительных и глаголов не столь заметно во французском языке, чем в русском. В силу аналитизма и меньшей степени развитости морфологии французского языка многие существительные в нём своим планом выражения похожи на глаголы, с которыми они семантически никак не связаны: *un anniversaire* («годовщина») и *complaire* («угождать»), *un soupir* («вздых») и *crépir* («штукатурить»), *un manoir* («усадьба») и *devoir* («долженствовать»), *une mire* («прицел») и *dire* («говорить»), *un maître* («мастер, учитель») и *naître* («рождаться») и т.д. То, что грань между данными частями речи внешне менее заметна во французском языке, обуславливает большую распространённость в нём субстантивации от глагольных словоформ.

Необходимо отметить, что причастие – это не единственная глагольная форма, на базе которой образуются существительные. Во французском языке по указанной выше причине субстантивация довольно продуктивна также на основе инфинитива. В связи с активностью перехода глаголов в данной форме в класс существительных целесообразно представить классификацию подобных субстантиватов. С учётом полисемичности некоторых из них она включает следующие деривационные значения:

- 1) наименование лица по совершаемому им действию {*un conseiller* («советчик, советник» от «*conseiller*» – «советовать»), *un être* («существо, человек» от «*être*» – «существовать»)};
- 2) наименование пищи по действию, связанному с её приёмом в определённое время суток {*un déjeuner* («обед» от «*déjeuner*» – «обедать»), *un*

goûter («полдник» от «*goûter*» – «полдничать»), *un dîner* («ужин» от «*dîner*» – «ужинать»)};

3) наименование продукта питания по действию, связанному с его потреблением {*un boire* («питьё» от «*boire*» – «пить»), *un manger* («еда» от «*manger*» – «есть, кушать»)};

4) наименование абстрактной сущности по действию, её порождающему {*un pouvoir* («сила, власть» от «*pouvoir*» – «мочь, иметь возможность»), *un devoir* («долг, обязанность» от «*devoir*» – «долженствовать, быть должным»), *un vouloir* («воля, намерение» от «*vouloir*» – «хотеть»), *l'être* («бытие, жизнь» от «*être*» – «существовать»)};

5) наименование процесса по действию {*un lâcher* («пуск, запуск» от «*lâcher*» – «отпускать, выпускать»), *un lancer* («толкание, метание») от «*lancer*» – «бросать, метать»), *un lever* («подъём» от «*se lever*» – «подниматься, вставать»), *un coucher* («отход ко сну» от «*se coucher*» – «ложиться спать»), *un toucher* («прикосновение» от «*toucher*» – «трогать, прикасаться»)};

б) наименование результата, конечного продукта действия {*un rire* («смех» от «*rire*» – «смеяться»), *un dire* («слова, утверждение» от «*dire*» – «говорить»), *un parler* («речь» от «*parler*» – «говорить, разговаривать»), *un toucher* («ощущение» от «*toucher*» – «трогать, прикасаться»)}.

Как следует из рассмотренных примеров, субстантиват «*être*», обладающий несколькими лексико-семантическими вариантами («существо», «бытие»), характеризуется разными деривационными значениями.

В русском языке, где лексемы данных частей речи характеризуются своей морфологической выраженностью, субстантивация на основе глагола в форме инфинитива не является продуктивной. К подобным случаям можно отнести лишь существительные *печь* («сооружение, в котором готовят горячую пищу, пекут») и *течь* («дыра, щель, через которую проникает, течёт жидкость»), образованные от соответствующих им глагольных словоформ *печь* («приготавливать пищу сильным сухим нагреванием на жару») и *течь* («перемещаться струёй, потоком»).

Итак, субстантиваты в русском и французском языках образуются на основе таких глагольных словоформ, как причастие и инфинитив. Несмотря на отсутствие во французском языке причастий настоящего времени страдательного залога данный подвид конверсии в нём более продуктивен, что объясняется меньшей выраженностью формальных различий между существительными и глаголами. В русском языке, в отличие от французского, примеры субстантивации на основе неопределённой формы глагола являются единичными.

2.1.1.3. Субстантивация на основе числительных

Количество существительных, образованных от числительных, в обоих языках не столь велико по сравнению с субстантиватами, появившимися на основе прилагательных и глагольных словоформ. Причина этого заключается в том, что, в отличие от прилагательного и причастия, числительное не обозначает признак (непроцессуальный или процессуальный) лица, предмета или явления, называемого существительным, и, следовательно, обычно не является лексемой адъективного склонения. В лингвистике числительное трактуется как «класс однозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счёте, кратности (повторяемости), совокупности» [ЛЭС: 582]. С учётом данных значений выделяются различные виды числительных: количественные, собирательные (совокупностные), разделительные, кратностные (кратные), неопределённо-количественные, дробные и порядковые.

Наиболее полно понятие числа реализуется в количественных числительных, называющих точное количество кого- или чего-либо {*пять (человек), двадцать три (стола), сто сорок шесть (книг)* и их французские эквиваленты *cinq (personnes), vingt-trois (tables), cent quarante-six (livres) и т.д.*}. По этой причине именно вокруг них группируются другие виды числительных.

Собирательные числительные указывают на совокупность лиц, предметов или явлений по количеству формирующих её единиц {*двое (друзей), трое (студентов), четверо (ножниц) и т.д.*}. Данный вид отсутствует во французском языке.

Разделительные числительные обозначают количественно однородные группы объектов номинации, на которые распределяется определённое множество. Они представлены в обоих языках: *по три (студента), по четыре (стула)* и их французские эквиваленты *par trois (étudiants), par quatre (chaises) и т.д.*

Кратностные числительные семантически связываются с количеством повторений какого-либо действия или явления (*трижды, шестью и т.д.*). Подобные числительные также отсутствуют во французском языке.

Неопределённо-количественные числительные, существующие в языке благодаря способности человека оперировать с приблизительными множествами, обозначают общее указание на количество кого- или чего-либо. Они являются частью лексической системы обоих языков: *много (мальчиков), мало (девочек), несколько (парков), сколько (картин)* и их французские эквиваленты *beaucoup (de garçons), un peu (de filles), quelques (parcs), combien (de tableaux)*.

Дробные числительные – это слова, которые, с одной стороны, называют обиходные доли мер {*треть (стакана), четверть (килограмма) и т.д.* и их французские эквиваленты {*le tiers (d'un verre), le quart (du kilo) и т.д.*}, с другой, – математические дробные величины (*одна тридцатая, четыре седьмых и т.д.* и их французские эквиваленты *un trentième, quatre septièmes и т.д.*). Первая группа дробных числительных близка к существительным, называющим меры и совокупности (половина, десяток, дюжина и т.д.).

Порядковые числительные обозначают порядковые номера, которые присваиваются лицам, предметам или явлениям в процессе счёта. Они также представлены в обоих языках: *пятый (житель), двадцать третий (дом) и*

т.д. и их французские эквиваленты *le cinquième (habitant), la vingt-troisième (maison) и т.д.*

Как видно из примеров, в силу своего лексического значения числительные всех указанных видов (кроме кратностных) образуют словосочетание с существительным. Однако среди числительных только порядковые являются лексемами адъективного склонения. По своей морфологической характеристике и синтаксической связи с существительными, с которыми они согласуются в роде, числе и падеже, эти числительные близки к прилагательным и причастиям.

Следует обратить внимание на то, что во французском языке, в отличие от русского, не существует числительных (кроме порядковых), образованных от количественных посредством суффиксации (собирательных и кратностных). Их отсутствие обусловлено уже отмеченной нами типологической особенностью французского языка, заключающейся в его аналитизме, который предполагает меньшую роль аффиксов и морфологическую неизменяемость слова. По причине аналитизма в этом языке план выражения многих количественных числительных, как прилагательных и глаголов, имеет сходство с планом выражения существительных: *trois* («три») и *un pois* («горох»), *quatre* («четыре») и *une loutre* («выдра»), *sept* («семь») и *un concept* («концепт, понятие»), *trente* («тридцать») и *une tente* («палатка»), *soixante* («шестьдесят») и *une tante* («тётя») и *т.д.*

Рассмотрим деривационные значения субстантиватов, появляющихся на основе числительных различных видов, а также формирующиеся при этом словообразовательные типы в обоих языках:

1) наименование учебной отметки, соответствующей обозначаемой базовым количественным числительным определённой сумме баллов, посредством несклоняемого существительного в русском языке и существительного мужского рода во французском (*три, пять и т.д.* и их французские эквиваленты *un trois, un cinq и т.д.*);

- 2) наименование очень большого и неопределённого количества, названного основной производящего количественного числительного, при помощи существительного в форме множественного числа {миллионы людей («огромное количество людей»), миллиарды звёзд («неисчислимо множество звёзд»), *des milliers d'années* (досл. «тысячи лет» – «огромное число лет»), *des millions de fleurs* (досл. «миллионы цветов» – «огромное количество цветов»)};
- 3) наименование одной из равных долей, на которые делится что-либо, обозначаемой исходным дробным числительным {треть (года), четверть (века), *le tiers (d'une fortune)* («треть состояния»), *le quart (d'une pomme)* («четверть яблока») и т.д.};
- 4) наименование лучшего из всех в каком-либо отношении индивида по номеру занимаемого им места, обозначаемому основой базового порядкового числительного {первый (среди равных), *le premier de la classe* («первый ученик в классе»)}.

В русском языке некоторые субстантиваты, образованные от порядковых числительных, обладают деривационным значением, отсутствующим во французском. Так, например, наименования блюд, подаваемых друг за другом во время обеда, представлены только в лексической системе русского языка: *первое* («жидкое блюдо, с которого начинают обед»), *второе* («блюдо, следующее после первого»), *третье* («десерт»).

Собирательные числительные, отсутствующие во французском языке, могут субстантивироваться в русском. В таком случае производные существительные служат наименованием определённого количества людей, называемого основой исходного собирательного числительного: *трое* (*работать за троих*), *семеро* (*семеро одного не ждут*) и т.д.

Во французском языке, несмотря на меньшее количество в нём видов числительных, существует больше словообразовательных типов, отсутствующих в русском. К ним относятся следующие:

- 1) наименование цифры (числа), обозначаемой исходным количественным числительным {*un deux (arabe)* [досл. «два (арабское)» – «арабская цифра

«два»], *un trois (romain)* [досл. «три (римское)» – «римская цифра «три»] и т.д.}; подобной номинации в русском языке могут соответствовать образованные путём суффиксации существительные, такие как «двойка», «тройка» и т.д.;

2) наименование игральной карты с изображённой на ней цифрой, называемой базовым количественным числительным {*le quatre (de carreau)* [досл. «четыре (бубен)»], *le cinq (de pique)* [досл. «пять (пик)»] и т.д.}; данной номинации в русском языке также соответствуют образованные суффиксальным способом существительные, такие как «четвёрка», «пятёрка», «шестёрка» и т.д.;

3) наименование пластинки домино или стороны игральной кости с нанесёнными на неё очками, сумма которых обозначается производящим количественным числительным {*le double deux* (досл. «двойное два» – «два-два»), *le double six* (досл. «двойное шесть» – «шесть-шесть») и т.д.};

4) наименование лодки по количеству находящихся в ней гребцов, обозначаемому исходным количественным числительным {*un deux* («байдарка-двойка» от «*deux*» – «два»), *un quatre* («лодка-четвёрка» от «*quatre*» – «четыре») и т.д.};

5) наименование части загаданного в шараде слова, называемой основой базового порядкового числительного, посредством существительного мужского рода {*mon premier* («моё первое слово» от «*premier*» – «первый»), *mon deuxième* («моё второе слово» от «*deuxième*» – «второй») и т.д.};

6) наименование скорости движения автомобиля, обозначаемой основой производящего порядкового числительного, при помощи лексемы женского рода {*la première* («первая скорость» от «*première*» – «первая»), *la deuxième* («вторая скорость» от «*deuxième*» – «вторая»), *la troisième* («третья скорость» от «*troisième*» – «третья») и т.д.}.

Итак, результаты анализа деривационных значений субстантивов, образованных на основе числительных, свидетельствуют о том, что данный подвид конверсии также продуктивнее во французском языке несмотря на

меньшее число в нём видов числительных. Причина большей активности в нём процесса перехода числительных (прежде всего, количественных) в существительные связывается с его аналитизмом, проявляющимся в морфологической неизменяемости слова.

2.1.1.4. Субстантивация на основе наречий

По сравнению с другими словами, принадлежащими к знаменательным частям речи, наречия являются производящей базой для значительно меньшего числа субстантиватов, что обуславливается их лексико-грамматическими особенностями. Они заключаются в том, что наречия представляют собой «неизменяемые полнзначные слова, которые способны называть признак действия или признак признака» [СРЯЗ 1989: 514]. Из дефиниции видно, что наречия обычно вступают соответственно в синтагматические отношения с глаголами (*идти быстро и marcher vite*), наречиями (*очень быстро и très vite*), прилагательными (*очень быстрый и très rapide*).

В лингвистике, однако, присутствует точка зрения, согласно которой наречия, кроме признака действия и качества, могут называть признак предмета [ЛЭС: 322; СРЯЗ 1989: 514]. Отсюда следует, что наречия способны обладать синтаксической сочетаемостью с существительными (*яйцо всмятку, разговор по-английски*) [СРЯЗ 1989: 514]. Нам представляется справедливым данное мнение, ибо приведённые в качестве примера наречия «всмятку» и «по-английски» в сочетании с существительным, подобно неизменяемому прилагательным, называют признак предмета, служащего объектом его номинации, и употребляются в функции определения (*яйцо всмятку, разговор по-английски и цвет хаки*). Основанием для отнесения их к наречиям служит то, что они по сравнению с неизменяемым прилагательным «хаки», обозначающим признак только предмета, способны обозначать также признак действия (*варить всмятку, разговаривать по-английски*).

Тем не менее, наречия, называющие признак предмета и вступающие в синтагматические отношения с существительными, будучи неизменяемыми

по своим морфологическим признакам, не являются лексемами адъективного склонения. По данной причине подобные наречия, в отличие от прилагательных, причастий и порядковых числительных, не могут субстантивироваться в синтетическом русском языке.

Приведённая выше дефиниция наречий предполагает их деление на определённые семантические группы, каждая из которых характеризуется той или иной синтаксической сочетаемостью. Обычно выделяются следующие группы: 1) наречия со значением меры и степени, 2) наречия со значением качественной характеристики действия, 3) наречия времени, 4) наречия места, 5) наречия причины, 6) наречия цели, 7) наречия со значением совместности [СРЯЗ 1989: 515; ЛЭС: 322].

Наречия первой группы обозначают степень качества и интенсивности действия или признака и могут сочетаться в русском и французском языках с глаголами, прилагательными и наречиями (*много работать, очень хороший, слишком плохо и т.д.* и их французские эквиваленты *travailler beaucoup, très bon, trop mal и т.д.*).

Наречия второй группы имеют значение качественной характеристики действия, включающей образ действия (*громко петь, перемещаться пешком и т.д.* и их французские эквиваленты *chanter fort, se déplacer à pied и т.д.*). Такие наречия, как правило, вступают в синтаксические отношения с глагольными формами, тем не менее, в обоих языках они могут сочетаться и с отглагольными существительными (*перемещение пешком* и французский эквивалент *un déplacement à pied*).

Наречия третьей группы, обозначающие время совершения действия, образуют словосочетания только с глаголами (*приехать рано, уйти поздно и т.д.* и их французские эквиваленты *arriver tôt, partir tard и т.д.*).

Наречия четвёртой группы, имеющие значение места совершения действия, обычно вступают в синтагматические отношения с глагольными формами (*идти вперёд, смотреть назад и т.д.* и их французские эквиваленты *aller en avant, regarder en arrière и т.д.*). Однако это не исключает возмож-

ности их сочетания с существительными (*движение вперёд* и французский эквивалент *un mouvement en avant*).

Наречия пятой группы, обозначающие причину совершения действия, существуют в русском языке, но отсутствуют во французском. Они сочетаются, как правило, с глаголами (*не узнать сослепу, сказать сгоряча и т.д.*), тем не менее, не полностью исключена их синтаксическая связь с существительными (*поступок сгоряча*). Во французском языке в силу его аналитизма наречиям причины соответствуют раздельнооформленные конструкции: *faute d'y voir clair* (досл. «дефект ясно видеть» – «сослепу»), *dans l'emportement* (досл. «в порыве» – «сгоряча»).

Наречия шестой группы, имеющие значение цели совершения действия, присутствуют в обоих языках и сочетаются только с глаголами (*сделать нарочно, написать умышленно и т.д.* и их французские эквиваленты *faire exprès, écrire intentionnellement и т.д.*).

Наречия седьмой группы, обозначающие совместность действия, также имеются в обоих языках. Они способны вступать в синтаксические отношения с глагольными формами (*работать вдвоём, прожить втроём и т.д.* и их французские эквиваленты *travailler à deux, vivre à trois и т.д.*) и с отглагольными существительными (*работа вдвоём, жизнь втроём* и их французские эквиваленты *un travail à deux, une vie à trois*).

Следует отметить, что многие наречия в аналитическом французском языке, в отличие от русского, объективируются в виде сочетания предлога (*à, en* и т.д.) с существительным (*à pied* – «нешком», *en avant* – «вперёд») или с количественным числительным (*à deux, à trois*).

Рассмотрим словообразовательные значения субстантиватов, появляющихся на основе наречий различных семантических групп, а также формирующиеся при этом словообразовательные типы в обоих языках:

1) наименование определённого дня или временного промежутка, названного основой производящего наречия времени, посредством несклоняемого существительного среднего рода в русском языке и существительного мужско-

го рода во французском {вчера («день, предшествующий сегодняшнему»), сегодня («настоящее время, текущий момент»), завтра («недалёкое будущее») и их французские эквиваленты *l'hier, l'aujourd'hui, le demain*};

2) наименование отметки, соответствующей той или иной оценке знаний и названной основой производящего наречия со значением качественной характеристики действия, при помощи несклоняемого существительного среднего рода в русском языке (*удовлетворительно, хорошо, отлично*), причём во французском имеется только одна подобная лексема {*un bien* («отметка «хорошо» от «*bien*» – «хорошо»)}.

Как и в случаях субстантивации на основе прилагательных, глагольных словоформ и числительных, в системе каждого из языков присутствуют уникальные словообразовательные типы, формирующиеся образованными от наречий существительными. Так, например, номинация спокойного пребывания вдали от жизненных невзгод и борьбы, образованная на базе производящего наречия места, имеется только в лексической системе русского языка и репрезентирована существительным среднего рода «далёко» (*смотреть на что-либо из своего прекрасного далёка*).

Французский язык, несмотря на меньшее число семантических групп наречий, обладает большим количеством образованных от них субстантиватов, ибо, как мы уже отмечали, в нём, в отличие от русского языка, морфологические показатели слов разных частей речи, кроме глаголов, совпадают, в результате чего наречия могут быть спутаны с существительными, а также легко переходят в их класс. Так, например, план выражения наречий «*loin*» («далеко»), «*lentement*» («медленно»), «*tôt*» («рано»), «*tard*» («поздно») похож на план выражения соответствующих им по порядку перечисления существительных «*un coin*» («угол»), «*un battement*» («стук»), «*un rôti*» («жаркое»), «*un lard*» («свиное сало»).

Большее число субстантиватов, образованных на основе наречий, обуславливает большее количество во французском языке деривационных значений и словообразовательных типов, отсутствующих в русском. К ним, при-

нимая во внимание полисемичность некоторых дериватов, можно отнести следующие:

1) наименование большого или избыточного количества кого- или чего-либо на основе производящего наречия со значением меры и степени {*beaucoup* («многое, многие» от «*beaucoup*» – «много»), *le trop* («излишек» от «*trop*» – «чрезмерно») и т.д.};

2) наименование математического знака на базе производящего наречия со значением меры и степени в форме сравнительной степени {*le plus* («знак плюс» от «*plus*» – «больше» (форма сравнительной степени наречия «*beaucoup*» – «много»), *le moins* («знак минус» от «*moins*» – «меньше» (форма сравнительной степени наречия «*peu*» – «мало»))};

3) наименование чего-либо положительного или отрицательного, хорошего или плохого поступка на базе производящего наречия со значением качественной характеристики действия и посредством абстрактного существительного {*le bien* («добро» от «*bien*» – «хорошо»), *le mal* («зло» от «*mal*» – «плохо») и т.д.};

4) наименование того, что даёт достаток, благополучие и удовлетворяет потребности, на основе производящего наречия со значением качественной характеристики действия и, как правило, при помощи конкретного существительного в форме множественного числа {*les biens* («блага, средства» от «*bien*» – «хорошо»)};

5) наименование того, что принадлежит кому или чему-либо, на базе производящего наречия со значением качественной характеристики действия и посредством конкретного существительного в форме единственного или множественного числа {*un bien* («имущество, собственность» от «*bien*» – «хорошо»)};

б) наименование определённой части пространства на основе производящего наречия места {*le dedans* («внутреннее пространство» от «*dedans*» – «внутри»), *le dehors* («внешняя часть пространства» от «*dehors*» – «снаружи»), *le*

loin («даль, отдалённое место в пространстве» от «*loin*» – «далеко») и т.д.};

7) наименование той или иной части предмета, расположенного в пространстве, на базе производящего наречия места {*le dessus* («верх, верхняя часть» от «*dessus*» – «наверху»), *le dessous* («низ, нижняя часть» от «*dessous*» – «внизу») и т.д.}.

Из приведённых примеров видно, что полисемичный субстантиват «*bien*», как и рассмотренная выше результирующая лексема «*être*», характеризуется несколькими деривационными значениями. Следует отметить, что в русском языке подобные субстантиваты не обнаружены, что свидетельствует о большем объёме в целом семантической структуры французских производных.

Итак, анализ языкового материала позволяет утверждать, что, несмотря на меньшее число семантических групп наречий во французском языке, субстантивация на их основе в нём также продуктивнее, чем в русском. Свидетельством тому является гораздо более развитая парадигма деривационных значений и словообразовательных типов, формирующихся субстантиватами. Большая степень распространённости данного подвида конверсии по сравнению с русским языком объясняется отсутствием чётких морфологических границ между французскими наречиями и существительными.

2.1.1.5. Субстантивация на основе служебных слов

Образование новых существительных на базе служебных лексем получило гораздо меньшее распространение как в русском, так и французском языке. Данный факт обуславливается тем, что служебные слова, в отличие от знаменательных, лишены номинативных значений, т.к. они не называют предметов, лиц, явлений (подобно существительным), признаков, свойств, действий. По этой причине они интерпретируются в лингвистике как «лексически несамостоятельные слова, служащие для выражения различных семантико-синтаксических отношений между словами, предложениями и частями

предложений, а также для выражения разных оттенков субъективной модальности» [ЛЭС: 472]. Служебные слова, в отличие от знаменательных, не имеют морфологических категорий и выполняют только синтаксические функции в синтаксической конструкции [там же: 472].

С учётом общности реализуемых функций служебные слова делятся на несколько разрядов. В русском и французском языках среди них выделяются такие разряды, как предлоги, союзы, частицы. Кроме того, в аналитическом французском языке к служебным словам относится также разряд артиклей, отсутствующий в русском. Транспонироваться в класс существительных способны только предлоги, союзы и частицы, что фиксируется толковыми словарями обоих языков.

Предлог трактуется как «разряд служебных, морфологически неизменяемых слов, выражающих различные отношения между зависимыми и главными членами словосочетания и осуществляющих подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения» [ЛЭС: 394]. Будучи служебным словом, предлог, выражающий различные семантико-синтаксические отношения, характеризуется только ему присущей совокупностью значений, которые составляют его семантическую структуру [там же: 394].

По степени словообразовательной сложности выделяются предлоги производные, исконные с генетической точки зрения для данного языка (*с, за, против и т.д.* и их французские эквиваленты *avec, pour, contre и т.д.*), и производные (вторичные) от других частей речи (*путём, в течение, рядом с и т.д.* и их французские эквиваленты *moyennant, au cours de, à côté de и т.д.*). Причём производные предлоги могут быть простыми {*путём, благодаря; moyennant* («посредством» от формы причастия настоящего времени «*moyennant*» – «устраивающий что-либо при помощи чего-либо»), *suivant* («в соответствии с» от формы причастия настоящего времени «*suivant*» – «следующий») и т.д.} или сложными, составными (*за счёт, по причине и т.д.* и их французские эквиваленты *aux frais de, en raison de и т.д.*).

Переходить в класс существительных могут только непроезводные предлоги, всегда являющиеся простыми. В русском и французском языках нами обнаружены только по два таких предлога, которые определяются как межъязыковые эквиваленты. Речь идёт о предлогах «за» (в значении «ради, во имя, в пользу кого-чего-либо»), «против» (в значении «не в согласии с кем-чем-либо, борясь с кем-чем-либо») и их французских эквивалентах «pour» и «contre», транспонируемых соответственно в несклоняемые существительные среднего рода «за» («довод в пользу чего-либо»), «против» («довод не в пользу чего-либо», например, «взвесить все за и против») и существительные мужского рода «le pour» и «le contre» {например, «peser le pour et le contre» (досл. «взвесить за и против»)}. Субстантивация данных предлогов обусловлена, очевидно, важностью их указанного значения, позволяющего реализовать прагматическую интенцию говорящего, заключающуюся в выражении его субъективного отношения к тому или иному объекту окружающей действительности. Как видно, рассмотренное деривационное значение русских и французских субстантиватов («наименование определённого довода») и образуемый ими словообразовательный тип (наименование деривационного значения по значению непроезводного предлога) совпадают.

Тем не менее, следует отметить, что субстантиват «le contre» имеет второе значение, которым не обладает его русский аналог «против», – «момент игры в бильярд, когда шар после удара по нему другим шаром попадает в борт и, отскочив от него, сталкивается с этим шаром». Полисемичность деривата «le contre» подтверждает высказанную выше мысль о большем объёме семантической структуры французских производных, образованных путём конверсии.

Служебные лексемы следующего разряда – союзы – интерпретируются как слова, оформляющие синтаксические связи предложений и других слов [ЛЭС: 484]. Выполняя связующую функцию, союз, подобно предлогу, обозначает содержательные отношения между связываемыми единицами (например, «знать и уметь» – «знать, чтобы уметь» [там же: 484].

С точки зрения словообразования союзы, как и предлоги, делятся на непроизводные (*а, но, или* и т.д. и их французские эквиваленты *et, mais, ou* и т.д.) и производные {*чтобы, в то время как; auquel* («которому» от слияния предлога «à» с местоимением «lequel» – «который»), *avant que* («прежде чем» от «avant» [«до»] и «que» [«чем»])}. По своему строению первые всегда являются простыми, а вторые могут быть как простыми (*оттого, auquel*), так и сложными (*как только* и его французский эквивалент *aussitôt que*).

В соответствии с характером связи, обеспечиваемой союзами, они делятся на сочинительные, указывающие на относительную смысловую самостоятельность связываемых единиц, и подчинительные, выражающие зависимость одной синтаксической единицы от другой. По характеру отношений, устанавливаемых между частями синтаксических конструкций, среди сочинительных союзов выделяются соединительные (*и, ни...ни*; их французские эквиваленты *et, ni...ni*), противительные (*а, но*; их французские эквиваленты *et, mais*), разделительные (*или*; его французский эквивалент *ou*), градационные (*не только..., но и*; его французский эквивалент *non seulement..., mais*).

Подчинительные союзы характеризуются следующими видами отношений: временными (*когда, пока* и т.д. и их французские эквиваленты *quand, pendant que* и т.д.), условными (*если, при условии что* и т.д. и их французские эквиваленты *si, à condition que* и т.д.), причинными (*потому что, ибо* и т.д. и их французские эквиваленты *parce que, car* и т.д.), уступительными (*хотя, несмотря на то что* и их французские эквиваленты *quoique, bien que*), целевыми (*чтобы* и его французский эквивалент *pour que*), изъяснительными (*что, чтобы* и их французский эквивалент *que*), следствия (*так что* и его французский эквивалент *de manière que*), сравнения (*как, словно* и их французский эквивалент *comme*).

Переходить в класс существительных могут как сочинительные, так и подчинительные союзы. Следует отметить, что данный процесс более распространён во французском языке, чем в русском. В использованных нами

толковых словарях русского языка фиксируется только один субстантиват, образованный на основе союза, – несклоняемое существительное среднего рода «но», которому во французском языке соответствует лексема «*un mais*». Оба деривата формируют один и тот же словообразовательный тип – наименование обобщённой субстанции (возражение, препятствие) по характеру отношений между частями синтаксической конструкции, обеспечивающихся противительным сочинительным союзом «но» или «*mais*» {«*Есть маленькое но*», «*Que signifie ce mais ?*» (досл. «*Что означает это но ?*») }.

Во французском языке, в отличие от русского, среди сочинительных союзов транспонируется также в класс существительных повторяющийся соединительный союз «*ni...ni*». В результате его субстантивации образуется существительное «*un ni-ni*» со значением «отрицательный ответ на альтернативное предложение» {*le triomphe du ni-ni* (досл. «*триумф ни-ни*») }.

Из подчинительных союзов субстантивируется только французский «*si*» («если»), который, передавая смысловые отношения условия, служит производящей основой для неизменяемого существительного «*un si*». Результативное слово обозначает гипотезу, предположение {*Il y a trop de si là* (досл. «*Здесь слишком много предположений*») }.

Служебные лексемы третьего разряда – частицы – квалифицируются в российской лингвистике как неизменяемые слова, участвующие в реализации форм отдельных морфологических категорий, входя в состав слова («некто», «кто-то», «дай-ка») либо присоединяясь к нему («пошёл **бы**», «да будет», пошёл **было**»), передающие коммуникативный статус высказывания (вопросительность – «разве», «ли», «неужели»; отрицательность – «не», «нет», «ни»; утвердительность – «да»), а также выражающие отношение автора высказывания к окружающему контексту (так называемые модальные частицы: «только», «и», «даже», «ещё», «уже», «ведь», «же», «тоже» и другие) [ЛЭС: 579].

Во французской лингвистике частицы трактуются как короткие неизменяемые слова, входящие в состав других слов или служащие средством их

связи [DLF: 1596]. При различии данных дефиниций их объединяет то, что в соответствии с каждой из них частицу следует рассматривать как служебное слово, которое может являться элементом другого, что в таком случае исключает её статус самостоятельной лексемы.

В зависимости от степени словообразовательной сложности частицы, подобно предлогам и союзам, делятся на непроеизводные (*да, нет и т.д.* и их французские эквиваленты *oui, non и т.д.*) и производные (*добро, пускай, точно, ровно и т.д.*). По своему составу первые являются простыми, а вторые могут быть как простыми (*давай, решительно и т.д.*), так и сложными (*едва ли, как бы и т.д.*).

Следует отметить, что многим русским частицам во французском языке соответствуют слова, относящиеся к другим частям речи. Так, частица «не», служащая для выражения отрицания при разных членах предложения («*Не уходи*»), частица «ни», означающая в сочетании с родительным падежом полное отсутствие кого- или чего-нибудь («*Ни облачка*»), имеют во французском языке синонимы – соответственно слова «не» {«*On ne peut mieux*» [досл. «*Не могут лучше*» – «*лучше нельзя*»]} и «pas» {«*Pas un geste ou je tire !*» [досл. «*Ни жеста, или я стреляю !*» – «*ни с места, или я стреляю !*»]}, квалифицирующиеся в толковом словаре французского языка как отрицательные наречия [DLF: 1475, 1599].

В некоторых случаях русские частицы не имеют эквивалентов во французском языке в силу его аналитизма, что обуславливает необходимость переводить их при помощи раздельнооформленных конструкций. Например, ввиду отсутствия французского эквивалента частицы «ли», употребляющейся в вопросительных предложениях («*Пришёл ли ответ ?*»), её следует переводить посредством устойчивого вопросительного оборота «*est-ce que*» {«*Est-ce que tu es content ?*» [досл. «*Доволен ли ты ?*»]}. По вышеизложенным причинам французский язык обладает значительно меньшим количеством частиц, чем русский.

По причине широты семантической парадигмы, которая реализуется с помощью частиц при выражении отношения автора высказывания к окружающей действительности и с помощью союзов между связываемыми словами, в ряде случаев одна и та же лексема может служить как частицей, так и союзом. Например, лексическая единица «пусть» интерпретируется в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в качестве частицы, выражающей отношение автора к определённой реалии, такое как допущение, принятие, готовность согласиться [*«Ну пусть, я согласен»*], и в качестве подчинительного союза, характеризующегося уступительными отношениями { («положим, допустим, хотя бы, хотя и») [*«Пусть он ошибся, ошибку можно исправить»*]} [ТСРЯ: 633].

Транспонироваться в класс существительных способны лишь частицы, присоединяющиеся к другим словам и не входящие при этом в их состав, либо частицы, связывающие слова, что обуславливает меньшую степень распространённости конверсии среди них в отличие от предлогов и союзов. Толковые словари русского языка фиксируют лишь один субстантиват, образованный на основе частицы, – «нет», а толковые словари французского языка – два {*«un non»* («нет») и *«un oui»* («да»)}. Присутствующие в системе обоих языков субстантиваты мужского рода «нет» и «un non» происходят от отрицательной частицы (соответственно «нет» и «non»), употребляющейся в силу передаваемого ею коммуникативного статуса высказывания при отрицательном ответе на вопрос или при возражении собеседнику. Тем не менее, данные дериваты нельзя считать межъязыковыми эквивалентами, ибо их семантика различается. Первый из них склоняется и является наименованием неимения, отсутствия чего-либо {*пирог с нетом (без начинки), пословица «на нет и суда нет»* («если нет чего-нибудь, ничего не поделаешь, приходится примириться»)}, второй же не изменяется и представляет собой номинацию несогласия, отказа {*obtenir un non catégorique en réponse* (досл. «получить в ответ категорическое нет»)}.

Французская лексема «un oui» субстантивировалась на основе утвердительной частицы «oui», употребляющейся для выражения согласия, положительного ответа на какой-либо вопрос. Она не изменяется по числам и служит наименованием согласия, одобрения *{les millions de oui du référendum (досл. «миллионы да на референдуме»)}*.

Итак, результаты анализа свидетельствуют о том, что субстантивация на базе служебных слов в обоих языках гораздо менее продуктивна, чем субстантивация на базе знаменательных лексем. Это обуславливается отсутствием номинативного значения у служебных слов и, следовательно, их лексической несамостоятельностью. В целом, однако, переход слов служебных частей речи в класс существительных в незначительной степени преобладает во французском языке благодаря большей распространённости субстантивации на основе союзов. Семантическая структура русских и французских существительных, образованных от эквивалентных производящих слов, может различаться.

2.1.2. Адъективация

Прилагательное, обозначающее, как нами уже отмечалось, свойство предмета, лица или явления (события), названного именем, передаёт его качественный или относительный признак. Важность прилагательного с точки зрения его семантики обуславливает широту его производящей базы. Подтверждением тому служит принадлежность способных адъективироваться слов к различным частям речи: глаголам, числительным, существительным, наречиям. Тем не менее, если во французском языке переходить в прилагательное с сохранением плана выражения могут все перечисленные части речи, то в русском – только глаголы, числительные и лишь немногие существительные.

Наиболее распространённой и продуктивной в обоих языках является адъективация на основе глагола, который переходит в прилагательное лишь в форме того или иного причастия, что проявляется в утрате или изменении

функций грамматических категорий последнего – вида, времени и залога, а также в утрате глагольного управления. В результате данного процесса образуются так называемые адъективированные причастия [СРЯ 2003: 16].

Выделяются два основных типа адъективации причастий. Первый из них заключается в приобретении причастием переносного лексического значения, характерного для качественного прилагательного, что приводит к утрате функций указанных грамматических категорий причастия и расхождению в семантике с соответствующим глаголом. Второй тип обусловливается изменением, т.е. функциональным переосмыслением, значений грамматических категорий причастия без утраты связи с ними.

Рассмотрим типы адъективации причастий на примере существующих в русском и французском языках деривационных значений прилагательных и формирующихся прилагательными словообразовательных типов:

- 1) обозначение качественного признака лица по совершаемому им действию на базе мотивирующего действительного причастия настоящего времени с приобретением причастием переносного лексического значения и утратой им функций грамматических категорий (*блестящий ученик, мыслящий ребёнок* и французские эквиваленты *un brillant élève, un enfant pensant*);
- 2) обозначение относительного признака лица по совершаемому им действию на основе производящего действительного причастия настоящего времени без утраты им связи с грамматическими категориями {*начинающий преподаватель* и французский эквивалент *un professeur débutant, приходящий больной, un homme allant et venant* (досл. «ходящий и приходящий человек» – «человек, который ходит туда-сюда»)};
- 3) обозначение качественного признака предмета по совершаемому им действию на базе исходного действительного причастия настоящего времени с приобретением причастием переносного значения и утратой им функций грамматических категорий (*потрясающая книга, пронизывающий ветер* и французские эквиваленты *un livre bouleversant, un vent perçant*);

4) обозначение качественного признака обобщённой субстанции на основе мотивирующего действительного причастия настоящего времени с приобретением причастием переносного значения и утратой им функций грамматических категорий (*блестящий успех, угрожающая тишина* и французские эквиваленты *un succès brillant, un silence menaçant*);

5) обозначение относительного признака предмета по совершаемому им действию на базе производящего действительного причастия настоящего времени без утраты связи с грамматическими категориями причастия (*летающий объект, говорящая кукла* и французские эквиваленты *un objet volant, une poupée parlante*);

6) обозначение качественного признака лица по действию, которому оно подверглось в прошлом, на основе исходного страдательного причастия прошедшего времени с приобретением причастием переносного значения и утратой им функций грамматических категорий {*презренный трус, раскованный человек; un homme pris* (досл. «взятый человек» – «занятый человек»), *un enfant cultivé* (досл. «развитый ребёнок» – «культурный, образованный ребёнок»)};

7) обозначение качественного признака предмета по действию, которому оно когда-либо подверглось, на базе мотивирующего страдательного причастия прошедшего времени с приобретением причастием переносного значения и утратой им функций грамматических категорий (*рафинированный вкус, отрешённый взгляд* и французские эквиваленты *un goût raffiné, un regard détaché*);

8) обозначение относительного признака предмета по действию, которому оно подверглось в прошлом, на основе производящего страдательного причастия прошедшего времени без утраты им функций грамматических категорий (*молотый кофе, лакированные туфли* и французские эквиваленты *le café moulu, des souliers vernis*);

9) обозначение качественного признака предмета по совершённомu им действию на базе исходного действительного причастия прошедшего времени с

приобретением причастием переносного значения и утратой им функций грамматических категорий {*опухшее лицо* и французский эквивалент *un visage enflé, раскисшая дорога, des veines gonflées* (досл. «набухшие вены» – «вздутые вены»)}.

При совпадении многочисленных деривационных значений и словообразовательных типов имеются, однако, некоторые межъязыковые различия. Например, в русском языке существуют страдательные причастия настоящего времени, отсутствующие, как нами уже отмечалось, во французском. На основе таких производящих причастий, которые, по справедливому мнению Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, утратили видо-временное и залоговое значения, а также глагольное управление, возможно образование прилагательных (адъективированных причастий), обозначающих относительный признак лица или предмета по действию, которому оно или он подвергается (или не подвергается) в данный момент либо постоянно (*излечимая болезнь, ископаемое топливо, видимая сторона Луны, незаменимый работник, невыносимый человек, неподражаемый артист, недостижимая вершина и т.д.*) [2003].

В отличие от причастий количество числительных, на основе которых образуются прилагательные, отнюдь не столь велико. Причина этого заключается в том, что из всех имеющихся видов числительных, использованных нами при анализе образования субстантиватов, только порядковые, характеризующиеся адъективным склонением, способны переходить в класс прилагательных. Необходимо отметить, что в обоих языках адъективируются лишь три порядковых числительных – первый (*premier*), второй (*deuxième*) и третий (*troisième*). В процессе адъективации они, подобно многим причастиям, как правило, переосмысливаются, приобретая переносные лексические значения, характерные для качественных прилагательных.

Рассмотрим адъективацию на базе числительных в русском и французском языках, что позволяет выявить парадигму деривационных и лексических значений прилагательных:

- 1) обозначение качественного признака лица, предмета или отвлечённой сущности, связанного с номером занимаемого в их совокупности места, названным основой исходного порядкового числительного (лексическое значение – «первоначальный, самый ранний, происходящий раньше всех других»: *он пришёл сюда самый первый, первый рейс, первое впечатление* и французские эквиваленты *il est arrivé premier ici, le premier vol, la première impression*);
- 2) обозначение качественного признака лица, предмета или отвлечённой сущности по номеру занимаемого в их совокупности места, названному основой мотивирующего порядкового числительного {лексическое значение – «главный, основной» (*быть первой скрипкой в оркестре, первый приз, продукты первой необходимости* и французские эквиваленты *être le premier violon d'un orchestre, le premier prix, les produits de première nécessité*), лексическое значение – «не основной, не главный» (*второй, третий заместитель кого-либо; второй, третий приз* и французские эквиваленты *le deuxième, le troisième adjoint de qqn, le deuxième, le troisième prix*)};
- 3) обозначение качественного признака лица или предмета по номеру занимаемого в их совокупности места, названному основой производящего порядкового числительного (лексическое значение – «лучший из всех в каком-либо отношении, отличный»: *первый ученик в классе, первый сорт* и французские эквиваленты *le premier élève de la classe, la première sorte*);
- 4) обозначение относительного признака лица или предмета по номеру занимаемого в их совокупности места, названному основой исходного порядкового числительного (лексическое значение – «вполне заменяющий первого (первое), настоящего (настоящее)»: *стать вторым отцом для кого-либо, второй родной язык чей-либо* и французские эквиваленты *devenir le deuxième père pour qqn, une deuxième langue maternelle de qqn*).

Следует выделить, тем не менее, лексические значения адъективированных порядковых числительных, присутствующие в одном языке, но отсутствующие в другом. Так, например, русское производное прилагательное

«третий» обладает значением «незаинтересованное в конфликте между сторонами лицо» (*третья сторона, быть третьим лицом*). Данной лексеме во французском языке в указанном значении соответствует полисемичное прилагательное «tiers», которое в отмеченном нами толковом словаре французского языка не фиксируется в качестве порядкового числительного ни в одном из лексико-семантических вариантов [DLF: 2252].

Во французском языке, однако, адъективированное порядковое числительное «troisième» («третий») имеет переносное лексическое значение «пенсионный», отсутствующее у его русского эквивалента *{le troisième âge (досл. «третий возраст» – «пенсионный возраст»)}*. В семантической структуре производного прилагательного «premier» («первый») присутствует переносное значение «передний, передовой», которым не обладает его русский эквивалент *{au premier plan (досл. «на первом плане» – «на переднем плане»), en première ligne (досл. «на первой линии» – «на передовой линии»)}*.

Переход существительных в класс прилагательных представляет собой частое явление во французском языке и исключительное в русском. Причина различия заключается в том, что во французском языке, как мы уже это констатировали, морфологические показатели слов данных частей речи совпадают, а в русском прилагательные, как правило, обладают особыми аффиксами. Тем не менее, в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой отмечается, что «среди словоформ, относимых к прилагательным, есть морфологически охарактеризованные: *доброто, умён, хорошую, богата, светлое* и морфологически не охарактеризованные: *бордо, авиа, люкс, нетто* и т.п.» [СРЯЗ 1989: 443]. К прилагательным второй группы здесь относятся также лексемы «*хаки*», «*беж*», «*хинди*», «*урду*» [СРЯЗ 1989: 447]. Среди морфологически не охарактеризованных прилагательных имеется несколько слов, образованных на основе существительных.

Справедливость выделения подобных прилагательных подтверждается их фиксацией в качестве несклоняемых прилагательных, мотивированных совпадающими по форме существительными, в используемом нами «Словаре

современного русского литературного языка» в 17-и томах. Лексема «бордо» толкуется в нём следующим образом: «1. **Бордо**, нескл., ср. Сорт красного вина. 2. **Бордо**, нескл. прил. Тёмно-красный (от цвета вина бордо)» [БАС, т. 1: 574]. Лексема «люкс» в этом же словаре интерпретируется так: «**Люкс**, а, м. Обозначение особенно роскошных изделий, помещений и т.д. В знач. *неизм. прил. Купе-люкс. Магазин-люкс.*» [БАС, т. 6: 447]. Структура словарных статей свидетельствует о том, что лексемы «бордо» и «люкс» в первичном (немотивированном) значении являются существительными, а во вторичном (мотивированном) – прилагательными, следовательно, в данном случае справедливо говорить об адъективации.

Однако не все из перечисленных выше морфологически не охарактеризованных лексем рассматриваются в качестве прилагательных в толковых словарях. Например, лексемы «хинди» и «урду» вполне справедливо интерпретируются не как неизменяемые прилагательные, а как несклоняемые существительные мужского рода. Они являются номинацией соответственно государственного языка Индии [БАС, т. 17: 134; ТСРЯ: 862] и государственного языка Пакистана [БАС, т. 16: 814]. Лексема «авиа» убедительно, с нашей точки зрения, интерпретируется не как прилагательное, а как первая часть сложных слов со значением «относящийся к авиации, авиационный»: авиабаза, авиабомба, авиадесант, авиаконструктор и т.д. [БАС, т. 1: 29; ТСРЯ: 16].

Следует отметить, что морфологически не охарактеризованные прилагательные являются не исконно русскими, а заимствованными из других языков словами. Так, лексема «бордо» заимствована русским языком из французского, в котором ею прежде всего называется город Бордо (Bordeaux), прославившийся производством вин, пользующихся большим спросом во всём мире [БАС, т. 1: 574]. Согласно «Современному словарю иностранных слов», лексема «беж» происходит от французского «beige» («бежевый, светло-коричневый»), «брутто» – от итальянского «brutto» («грубый»), «люкс» – от латинского «luxus» («пышность»), «нетто» – от итальян-

ского «netto» («чистый»), «хаки» – от «khākī» (на языке хинди «цвета грязи, земли») [ССИС: 91, 110, 349, 409, 668].

Во французском языке большинство прилагательных, образованных от существительных, также являются неизменяемыми {*un ruban jonquille* (досл. «лента нарцисс» – «светло-жёлтая лента») и *des rubans jonquille* (досл. «ленты нарцисс» – «светло-жёлтые ленты»)}. Лишь немногие из них изменяются {*un destin ami* («дружеская судьба») и *des destins amis* («дружеские судьбы»)}.¹

Наличие прилагательных, не обладающих свойственными данной части речи морфологическими показателями, противоречит утверждению В.Г. Гака, что в русском языке не встречаются случаи адъективации существительных [1983: 95]. Тем не менее, далеко не все из указанных морфологически не охарактеризованных прилагательных образованы на основе существительных. Так, в используемых нами словарях русского языка лексемы «беж», «брутто» и «нетто» рассматривается только как несклоняемые прилагательные [ТСРЯ: 39; БАС, т. 1: 651; БАС, т. 7: 1221]. Полисемичное слово «хаки» в первом лексико-семантическом варианте толкуется как несклоняемое прилагательное, обозначающее серовато-зелёный с коричневым оттенком, защитный цвет (цвет хаки), а во втором (производном) лексико-семантическом варианте оно интерпретируется как несклоняемое существительное среднего рода, называющее материал или одежду такого цвета (быть одетым в хаки) [БАС, т. 17: 10-11]. Учитывая соотношение значений слова «хаки», целесообразно говорить в данном случае не об адъективации существительного, а о субстантивации прилагательного.

При анализе адъективированных существительных рассмотрим сначала их деривационные значения и формируемые подобными лексемами словообразовательные типы, имеющиеся как в русском, так и французском языке. К ним необходимо отнести следующие:

1) обозначение качественного признака, связанного с цветом определённого предмета, свойственным тому или иному продукту, веществу, названному

неодушевлённым производящим существительным {*платье бордо* и французский эквивалент *une robe bordeaux, un tissu citron* (досл. «ткань лимон» – «ткань лимонного цвета»), *des jupes saumon* (досл. «юбки лосось» – «розовато-оранжевые юбки»), *un vin rubis* (досл. «вино рубин» – «рубинового цвета вино»)};

2) обозначение качественного признака, связанного с положительной или отрицательной оценкой определённого предмета и присущего другому предмету, названному неодушевлённым мотивирующим существительным {*шоколад люкс* (от существительного «люкс» – «лучший по оборудованию, обслуживанию номер гостиницы, вагон, салон и т.д.»); *des sujets bateau* (досл. «сюжеты судно» – «избитые, банальные сюжеты, темы»)}.

Во французском языке, в котором переход существительных в класс прилагательных намного продуктивнее, подобные прилагательные имеют деривационные значения и формируют словообразовательные типы, отсутствующие в русском. К ним относятся следующие:

1) обозначение качественного признака лица, связанного с оценкой его поведения и обычно свойственного другому лицу, названному одушевлённым исходным существительным {*elle est plus enfant que toi* (досл. «она больше ребёнок, чем ты» – «она инфантильнее тебя»)};

2) обозначение качественного признака лица, связанного с оценкой его поведения, по признаку предмета, названного неодушевлённым производящим существительным {*une maman gâteau* (досл. «мама торт» – «мама, балующая своих детей»), *un témoin clé* (досл. «свидетель ключ» – «главный свидетель»), *un homme sport* (досл. «человек спорт» – «лояльный человек»), *un élève modèle* (досл. «ученик образец» – «примерный ученик»)};

3) обозначение качественного признака того, что принадлежит какому-либо лицу, посредством одушевлённого мотивирующего существительного, называющего данное лицо в целях его характеристики {*une main amie* (досл. «дружеская рука» – «рука друга»), *un ton ami* («дружеский тон»)};

4) обозначение качественного признака предмета, свойственного другому предмету, названному исходным неодушевлённым существительным {*un argument massue* (досл. «аргумент дубина» – «убийственный, веский аргумент»), *les mots clés* (досл. «слова ключи» – «главные, самые важные для понимания чего-либо слова»), *une aventure farce* (досл. «приключение фарс» – «забавное, смешное приключение»), *une ferme modèle* (досл. «ферма образец» – «образцовая ферма»), *une erreur type* (досл. «ошибка тип» – «типичная ошибка»)};

5) обозначение относительного признака предмета, связанного с его статусом, свойственным какому-либо лицу, которое называется производящим одушевлённым существительным {*une usine pilote* (досл. «завод пилот» – «ведущее предприятие»)};

6) обозначение относительного признака предмета, связанного с его назначением, являющимся объектом номинации мотивирующего неодушевлённого существительного {*des chaussures sport* (досл. «обувь спорт» – «спортивная обувь»)};

7) обозначение относительного признака предмета, связанного с материалом, из которого он изготовлен и который называется неодушевлённым исходным существительным {*des bas nylon* (досл. «чулки нейлон» – «нейлоновые чулки»)};

8) обозначение относительного признака какого-либо объекта, связанного с его расположением в пространстве, названным неодушевлённым производящим существительным {*le ski amont* (досл. «катание на лыжах верховье» – «катание на лыжах в горах»), *le ski aval* (досл. «катание на лыжах низовье» – «катание на лыжах в долине»)}.

Адъективация на основе наречий возможна во французском языке, но, как справедливо считает В.Г. Гак, затруднительна в русском по причине морфологических особенностей прилагательного [Гак 1983: 95]. Следует подчеркнуть, что в русском языке существует немало слов, способных выполнять двойную функцию: определять признак действия и признак предме-

та, т. е. выступать в роли наречия и прилагательного. В этой связи мы полностью согласны с точкой зрения, изложенной в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой, в соответствии с которой к прилагательным относятся лишь лексемы, обозначающие признаки предметов, а потому способные определять существительные, но не способные определять глаголы. Именно по данной причине словоформы типа «наперегонки» (бег наперегонки и бежать наперегонки), «ёжиком» (волосы ёжиком и стричь ёжиком), «вкрутую» (яйцо вкрутую и варить вкрутую) – не прилагательные [СРЯЗ 1989: 443]. Придерживаясь этой позиции, мы полагаем, что случаи перехода наречий в прилагательные отсутствуют в русском языке.

Во французском языке, несмотря на то что адъективация на базе наречий возможна, она не является продуктивным подвидом конверсии, что обуславливает немногочисленность её примеров. Наречия, перешедшие в класс прилагательных, имеют следующие деривационные значения и формируют следующие словообразовательные типы:

- 1) обозначение качественного признака лица на основе наречия, план содержания которого связывается с качественной характеристикой действия, включающей образ действия *{elle est bien dans ce rôle (досл. «она хорошо в этой роли» – «она хороша в этой роли»), un homme bien (досл. «человек хорошо» – «замечательный человек»)}}*;
- 2) обозначение качественного признака предмета на базе наречия, семантически связанного с качественной характеристикой действия, включающей образ действия *{une mention bien (досл. «оценка хорошо» – «хорошая оценка»)}}*;
- 3) обозначение качественного признака обобщённой субстанции на основе наречия, план содержания которого связывается со временем совершения действия *{il est tard (досл. «он есть поздно» – «позднее время»)}}*;

4) обозначение относительного признака предмета на основе наречия, семантически связанного с местом совершения действия *{une roue arrière (досл. «колесо назад» – «заднее колесо»)}*.

Итак, адъективация, подобно субстантивации, является продуктивным видом конверсии в обоих языках. Тем не менее, во французском языке по причине его аналитического характера, предполагающего морфологическую неизменяемость слова, она получила большее распространение, чем в русском. Подтверждением этому служит то, что производящая база для образования прилагательных в нём представлена более широко, ибо, кроме глагольных словоформ, числительных, существительных, она включает в себя ещё и наречия.

2.1.3. Адвербиализация

Наречия, формирующие, как нами уже отмечалось, класс неизменяемых знаменательных слов, передающих признак действия, качества или предмета, являются полнозначными, что обуславливает их важность с точки зрения семантики. Тем не менее, по причине своей морфологической неизменяемости они, в отличие от существительных и прилагательных, обладают не столь широкой конверсионной производящей базой.

В нашем исследовании не относятся к случаям адвербиализации раздельнооформленные наречия, многочисленные в обоих языках *{с интересом (работать с интересом), в длину (прыгать в длину) и т.д.}* и их французские эквиваленты *avec intérêt (travailler avec intérêt), en longueur (sauter en longueur) и т.д.}*. В данных примерах на основе цельнооформленной лексемы («интерес», «длина»; «intérêt», «longueur») благодаря предлогу (*с, в; avec, en*) появляется наречное словосочетание, состоящее из существительного с предлогом. Не рассматриваются также в качестве примеров адвербиализации пишущиеся с дефисом и представляющие собой одну лексему наречия, образованные на базе сочетания прилагательного с предлогом «по» (*по-плохому, по-хорошему и т.д.*).

Наиболее распространённым и, в то же время, существующим в обоих языках подвидом конверсии является образование наречий на основе качественных прилагательных. В этой связи В.Г. Гак считает, что переход прилагательного в наречие очень част в русском языке, где краткое прилагательное в форме среднего рода почти не отличается от наречия, а во французском адвербиализируются прилагательные мужского рода [Гак 1983: 95]. Справедливость данной точки зрения подтверждается тем, что в русском языке краткое прилагательное среднего рода легко может быть заменено в дискурсе наречием с сохранением своего плана выражения и плана содержания всей речевой единицы {*это красиво* (краткое прилагательное среднего рода) и *это выглядит красиво* (наречие)}, а во французском языке наречие семантически эквивалентно употребляющемуся в его функции прилагательному мужского рода {*parler ferme* (прилагательное мужского рода в функции наречия) и *parler fermement* (наречие) – «говорить твёрдо, уверенно»}. Следует отметить, что в русском языке краткой формой обладают только качественные прилагательные, а в системе французского языка качественные прилагательные не имеют краткой формы.

Однако, несмотря на то что в русском языке формы полных и кратких прилагательных, взятые изолированно, по значению не различаются [СРЯЗ 1989: 445], объём семантической структуры первых может быть намного больше, ибо некоторые значения полисемичного прилагательного реализуются только в его полной форме. Так, например, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой отдельно интерпретируются два прилагательных «здоровый» с учётом их полной и краткой форм. Первое из них имеет следующие значения: 1) обладающий здоровьем, не больной (здоровый ребёнок); 2) выражающий, обнаруживающий здоровье {только полная форма (здоровый вид)}; 3) полезный для здоровья (здоровая пища); 4) полезный, правильный {только полная форма (здоровая идея, здоровая критика, здоровый быт)}. У второго прилагательного «здоровый» здесь фиксируется следующая парадигма значений: 1) сильный, крепкого сложения (здоровый

парень); 2) о предметах, явлениях: большой, сильный, громкий, крепкий {только полная форма (здоровый мороз, здоровый голос, здоровая палка)} [ТСРЯ: 227]. Первое прилагательное, как видно, употребляется в краткой форме лишь в двух значениях из четырёх, а второе – в одном из двух.

Необходимо иметь в виду, что производное от указанных прилагательных в краткой форме среднего рода наречие «здорово», как отмечается в данном словаре, обладает двумя, а не тремя значениями: 1) очень сильно (сильно устал); 2) очень хорошо, отлично (здорово сказал, здорово сделано) [ТСРЯ: 227]. Из этого следует, что прилагательные в краткой форме могут переходить в класс наречий не во всех своих лексических значениях, что ограничивает семантическую структуру адвербиализированных прилагательных.

Во французском языке так же, как и в русском, прилагательные мужского рода при переходе в класс наречий утрачивают некоторые лексические значения. Например, прилагательное «bas» имеет следующие значения: 1) низкий, невысокий {des chaussures basses (досл. «низкая обувь» – «обувь на низком каблуке»)}; 2) нижний {la couche basse («нижний слой»)}; 3) низкий, густой и насыщенный {une voix basse («низкий, густой голос»)}; 4) тихий, слабый {la vue basse («слабое зрение»)}; 5) низкий, низменный, подлый {une basse pensée («низменная мысль»)} [ФРС: 107]. Образованное от него наречие «bas» обладает лишь тремя значениями: 1) низко, невысоко {voler bas («летать низко»)}; 2) низко, насыщенно {chanter bas («петь низко, насыщенно»)}; 3) тихо, слабо {parler bas («говорить тихо»)} [там же: 107]. Данные значения соответствуют первому, третьему и четвёртому значениям мотивирующего прилагательного «bas».

Различие морфологической характеристики адвербиализируемых качественных прилагательных в русском и французском языках (краткая форма прилагательных среднего рода и полная форма прилагательных мужского рода) даёт основание говорить о несовпадении в них словообразовательного типа. Тем не менее, как показывает исследуемый материал, в обоих языках

при адвербиализации прилагательных образуются многочисленные наречия с деривационным значением качественной характеристики действия, например, «говорить *громко (тихо)*», «пахнуть *хорошо (плохо)*», «продавать *дорого*», «идти *прямо*», «остановиться *резко*», «работать *усердно*», «петь *фальшиво*», «ударить *сильно*» и т.д. и их расположенные в соответствующем порядке французские эквиваленты «*parler haut (bas)*», «*sentir bon (mauvais)*», «*vendre cher*», «*aller droit*», «*s'arrêter net*», «*travailler ferme*», «*chanter faux*», «*frapper dur*» и т.д.

Необходимо иметь в виду, что в некоторых случаях русские и французские наречия, образованные в результате адвербиализации прилагательных, являющихся межъязыковыми эквивалентами, могут различаться своими значениями. Так, образованное от прилагательного «*utile*» («полезный») наречие в словосочетании «*voter utile*» (досл. «голосовать полезно» – «голосовать не за того кандидата, которого хочется поддержать, а за того, который реально может быть избран») семантически отличается от русского наречия «полезно». Значение наречия «*terrible*» в предложении «*ça chauffe terrible*» (досл. «это греет ужасно» – «это греет очень хорошо») отличается от значения наречия «ужасно», в то время как семантика прилагательных «*terrible*» и «ужасный» совпадает.

Следует отметить, что во французском языке адвербиализация качественных прилагательных менее продуктивна, чем в русском. Французские эквиваленты многих русских прилагательных не могут переходить в класс наречий посредством конверсии. Так, например, прилагательные «*faible*» («слабый»), «*pitoyable*» («жалкий»), «*indifférent*» («безразличный»), «*lisible*» («разборчивый») и другие переходят в класс наречий только при помощи суффиксации.

Если адвербиализация на основе качественных прилагательных распространена в обоих языках, то на базе относительных прилагательных она реализуется только во французском, не являясь, впрочем, продуктивным подвигом конверсии. Например, относительные прилагательные, называющие тот

или иной язык, в результате адвербиализации становятся наречием со значением «на том или ином языке» *{français («французский») → parler français («говорить на французском языке, по-французски»), anglais («английский») → parler anglais («говорить на английском языке, по-английски») и т.д.}*.

Кроме прилагательных, в русском и французском языках переходить в класс наречий могут также предлоги, однако, данный подвид конверсии в них менее продуктивен. Количество предлогов, способных транспонироваться в наречия, различается в обоих языках. В синтетическом русском языке предлоги, представляющие собой одну словоформу (простые) и способные переходить в наречие, а не адвербиальное выражение, более многочисленны, чем в аналитическом французском. Нас же интересуют цельнооформленные, а не раздельнооформленные наречия, образованные на основе простых предлогов, как непроизводных, так и производных.

Адвербиализированные простые предлоги в русском и французском языках формируют две семантические группы – наречия времени и наречия места. К наречиям первой группы, обозначающим время совершения действия, следует отнести «после» *{«спустя некоторое время, потом» (встретиться после) [от предлога «после» (кого-чего) с родительным падежом]}* и его французский эквивалент «après» *(se rencontrer après) [от предлога «après»]*, «раньше» *{«сначала, сперва»; «в прежнее время, прежде» (раньше подумай, а потом говори; раньше она работала на заводе) [от предлога «раньше» (кого-чего) с родительным падежом]}* и его французский эквивалент «avant» *(avant réfléchi, après parle; avant elle travaillait dans une usine) [от предлога «avant»]*, «позже» *{«в более позднее время» (приехать позже) [от предлога «позже» (кого-чего) с родительным падежом]}* и т.д.

Наречия второй группы, обозначающие место совершения действия, более многочисленны. К ним целесообразно отнести такие, как «внутри» *{«в пределах, в середине чего-либо» (красить ящик внутри) [от предлога «внутри» (кого-чего) с родительным падежом]}* и его французский эквивалент «dedans» *(peindre la boîte dedans) [от предлога «dedans»]*, «снаружи» *{«с*

внешней, наружной стороны» (запереть ворота снаружи) [от предлога «снаружи» (чего) с родительным падежом]}, «сзади» {«с задней стороны» (идти сзади) [от предлога «сзади» (кого-чего) с родительным падежом]} и его французский эквивалент «derrière» (*marcher derrière*) [от предлога «derrière»], «впереди» {«на каком-нибудь расстоянии перед кем-чем-либо» (идти впереди) [от предлога «впереди» (кого-чего) с родительным падежом]} и его французский эквивалент «devant» (*marcher devant*) [от предлога «devant»], «напротив» {«на противоположной стороне»; «иначе, наперекор» (жить напротив; делать всё напротив) [от предлога «напротив» (кого-чего) с родительным падежом]}, «посередине» {«в середине» (встать посередине) [от предлога «посередине» (кого-чего) с родительным падежом]}, «навстречу» {«в направлении, противоположном кому-чему-либо, движущемуся для сближения» (бежать навстречу) [от предлога «навстречу» (кому-чему) с дательным падежом]}, «сверху» {«по направлению вниз»; «на поверхности, в верхней части чего-либо»; «с верховьев реки» (смотреть сверху вниз; жир плавает сверху; теплоход идёт сверху) [от предлога «сверху» (кого-чего) с родительным падежом]}, «снизу» {«по направлению вверх»; «с нижней стороны, у основания, внизу»; «с низовий реки» (смотреть снизу вверх; пирог подрумянился снизу; теплоход идёт снизу) [от предлога «снизу» (чего) с родительным падежом]} и т.д.

Во французском языке адвербиализированные простые предлоги, существующие в меньшем количестве, чем в русском, образуют очень немногочисленную группу наречий со значением качественной характеристики действия, включающей образ действия. К ним относятся такие наречия, как «contre» {«против» от предлога «contre» («против кого-чего») [«Elle a voté contre» («Она проголосовала против»)]} и «avec» {«вместе» от предлога «avec» [«с» (кем-чем)] [«Il a pris mon stylo et il est parti avec» («Он взял мою ручку и ушёл с ней»)]}. Необходимо заметить, что наречие «против», образованное от предлога «против» (кого-чего), также существует в лексической системе русского языка, однако, оно фиксируется толковыми словарями в

другом значении, тождественном значению наречия «напротив», – «непосредственно перед кем-чем-либо, на противоположной стороне». Переход предлога «с» в класс наречий, в отличие от французского языка, невозможен в русском.

Кроме прилагательных и предлогов, в обоих языках производящей базой наречий служат существительные. В синтетическом русском языке в класс наречий транспонируются словоформы существительных, генетически связанные с определённой падежной формой, фиксирующейся флексией. Обладание словоизменительным аффиксом обуславливает многочисленность русских существительных, способных переходить в наречия. В аналитическом французском языке, в котором отсутствует категория падежа, существительные могут транспонироваться в класс наречий только в своей начальной форме с артиклем, в результате чего в нём адвербиализированных существительных значительно меньше, чем в русском.

Различие количественного потенциала мотивирующей базы является причиной несовпадения числа семантических групп наречий, образованных на основе существительных. Так, в русском языке можно выделить три группы (наречия со значением качественной характеристики действия, наречия времени и наречия места), а во французском – только одну (наречия времени). Следует отметить, что русские наречия первых двух групп образованы от словоформы существительного в творительном падеже. Рассмотрим примеры адвербиализации существительных в обоих языках:

1) обозначение качественной характеристики действия {«рысью» («от существительного «рысь» – «способ бега лошади или другого животного, при котором одновременно выносятся вперёд ноги передняя левая и задняя правая или передняя правая и задняя левая») [«Ехать рысью»], «стрелой» («стремительно» от существительного «стрела» – «тонкий длинный стержень с заострённым наконечником для стрельбы из лука») [«Выбежать стрелой»] и т.д.};

2) обозначение времени действия {«утром» («в утреннее время» от существительного «утро» – «часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день, начало дня») [«Встать рано утром»], «вечером» («в вечернее время» от существительного «вечер» – «часть суток, сменяющая день и переходящая в ночь») [«Вернуться домой вечером»], «ночью» («в ночное время» от существительного «ночь» – «часть суток от захода до восхода солнца, между вечером и утром») [«Выехать из города ночью»] и т.д. и их французские эквиваленты «*le matin*» («утром» от существительного «*le matin*» – «утро») [«*Se lever le matin*»] («Вставать утром»), «*le soir*» («вечером» от существительного «*le soir*» – «вечер») [«*Travailler le soir*»] («Работать вечером»), «*la nuit*» («ночью» от существительного «*la nuit*» – «ночь») [«*Se réveiller la nuit*»] («Проснуться ночью») и т.д.}.

3) обозначение места действия {«дома» (от древней индоевр. формы местного падежа ед. ч. существительного «*domǝ*») [Шанский 1975: 129] («в своём жилище, у себя в доме, у себя») [«Сидеть дома»], «рядом» («один подле другого; по соседству, близко» от творительного падежа существительного «ряд» – «линия ровно расположенных однородных предметов») [«Жить совсем рядом»] и т.д.}.

Помимо адвербиализации прилагательных, предлогов и существительных, объединяющей оба языка, в русском языке, в отличие от французского, отмечается адвербиализация на основе глагольных словоформ – деепричастий [Гак 1983: 95]. Деепричастие трактуется в современной лингвистике, подобно причастию, как нефинитная форма глагола, однако, обозначающая, в отличие от него, «второстепенное действие, подчинённое главному, выраженному в предложении сказуемым или инфинитивом в различных синтаксических функциях» [ЛЭС: 128]. Из дефиниции следует, что деепричастие, как и наречие, способно характеризовать основное действие. Синтетический строй, благодаря которому в русском языке, в отличие от французского, деепричастие объективируется в виде одной словоформы, облегчает его транспозицию в класс наречий. Необходимо отметить, что случаи адвербиализа-

ции деепричастий, зафиксированные в толковых словарях русского языка, весьма немногочисленны. К ним можно отнести наречия «*молча*» («*ничего не говоря*»), «*стоя*» («*в стоячем положении*»), обозначающие качественную характеристику действия, включающую образ действия «*[отойти молча]*», «*посмотреть молча*», «*обедать молча*» и т.д.; «*читать стоя*», «*слушать стоя*», «*разговаривать стоя*» и т.д.]

Итак, адвербиализация как вид конверсии достаточно продуктивна в русском и французском языках, однако, она менее распространена, чем субстантивация и адъективация. Общей мотивирующей базой для адвербиализации являются качественные прилагательные, простые предлоги, как непроизводные, так и производные, и существительные. Кроме того, в русском языке могут адвербиализироваться глагольные словоформы, в частности, деепричастия, а во французском – относительные прилагательные. В общей сложности можно утверждать, что в русском языке адвербиализация продуктивнее, ибо её производящая база включает в себя деепричастия, а также большее число прилагательных и предлогов. Во французском языке всегда раздельнооформленные деепричастия и многочисленные предлоги, имеющие аналитическую форму, также способны транспонироваться в наречия, однако, подобные случаи в работе не рассматриваются.

2.1.4. Препозиционализация, конъюнкционализация, партикуляция

Служебные лексемы (предлоги, союзы, частицы) способны не только транспонироваться в знаменательные, но и образовываться посредством конверсии на основе последних. Например, предлоги, отдельные из которых переходят в класс существительных и наречий, могут образовываться без изменения плана выражения на базе наречий и глагольных словоформ, что позволяет говорить о таком виде конверсии, как препозиционализация.

Переход наречий в предлоги объясняется наличием между ними семантической связи, заключающейся в возможности передавать одни и те же отношения – пространственные, временные, причинные и другие. Так, наречие

«вперед» (*идти вперед*) обозначает место в пространстве, где происходит действие, а предлог «вперед» (*идти вперед брата*) в сочетании с существительным «брат» передаёт пространственные отношения. Существование их семантической близости подтверждается также рассмотренными выше случаями адвербиализации предлогов, в результате чего образуются наречия, обозначающие время и место совершения действия. Способность деепричастия транспонироваться в предлог обуславливается тем, что, как уже отмечалось выше, оно, обозначая второстепенное действие, характеризует, подобно наречию, основное действие {*он курил **стоя** (наречие)* и *он курил, **стоя** в углу (деепричастие)*}.

Предлоги, появившиеся без изменения морфологической характеристики перешедшей в их класс мотивирующей глагольной словоформы, существуют в обоих языках, однако, предлоги, образованные на основе наречий, – только в русском. Тем не менее, при образовании посредством конверсии предлога в русском языке исходной глагольной словоформой является деепричастие настоящего времени, а во французском – действительное причастие настоящего времени или страдательное причастие прошедшего времени. Данное различие обуславливается тем, что во французском языке причастие характеризуется цельнооформленностью, а деепричастие – раздельнооформленностью, представляя собой сочетание действительного причастия настоящего времени с предлогом «en» {*en parlant («разговаривая»), en travaillant («работая»)}}*.

В то время как в русском языке транспонируются в класс наречий предлоги, передающие временные и пространственные отношения, препозиционализация реализуется на основе наречий со значением качественной характеристики действия, например, «соответственно» (*поступать соответственно*), «согласно» (*жить согласно*) и т.д. Французские наречия также могут транспонироваться в предлоги, однако, при этом изменяется их план выражения, ибо в силу аналитизма языка образованный предлог приобретает раздельнооформленную структуру {*près (наречие «рядом») → près de (пред-*

лог «рядом» с кем-чем), *loin* (наречие «далеко») → *loin de* (предлог «далеко» от кого-чего)}.

Следует отметить, что в работе не рассматриваются многочисленные раздельнооформленные предлоги, образованные в результате сочетания существительного с непроизводным предлогом. К ним относятся такие предлоги, как *по причине чего, в силу чего и т.д.* и их французские эквиваленты *en raison de, en vertu de и т.д.*

С учётом того, что предлоги обладают определённой совокупностью значений [ЛЭС: 394], они могут быть разделены на семантические группы. Общими из таких групп в русском и французском языках являются следующие:

- 1) обозначение временных отношений {*кончая чем* («до какого-либо момента времени»), *durant qqch* (досл. «продолжающийся» – «в течение, в продолжение чего-либо»), *passé qqch* (досл. «пройденный, проведённый» – «после, по истечении чего-либо»)};
- 2) обозначение объекта мысли или речи {*относительно кого-чего* и его французский синоним *touchant qqn, qqch* (досл. «касающийся кого-чего») – «насчёт, по поводу кого- или чего-либо»};
- 3) обозначение соответствия чему-либо {*согласно чему, с чем* («соответственно, сообразно с чем-либо»), *соразмерно чему, с чем* («в соответствии с чем-либо, соизмеряя с чем-либо»), *соответственно чему, с чем* и его французский синоним *suiivant qqch* (досл. «следующий чему») – «согласно чему-либо, в зависимости от чего-либо»};
- 4) обозначение исключения, устранения кого-либо или чего-либо {*исключая кого-что* и его французский синоним *excepté qqn, qqch* (досл. «исключённый») – «не включая, не считая; кроме, за исключением кого- или чего-либо»}.

Однако в каждом из языков существуют семантические группы адвербиальных предлогов, отсутствующие в другом. Так, например, в русском языке можно выделить две подобные семантические группы:

- 1) обозначение причинных отношений {благодаря кому-чему («из-за кого- или чего-либо, по причине, вследствие кого- или чего-либо»)};
- 2) обозначение включения, приближения куда-нибудь кого-либо или чего-либо {включая кого-что («в том числе и ..., вместе с кем- или чем-либо»), кончая кем-чем («включая, считая кого- или что-либо»)}.

Во французском языке также выделяются две семантические группы адвербиальных предлогов, отсутствующие в русском:

- 1) обозначение средства, орудия, при помощи которого осуществляется то или иное действие {*тоуепнант qqch* (досл. «делающий, устраивающий что» – «посредством, при помощи чего-либо»)};
- 2) обозначение внимания к чему-либо {синонимичные предлоги *attendu qqch* (досл. «то, что ожидалось») и *vu qqch* (досл. «увиденное») – «учитывая, принимая во внимание что-либо»}.

Подобно предлогам, такие служебные слова, как союзы, могут появляться в русском языке путём конверсии на основе наречий и деепричастий, а во французком – на основе наречий. Образование союзов в результате перехода в их разряд слов других частей речи называется конъюнкционализацией. Данный вид конверсии, в отличие от препозиционализации, в русском языке обладает более широкой базой, ибо он реализуется также на основе существительных. В аналитическом французском языке многие союзы образованы путём перехода существительных в их разряд, однако, они представляют собой раздельнооформленные сочетания, содержащие, кроме существительного, предлог и простой союз {*à condition que* [при условии, что], *de peur que* [из опасения, что], *de manière que* [досл. «образом, чтобы» – «таким образом, чтобы»] и т.д.} и не являются объектом нашего исследования.

Следует отметить, что в обоих языках посредством конъюнкционализации образуются, как правило, подчинительные союзы, поскольку они обозначают большее число содержательных отношений между связываемыми единицами, чем сочинительные. Нами выявлен только один сочинительный союз – французский противительный союз «mais» («но») {«*Ils sont*

intelligents, mais paresseux («Они умны, но ленивы»)). Он образован путём перехода в него наречия «*mais*» («больше; действительно»), служащего для усиления воздействия выраженной мысли {«*On ne lui donna plus rien à faire, mais ce qui s'appelle rien*» («Ему больше ничего не дали делать, что действительно называется ничего»)}.

В зависимости от вида передаваемых семантических отношений между связываемыми языковыми единицами образованные на основе наречий русские и французские подчинительные союзы с учётом их полисемичности делятся на следующие группы:

- 1) временные отношения {едва («лишь только, как только») [«Едва он вошёл, начал говорить»], пока («в течение того времени как») [«Пока она учится, надо её помочь»], как («как только, с тех пор») [«Как вспомню это, страшно становится»], чуть («как только, сразу вслед за чем-либо») [«Чуть кто войдёт, я услышу»], *quand* («когда») [«*Quand je vous verrai je vous dirai tout*»] («Когда я вас увижу, я вам всё скажу»), *comme* («в то время как») [«*Nous sommes arrivés comme il partait*»];
- 2) отношения сравнения как { («подобно кому- или чему-либо») [«Красный как рак»] и его французский эквивалент *comme* («*Rouge comme une écrevisse*»)};
- 3) отношения отождествления в качестве кого- или чего-либо {как («будучи кем- или чем-либо») [«Советовать как друг»] и его французский эквивалент *comme* («*Conseiller comme un ami*»)};
- 4) отношения, при помощи которых в составе вводных сочетаний и предложений выражается ссылка на кого- или что-либо {как («так, как») [«Как говорят русские»] и его французский эквивалент *comme* [«*Comme disent les Russes*»]};

Целесообразно указать на то, что полисемичный адвербиальный союз «как» обладает значением, отсутствующим у французского союза «*comme*». Речь идёт об отношениях, посредством которых выражается ограничение после отрицательных или вопросительных слов («Больше некому, как тебе»; «Кто, как не ты?»).

Во французском языке полисемичный подчинительный союз «comme», в отличие от адвербиального русского союза «как», обозначает причинные отношения {«*Comme elle arrive demain, il faut préparer sa chambre*» («Так как она прибывает завтра, нужно приготовить её комнату»)}.

В работе рассматривается единственный случай отглагольной конъюнкционализации в русском языке – на основе деепричастия «хотя», ибо за пределами внимания остаётся раздельнооформленный союз «несмотря на то что», образованный на базе сочетания деепричастия в отрицательной форме глагола «смотреть» с указательным местоимением «то» и союзом «что». Глагольное происхождение союза «хотя» подтверждается, например, в таком лексикографическом источнике, как «Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской. В нём указывается на то, что общеславянское слово «хотя», вероятно, восходит к деепричастию, происходящему от действительного причастия настоящего времени – формы глагола «хотеть» [Шанский 1975: 481]. В результате конъюнкционализации появился подчинительный союз «хотя», выражающий уступительные отношения «даже если, несмотря на то что» («*Я приеду к вам, хотя очень занят*») [ТСРЯ: 868].

Союзы, образованные в русском языке на основе существительных, весьма немногочисленны и с учётом их полисемичности могут быть разделены на группы, в которых реализуются следующие виды подчинительных отношений:

- 1) условные {*благо, раз* («выражение условия совершения, существования чего-либо») [«*Надо брать, благо дают*», «*Раз пообещал, необходимо сделать*»]};
- 2) причинные {*благо* («по причине того что, вследствие того что») [«*Они сегодня гуляют в парке, благо погода хорошая*»]};
- 3) уступительные {*правда* («хотя и, следует признать, что») [«*Мы замечательно провели время, правда очень устали*»]}.

В отличие от препозиционализации и конъюнкционализации партикуляция, понимаемая как образование частиц путём перехода в их разряд слов других частей речи, наблюдается только в русском языке. Это объясняется значительно меньшим, чем в русском, количеством частиц во французском языке в силу его аналитизма, а также статусом в нём частицы, определяемом в вышеприведённой интерпретации данного служебного слова. Кроме того, что во французском языке так же, как и в русском, частица участвует в реализации форм отдельных морфологических категорий, входя в состав слова, она, подобно союзу, выполняет в нём ещё одну функцию – связующую, несвойственную знаменательным словам. Произведённый нами анализ конъюнкционализации во французском языке свидетельствует об ограниченности её деривационной базы, состоящей из весьма небольшого количества наречий.

Партикуляция в русском языке реализуется на основе глагольных словоформ, наречий и существительных, причём в первом случае она наиболее продуктивна. Среди глагольных словоформ, транспонирующихся в частицы, следует выделить лексемы в форме повелительного наклонения и прошедшего времени.

Самыми многочисленными из глагольных словоформ, переходящих в частицы, являются те, которые генетически восходят к форме повелительного наклонения. Они послужили производящей базой для образования частиц, в том числе и полисемичных, таких как *«давай(те)»* *{(в сочетании с неопределённой формой несовершенного вида или с формой первого лица мн. ч. будущего времени образует побудительную форму совместного действия) [«Давай(те) дружить !», «Давай(те) подружиться !»], (с неопределённой формой несовершенного вида употребляется в значении «начал, стал») [«Он давай кричать»], (с повелительным наклонением другого глагола или без него употребляется при побуждении к действию) [«Давай(те) иди(те)»]}; «дай» *{(при глаголе первого лица ед. ч. будущего времени обозначает попытку, решение сделать что-нибудь или приступ к действию) [«Дай, думаю, посижу**

отдохну»}}; «знай» *{(выражает значение продолжающегося и независимого действия, безразличного к чему-нибудь другому) [«Его зовут, а он знай себе шагает вперёд»]}*; «пусть» *{форма второго лица ед. ч. повелительного наклонения от «пустить» [Шанский 1975: 374] (образует повелительное наклонение глагола и вносит в предложение значение побудительности, волеизъявления [«Пусть идёт»], (выражает допущение, принятие, готовность согласиться) [«Ну пусть, я согласен»]} и других.*

Среди частиц, образованных на основе глагола в форме прошедшего времени, следует отметить, например, частицу «было», употребляющуюся для обозначения того, что действие началось или предполагалось, но было прервано или не завершилось [*«Хотел было поехать, да не получилось»*]. В работе к ним не относятся такие частицы, как «мол» (употребляется при передаче чужой речи, при ссылке на чужую речь), ибо она является аллегривой формой глагола «молвил» [Фасмер, <http://vasmer.narod.ru/p413.htm>], в которой он не реализуется.

Мы не рассматриваем в качестве образованных путём партикуляции частицы, этимологически восходящие к глагольным словоформам в настоящем времени, поскольку подобные частицы, как правило, также представляют собой их аллегривую форму. Например, частица «вишь», употребляющаяся для выражения удивления, недоверия, сомнения, а также для привлечения внимания к тому, чем будет обосновано предшествующее сообщение, является аллегривой формой от «видишь» [Фасмер, <http://vasmer.narod.ru/p105.htm>].

Партикуляция на основе наречий также распространена в русском языке, причём следует отметить, что в разряд частиц переходят, как правило, наречия со значением качественной характеристики действия. К частицам, мотивирующей базой которых являются подобные наречия, относятся такие, как «ладно» *{(«выражение согласия, хорошо, да» от наречия «ладно» – «во всех отношениях хорошо»)} [«Ладно, будь по-твоему»]}*; «просто» *{(«о том, что легко объяснимо, что нетрудно понять» от наречия «просто» – «без*

лишних сложностей, без церемоний») [*«Всё это просто ложь»*]]; «прямо» { («выражение однозначности, несомненности» от наречия «прямо» – «непосредственно, минуя всё другое, всё промежуточное») [*«Он прямо молодец»*], («выражение возражения против чего-нибудь в значении «как же ! вот ещё !»») [*«Он просто герой ! – Прямо !»*]] и другие.

Реже частицы могут образовываться на основе наречий со значением меры и степени, а также со значением времени. Среди подобных частиц отметим «довольно» { («будет, достаточно» от наречия «довольно» – «до некоторой степени») [*«Перестань кричать ! Довольно !»*]]; «решительно» { («выражение исчерпанности, предельности, полноты охвата чего-нибудь» от наречия «решительно» – «вовсе, совсем») [*«Он нужен решительно всем»*]]; «ещё» { («выражение неопределённости в отдалённом будущем в сочетании с местоименными наречиями «где», «куда», «когда» и некоторыми другими» от наречия «ещё» – «ужё, в прошлом; до сих пор, пока») [*«Когда-то мы ещё встречаемся» (т.е. неизвестно когда и нескоро)*]].

Самыми немногочисленными являются частицы, производящей базой которых служит существительное. К ним следует отнести такие частицы, как «добро» { («ладно, хорошо» от существительного «добро» в значении «нечто положительное, хорошее, полезное») [*«Добро ! Сделаем по-твоему !»*]]; «факт» { («да, действительно, так и есть» от существительного «факт» – «действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует») [*«Неужели действительно едем ? – Факт»*]].

Итак, в русском и французском языках конверсия распространяется не только на знаменательные части речи, но и на служебные. Образование посредством конверсии служебных слов (препозиционализация, конъюнкционализация, партикуляция) имеет различную производящую базу в данных языках, что обуславливается их типологическими особенностями. В синтетическом русском языке гораздо больше цельнооформленных производных предлогов и союзов, которые, подобно раздельнооформленным французским,

образуются в результате перехода в их разряд соответственно наречий и существительных. Однако раздельнооформленные мотивированные единицы не относятся нами к случаям конверсии, в связи с чем приходится говорить о большей степени распространённости препозиционализации и конъюнкционализации в русском языке. Партикуляция при принятом в нашей работе понимании конверсии не отмечается во французском языке.

2.1.5. Интеръективация

В предыдущих параграфах рассмотрены виды и подвиды конверсии, в которых участвуют лексемы определённой знаменательной или служебной части речи. Однако в русском и французском языках существуют слова, не принадлежащие ни к одной из них. К таким лексемам относятся междометия – «класс неизменяемых слов, служащих для нерасчленённого выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [ЛЭС: 290]. В отличие от знаменательных слов междометия не обладают лексическим значением, ибо они только выражают различные чувства и ощущения, не называя их, а в отличие от служебных слов они не выполняют связующей функции [там же: 290].

Переход в класс междометий (интеръективация) наблюдается, как правило, на основе тех слов, в семантической структуре которых содержится оценочно-характеризующий компонент, стимулирующий эмоционально-волевою реакцию носителя языка. К междометиям, образованным от подобных лексем, следует отнести, например, такие, как «боже» {(*«выражение удивления, восторга, негодования и других чувств» от существительного «бог» – «верховное всемогущее существо в религии, управляющее миром при многобожии или одно из таких существ»*) [«Боже, как здесь красиво !»]}, «бац» {(*от глагола «бацнуть» – «с шумом ударить»*) [Фасмер, <http://vasmer.narod.ru/p040.htm>] (*«предваряет сообщение о возникновении такой ситуации, которая в высшей степени неожиданна»*) [«Был солнечный день – бац ! – ливень»]} и другие. Тем не менее, в работе не рассматриваются

междометия, подобные междометию «бац», поскольку они образованы путём сокращения словоформы знаменательного слова.

В обоих языках в междометия транспонируются существительные и глаголы, однако, во французском производящая база для интеръективации значительно шире, ибо она, во-первых, включает в себя прилагательные. Способность прилагательных переходить в класс междометий, представляющих собой неизменяемые лексемы, обуславливается аналитизмом французского языка, проявляющимся, как мы уже отмечали, в морфологической неизменяемости слова. Во-вторых, по причине аналитизма во французском языке существительные и глаголы, транспонирующиеся в междометия, более многочисленны, чем в русском.

При рассмотрении интеръективации на основе существительных необходимо отметить, что в обоих языках в класс междометий переходят такие лексемы, как «Бог» («Господь»), «чёрт» и их французские эквиваленты «le Dieu» и «le diable». Подобное соответствие при образовании междометий объясняется общностью для русских и французов христианской религии, основанной на вере в Иисуса Христа как богочеловека, спасителя мира, которому противостоит дьявол (чёрт) – злой дух или глава злых духов, властелин ада. Семантическая структура данных существительных содержит оценочно-характеризующий компонент, определяющий их интеръективацию. Так, междометия «господи» (от формы звательного падежа существительного «господь») и «Dieu» употребляются для выражения удивления, восторга и других чувств {«Господи, как вы ко мне добры !»}, [Dieu ! Ce jardin est éblouissant !] (досл. «Боже ! Этот сад ослепителен !» – «выражение удивления или восторга»)}, а междометия «чёрт» и «diable» обозначают досаду, раздражение {«Чёрт, как он голову расшиб !»}, [«Que diable !»] (досл. «Что за чёрт !»). Тем не менее, семантика междометия «diable» характеризуется большим объёмом, чем семантика междометия «чёрт», поскольку оно, кроме досады и раздражения, выражает такое чувство, как удивление {«Diable ! C'est très cher ?»} («Чёрт ! Это очень дорого ?»)}.

Другие существительные, служащие мотивирующей базой для интеръективации, не являются межъязыковыми эквивалентами. Так, в русском языке появилось междометие «караул» { («крик о помощи при опасности» от существительного «караул» в значении «воинское подразделение, несущее охрану кого-чего-нибудь») [«Караул, спасите !»] }.

Во французском языке, в котором, как мы уже отмечали, интеръективация на основе существительных распространена в большей степени, следует выделить междометия «*dame*» { («ещё бы, конечно» от существительного «*une dame*» – «дама, женщина») [«*Il est parti ? – Dame oui !*»] («Он уехал ? – Конечно да !») }, «*malheur*» { («выражение обманутой надежды, разочарования» от существительного «*un malheur*» – «несчастье, горе») [«*Malheur ! Pas de chance !*»] («Несчастье ! Никаких шансов !») }, «*peste*» { («выражение удивления или досады» от существительного «*la peste*» – «чума») [«*Peste ! Il n'est pas possible de la remplacer*»] («Тьфу ! Её заменить невозможно») } и другие.

В отличие от русского языка во французском имеются зафиксированные в толковых словарях междометия, образованные от стилистически сниженных (бранных, пейоративных) существительных. К ним относятся такие, как «*putain*» { («выражение гнева или восхищения» от существительного «*une putain*» – «шлюха, потаскуха») [«*Putain ! C'est dégueulasse*»] («Вот чертовщина ! Это отвратительно») }, «*merde*» { («выражение гнева, презрения, нетерпения» от существительного «*une merde*» – «дерьмо») [«*Merde ! Je t'en fous*»] («Чёрт ! Мне на это наплевать») } и другие. Следует отметить, что подобные русские лексемы содержатся лишь в частных словарях, таких как «Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [2004]. Наличие междометий «*putain*» и «*merde*» в системе французского языка даёт основание говорить, как справедливо считает С.М. Кравцов, о национальном своеобразии понимания речевого этикета представителями французского лингвокультурного сообщества [Кравцов 2008: 37].

Интеръективация на основе глаголов менее продуктивна в обоих языках, ибо в класс междометий переходят, как правило, глаголы в форме повелительного наклонения. В русском языке нами выявлено междометие «здравствуй» («здравствуйте») { («восклицание, выражающее удивление, недоумение, досаду и т.д.» от глагола «здравствовать» – «быть живым, здоровым, находиться в благополучном состоянии») [«Здравствуйте ! Они явились наконец-то !»]}.

Во французском языке в междометие транспонируется большее число глагольных словоформ в повелительном наклонении, причём не только в форме второго, но и первого лица. К междометиям, образованным от подобных глагольных словоформ, относятся такие, как «*va*», «*allez*», «*allons*» { («выражение побуждения к какому-либо действию», соответственно формы 2-го лица ед. ч., 2-го лица мн. ч., 1-го лица мн. ч. повелительного наклонения глагола «*aller*» – «идти, ехать, ходить») [«*Va, à table !*»] («Давай садись за стол !»), [«*Allez, au travail !*»] («Давайте работайте !»), [«*Allons, debout !*»] («Давайте встанем !»)}; «*tiens*» { («выражение удивления» от формы 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения глагола «*tenir*» – «держат») [«*Tiens ! C'est bien étrange*»] («Вот как ! Это очень странно»)}; «*voilà*» { («выражение упрёка с целью призвать кого-либо к рассудительности, порядку» от формы 1-го лица мн. ч. повелительного наклонения глагола «*voir*» – «видеть, смотреть») [«*Un peu de silence, voilà !*»] («Давайте немного потише !»)} и другие.

Интеръективация на базе прилагательных, выявленная только во французском языке, не очень продуктивна. К междометиям, образованным путём перехода в них прилагательного, следует отнести такие, как «*bon*» { («выражение удовлетворения, а иногда с иронией и недовольства» от прилагательного «*bon*» – «хороший, добрый») [«*Bon, tu as bien fait*»] («Хорошо, ты правильно поступил»), [«*Bon, nous verrons qui a raison*»] («Ладно, посмотрим кто прав»)}; «*mince*» { («выражение удивления» от прилагательного «*mince*» –

«тонкий, незначительный») [*«Mince ! J'ai perdu mon sac»*] («Чёрт возьми ! Я потерял свою сумку»).

Итак, интеръективация как переход слов в класс междометий, не являющихся ни знаменательными, ни служебными лексемами, наблюдается в обоих языках. Тем не менее, во французском она более распространена в силу его типологических особенностей (аналитизма) и реализуется на основе существительных, глагольных словоформ, а также прилагательных, в то время как в русском – только на основе существительных и глагольных словоформ.

2.2. Окказиональная конверсия

Несмотря на то, что конверсия, будучи безаффиксным способом деривации, относится к числу узуальных, она, как нами уже отмечалось, может носить окказиональный характер. Образованные в данном случае слова существуют, как правило, в породившем их контексте, не входят в лексическую систему языка и называются окказионализмами [Земская 2011; Кравцова 2010; Стахеева 2008; Ханпира 1972]. Подобные слова «... обычно бывают индивидуальными новшествами, принадлежащими отдельным лицам, часто писателям. Поэтому окказионализмы разного рода иногда называют индивидуальными (или авторскими), подчёркивая их «необщепризнанность» и отнесённость к известному создателю. При этом окказиональное (или индивидуальное) противопоставляют общенародному, языковому» [Земская 2011: 239].

Окказиональная конверсия связывается с таким понятием, как языковая игра, которая, с точки зрения О.А. Аксёновой, «строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений» [<http://levin.rinet.ru/ABOUT/Aksenova1.html>]. Языковая игра реализуется, прежде всего, в свободе, с которой поэт обращается со словом. Следовательно, первым принципом такой игры следует счи-

тать свободу, а вторым – «текучесть», процессуальность, ибо в игре очень важен процесс [Пантелеев, Долматова 2013: 62].

Контекст, в котором «свободно» рождается новое слово, оказывает определённое влияние на его семантику. В этой связи Е.В. Падучева справедливо утверждает, что «смысл слова ни в коей мере не исчерпывается его толкованием – словарное толкование может пополняться за счёт смысла входящих в него слов, контекста и ситуации» [Падучева 1999: 10].

В нашем исследовании окказиональные слова, образованные посредством конверсии, рассматриваются в микроконтексте, понимаемом как «минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует своё значение плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т.д.» [ЛЭС: 238]. В данной интерпретации микроконтекста отражается, как видно, мысль Е.В. Падучевой о его влиянии на семантику окказионализма. Необходимо отметить, что значение окказионального слова, образованного конверсионным способом, зависит не только от микроконтекста, но и, главным образом, от значения производящей лексемы, ибо в данном случае деривации не участвуют аффиксы.

В используемых нами художественных произведениях русских и французских авторов окказионализмы, образованные большей частью в соответствии с рассмотренными выше видами и подвидами узуальной конверсии, представляют собой чаще всего лексемы знаменательных частей речи. Однако окказионализмы, рождённые с помощью конверсии, в общей сложности не очень многочисленны, поскольку неучастие аффиксов в их образовании обуславливает ограничение словотворческих возможностей поэта или писателя. Кроме того, появление / неоявление в тексте окказиональной лексемы непосредственно связано с присутствием / отсутствием у его автора определённой прагматической интенции, требующей создания необычного контекста, влияющего на семантическую структуру деривата.

Следует отметить, что в русской художественной литературе окказиональная конверсия распространена в большей степени, чем во французской.

Причина этого заключается, очевидно, в том, что более активное употребление окказионализмов, образованных посредством конверсии, русскими авторами позволяет им полнее реализовать прагматический потенциал данного способа дериватологии, являющегося менее продуктивным в русском языке, чем во французском.

Самым частотным видом окказиональной конверсии в русских и французских художественных произведениях также является субстантивация, ибо окказиональные существительные, образованные от разных частей речи, позволяют автору не только называть лицо (лица), объект (объекты) материального или идеального мира, но и определённым образом характеризовать его (их) в условиях особого контекста. Так, в стихах русских поэтов оценочно-номинативное значение субстантиватов, образованных соответственно от прилагательного, наречия, междометия, актуализируется благодаря микроконтексту, содержащему в ряде случаев сочетающееся с окказионализмом прилагательное, в следующих примерах:

*«Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча».*

[С. Есенин. «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»]

*«Когда вы стоите на моём пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти...»*

[А. Блок. «Когда вы стоите на моём пути...»]

*«Ах, зачем это,
откуда это
в светлое весело*

грязных кулачиц замах !»

[В. Маяковский. Облако в штанах]

«Теперь бы песню ветра

*И нежное баю –
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою».*

[С. Есенин. «О муза, друг мой гибкий...»]

Особый интерес представляют случаи перехода в существительные глаголов в форме прошедшего времени, что не выявляется при анализе узуальной субстантивации:

*«За окном моим летали
две весёлые свистели.
Удалые щебетали
куст сирени тормошили».*

[А. Левин. «Разные летали»]

Субстантивация выделенных глаголов прошедшего времени объясняется тем, что генетически они восходят к причастиям, вследствие чего они обладают не личными, а родовыми окончаниями. Категория рода является одним из характерных морфологических признаков существительных. Однако рассматриваемые глагольные словоформы, употребляющиеся в функции существительного, имеют форму множественного, а не единственного числа, поэтому их принадлежность к тому или иному роду в данном случае не выражается. На неё лишь указывает форма женского рода количественного числительного «две». Окказиональные существительные образованы от глаголов несовершенного вида, значение которого связывается с процессом определённого действия, а не с его результатом. Вероятно, персонажи цитируемого стихотворения называются по роду их деятельности, передаваемому глаголами «свистеть» и «щебетать».

Не менее интересна субстантивация деепричастий, которая также не установлена при исследовании узуальной конверсии. Она отмечается, например, в следующем стихотворении:

*«Когда **Резвяся** и **Игря**
танцуют в небе голубом,
одна из них подобна снегу,
другая – рыжему огню.*

<...>

***Резвяся** плавная сияет,
Игря прыскает огнём...»*

[А. Левин. «Суд Париса»]

При восприятии данного микроконтекста только на слух может возникнуть сомнение в том, что деепричастия употребляются в нём в качестве субстантивов. Однако его графическое оформление и отсутствие запятых, сопровождающих обычно деепричастия, позволяют понять, что выделенные глагольные словоформы в этом случае выполняют функцию существительного, называя персонажи по выполняемому ими действию.

В произведениях французских авторов окказиональный характер субстантивата может проявляться в несовпадении его значения с семантикой обладающего идентичным планом выражения узуального субстантивата, зафиксированного в толковом словаре. Приобретение существительным необычного для него значения наблюдается, например, в следующем микроконтексте:

*«Il faut aussi que tu n'aïlles point
Choisir tes mots sans quelque méprise:
Rien de plus cher que la chanson grise
Où l'**Indécis** au **Précis** se joint».*
*(«Тебе также вовсе не нужно
Выбирать слова без некоторых ошибок.
Нет ничего дороже серой песни,
Где **неясное** соединяется с **ясным**»).*

[P. Verlaine. Art poétique]

Выделенные субстантиваты «l'indécis» и «le précis», образованные от прилагательных, фиксируются в толковом словаре французского языка соответственно в значении «нерешительный человек» и «очерк, краткий курс» [PLI: 575, 858]. Тем не менее, в данном микроконтексте они приобретают иное значение (соответственно «что-либо неопределённое, неясное» и «что-либо чёткое, ясное»), в результате чего они функционируют здесь в качестве антонимов.

Среди окказионализмов обнаружен субстантиват, образованный от глагола, в частности, от формы повелительного наклонения, на основе которой не производятся узуальные существительные. В данном случае окказиональный субстантиват утрачивает функции грамматических категорий и семантику глагола: «– *Non, dit Florie. J'ai l'habitude. Pensez !... Elle s'interrompt sur ce «pensez !» qui évoquait la longueur de sa carrière...*» («– Нет, сказала Флори. Я привыкла. Думайте ! Она запнулась на этом «думайте !», напоминавшем о продолжительности её карьеры») [S.G. Colette. Florie].

В произведениях русской художественной литературы по степени распространённости после субстантиватов следует отметить окказиональные наречия, прежде всего, со значением качественной характеристики действия, бóльшая часть которых образована от существительных в форме творительного падежа. В приведённых ниже микроконтекстах с помощью подобных наречий авторами передаются впечатляющие, неповторимые признаки различных действий:

*«С яблонь **снегом** текут лепестки,
Скорбь моя, как огонь, **вырастает**».*

[С. Городецкий. Письма с фронта]

*«Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребёнком
Запрягался в наши сани».*

[С. Есенин. «Нивы сжаты, рощи голы...»]

*«И если всё ж – плеча, крыла, колена
Сжав – на погост дала себя увезть, –
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать иль **розаном** расцвести !».*

[М. Цветаева. «Любовь ! Любовь ! И в судорогах, и в гробе...»]

Окказиональные наречия, употребляющиеся русскими авторами, могут быть образованы также от глагольной словоформы – деепричастия настоящего или прошедшего времени:

*«Луна стелила тени,
Сияли **зеленя**.
За голые колени
Он обнимал меня».*

[С. Есенин. «Зелёная причёска...»]

*«Чудесен утренний обман:
Я вижу странно, **прозревая**,
Как алость нежно-заревая
Румянит смутно зыбкий стан...»*

[М. Кузмин. «Люблю», сказал я не любя...»]

*«Потому и грущу, **осев**,
Словно в листья в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России».*

[С. Есенин. «Ты такая ж простая, как все...»]

В русской художественной литературе наречный окказионализм может быть образован от относительного краткого прилагательного в форме среднего рода, не существующего в системе языка. В данном случае, в отличие от предыдущих примеров, речь идёт о рождении окказионального наречия на основе индивидуально-авторской словоформы, не фиксирующейся в лексикографических источниках. Результатом такого словотворчества является очень яркий образ описываемого автором действия:

*«А потом отдавалась, отдавалась грозиво,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажса».*

[И. Северянин. Это было у моря]

В произведениях французской художественной литературы после субстантивации наиболее продуктивной является не адвербиализация, а интеръективация на основе существительных. В результате её образуются окказиональные междометия, благодаря которым речь персонажей становится более выразительной и эмоциональной:

*«– ...Oui, je me damnerai pour dépouiller ma chaîne,
Et pour pouvoir, comme eux, m'approcher de la reine
Avec un vêtement qui ne soit pas honteux !
Mais, ô **rage** ! être ainsi près d'elle ! devant eux !»*

*(«– ...Да, я обреку себя на вечные муки, чтобы сбросить цепи
И чтобы, подобно им, приближаться к королеве
Одетым непостыдно !*

*Но, о **страсти** ! быть таким образом рядом с ней ! перед ними !»)*

[V. Hugo. Ruy Blas]

В данном микроконтексте существительное «la rage» («ярость, исступлённая страсть») выполняет необычную для него функцию междометия. Его употребление помогает автору лучше передать душевное переживание главного героя произведения.

Приведём ещё один пример окказионального междометия, образованного на основе существительного:

*«...Qu'importe,
Si l'on doit, ô mon Dieu, se revoir à jamais ?
Qu'importe la pendule et notre vie, ô **Mort** ?
Ce n'est plus nous que l'ennui de tant vivre effraye !»
(«...Какое имеет значение,*

*Если мы должны, о боже мой, встретиться навеки ?
 Какое значение имеют часы и наша жизнь, о **погибель** ?
 Нас больше не пугает скука такой длинной жизни !»)*

[P. Verlaine. Vers sans rimes]

В микроконтексте наблюдается интеръективация существительного «la mort» («смерть, гибель»). Благодаря его использованию в качестве междометия автору удаётся более выразительно передать настроение лирического героя, а также его мысли о неизбежности смерти и абсурдности страха перед ней.

В произведениях русской и французской художественной литературы отмечаются случаи окказиональной адъективации на основе слов разных частей речи. Так, например, А. Левин характеризует язык, которым он пишет свои стихи, следующим образом:

*Зверь мой – **язык** и **высок**.*

*<...> Язык мой пятнист и **велосипедист**...*

*<...> Зверь мой крылат и **шоколад**...*

[А. Левин. «Язык мой – зверь мой»]

В данном микроконтексте наблюдается употребление существительных в функции предикативных кратких прилагательных. Это возможно благодаря омонимичности суффикса качественного прилагательного в краткой форме (пятн-ист) и суффикса существительного мужского рода, обозначающего лицо по его отношению к какому-либо предмету (велосипед-ист), а также благодаря фонетической и графической корреляции конечной части корневой морфемы существительных «**язык**», «**шоколад**» и соответственно суффиксов прилагательных «**высок**», «**крылат**».

Встречается также адъективация глагольных словоформ, не характерная для узуальной конверсии:

«За ним прокрался Остравадр,

зубаст и босиком,

*уныл, **упал** и **полосат**,*

и очень босиком».

[А. Левин. «Как Остравадр украл чужую одежду»]

Употребление глагола совершенного вида «упасть» в форме прошедшего времени в одном ряду с краткими прилагательными «уныл» и «полосат» обусловливается происхождением глагола прошедшего времени из причастия. Краткие формы причастий при этом транспонировались в класс глаголов, а полные – в класс прилагательных.

Во французских художественных произведениях встречаются окказиональные прилагательные, образованные от существительных:

*«Vieux, que suis-je ? une loque immonde,
C'est l'histoire du travailleur,
Depuis que notre monde est **monde**».*

*(«Старик, кто я ? отвратительный, жалкий человек,
Это история труженика
С тех пор, как наш мир является **миром**»).*

[E. Pottier. Jean Misère]

В приведённом примере происходит адъективация существительного «le monde» («мир, вселенная»), а окказиональное прилагательное употребляется в качестве именной части составного именного сказуемого. В отличие от других микроконтекстов здесь наблюдается игра слов, заключающаяся в использовании лексемы «monde» в составе подлежащего и сказуемого одного и того же предложения, что способствует упрочению представления читателя о вечности мира.

В произведениях русской художественной литературы отмечается окказиональная вербализация, не выявленная при исследовании видов узуальной конверсии. Наибольший интерес представляет вербализация существительных, например:

*«Когда душа **стрела** и пела,
а в ней уныло и стонало,
и ухало, и бормотало,*

и барахло, и одеяло...»

[А. Левин. «Когда душа стрела и пела...»]

В данном случае, по-видимому, нецелесообразно говорить о подобии планов выражения существительного «стрела» и формы глагола прошедшего времени женского рода. Рождение выделенного окказионализма объясняется, очевидно, потребностью автора совместить в нём глагольную (душа стреляла) и именную семантику (лететь как стрела). Использование существительного «стрела» в функции глагола позволяет автору добиться максимальной экономии средств при достижении желаемого эффекта языковой игры, предполагающего расширение семантической структуры производного окказионализма.

Итак, окказиональные дериваты, образованные посредством конверсии, встречаются в русских и французских произведениях художественной литературы, однако, не являются очень многочисленными. Большинство из них создаётся в соответствии с видами и подвидами узуальной конверсии на основе лексем, фиксирующихся в толковых словарях, и представляет собой лексемы знаменательных частей речи. Тем не менее, встречаются окказионализмы, образованные от индивидуально-авторских словоформ, а также от некоторых существующих в языке словоформ, не являющихся основой для производства лексем путём узуальной конверсии.

В произведениях русской и французской художественной литературы наиболее распространённым видом окказиональной конверсии, как и узуальной, является субстантивация. После неё по степени продуктивности в произведениях русских авторов следует отметить адвербиализацию, а в произведениях французских авторов – интеръективацию. Данные выводы полностью соответствуют нашим выводам о большей распространённости адвербиализации в русском языке и интеръективации во французском в случае узуальной конверсии. Выявляются также случаи окказиональной адъективации и, кроме того, в русской художественной литературе – случаи вербализации. В

общей сложности окказиональная конверсия более распространена в произведениях русских авторов.

Употребление окказиональных лексем, рождённых посредством конверсии, помогает автору более эффективно реализовать определённую прагматическую интенцию: охарактеризовать персонаж или объект окружающего мира, придать выразительности и эмоциональности речи, отразить настроение и мысли героя, воздействовать на читателя.

Выводы по главе II

Рассмотрев виды конверсии по отношению к системе языка, можно сделать следующие выводы:

1. С синхронической точки зрения конверсия относится к узуальным способам словообразования, тем не менее, она может носить окказиональный характер. Результатом узуальной конверсии является лексема, закрепляющаяся в системе языка и фиксирующаяся в толковых словарях, в случае окказиональной конверсии создаётся индивидуально-авторская единица, существующая лишь в определённом контексте.

2. С учётом цельнооформленности производящих и производных лексем в зависимости от частеречной принадлежности последних в русском и французском языках выделяются различные виды узуальной конверсии: субстантивация, адъективация, адвербиализация, препозиционализация, конъюнкционализация, партикуляция, интеръективация.

3. С точки зрения принадлежности производящих слов к определённой части речи в пределах видов узуальной конверсии выделяются её подвиды: субстантивация на основе прилагательных, субстантивация на основе глагольных словоформ, субстантивация на основе числительных, субстантивация на основе наречий, субстантивация на основе служебных слов (предлогов, союзов, частиц) и т.д. Соответствующие подвиды конверсии выделяются также при рассмотрении адъективации, адвербиализации, препозиционализации, конъюнкционализации, партикуляции, интеръективации.

4. Наиболее продуктивным видом конверсии в русском и французском языках является субстантивация. Существительные образуются на основе прилагательных (качественных и относительных), глагольных словоформ (причастий и инфинитивов), числительных, наречий, служебных слов (предлогов, союзов, частиц). В целом субстантивация преобладает во французском языке, в частности, благодаря тому, что в нём в класс существительных более активно переходят глаголы в форме инфинитива и союзы.

5. Адъективация также продуктивна в обоих языках. Тем не менее, во французском языке она получила большее распространение, чем в русском, ибо в нём её производящая база, помимо глагольных словоформ, числительных, существительных, включает в себя ещё и наречия.

6. Адвербиализация достаточно продуктивна в русском и французском языках, однако, она менее распространена, чем субстантивация и адъективация. Общей мотивирующей базой для адвербиализации являются качественные прилагательные, простые предлоги, как непроизводные, так и производные, и существительные. Кроме того, в русском языке могут адвербиализироваться глагольные словоформы, в частности, деепричастия, а во французском – относительные прилагательные. В общей сложности адвербиализация продуктивнее в русском языке, ибо её производящая база включает в себя деепричастия, а также большее число прилагательных и предлогов. Во французском языке не рассматривающиеся в данной работе раздельноформленные деепричастия и многочисленные предлоги, имеющие аналитическую форму, также способны транспонироваться в наречия.

7. В целом образование путём конверсии лексем знаменательных частей речи, формирующих основу словарного состава, гораздо более продуктивно во французском языке. Это объясняется тем, что, в отличие от синтетического русского языка, он обладает иной типологической особенностью – аналитизмом, проявляющимся в морфологической неизменяемости слова, в результате чего у лексем всех частей речи (кроме глаголов) отсутствуют явные морфологические показатели.

8. Препозиционализация более продуктивна в русском языке по причине того, что многие цельноформленные французские наречия, транспонируясь в разряд предлогов, приобретают аналитическую (сложную) структуру.

9. Конъюнкционализация также более распространена в русском языке, ибо, помимо наречий, союзы образуются в нём, в отличие от французского, на основе существительных.

10. Партикуляция отмечается только в русском языке, ибо во французском частица служит не только для образования определённой формы слова, входя в его состав, но и для связи слов, что не свойственно лексемам знаменательных частей речи. Кроме того, в русском языке частицы более многочисленны, т.к. некоторым из них во французском соответствуют цельноформленные лексемы других частей речи или аналитические конструкции.

11. В общей сложности образование посредством конверсии слов служебных частей речи значительно более распространено в русском языке в силу аналитизма французского, проявляющегося также в наличии среди них многочисленных сложных форм, существование которых обусловлено морфологической неизменяемостью слова.

12. Интеръективация как переход слов в класс междометий, не являющихся ни знаменательными, ни служебными лексемами, наблюдается в обоих языках. Тем не менее, во французском она более распространена и реализуется на основе существительных, глагольных словоформ, а также прилагательных, в то время как в русском – только на основе существительных и глагольных словоформ.

13. Анализ всех видов узуальной конверсии в русском и французском языках свидетельствует о том, что данный способ словообразования является продуктивным в обоих из них, тем не менее, в общей сложности он более распространён во французском языке по причине аналитизма, являющегося его типологической особенностью.

14. Оказиональная конверсия реализуется в произведении того или иного автора, в определённом контексте, и в большинстве случаев предпола-

гает образование индивидуальных лексических единиц в соответствии с видами и подвидами узуальной конверсии. Однако встречаются дериваты, образованные от индивидуально-авторских словоформ, а также от некоторых существующих в языке словоформ, не являющихся основой для производства лексем путём узуальной конверсии, что позволяет квалифицировать окказиональную конверсию как языковую игру.

В произведениях русской и французской художественной литературы окказиональная конверсия не очень распространена. Наиболее продуктивным видом окказиональной конверсии, как и узуальной, является субстантивация. После неё по степени продуктивности в произведениях русских авторов следует отметить адвербиализацию, а в произведениях французских авторов – интеръективацию. Данные выводы полностью соответствуют нашим выводам о большей распространённости адвербиализации в русском языке и интеръективации во французском в случае узуальной конверсии. Выявляются также случаи окказиональной адъективации и, кроме того, в русской художественной литературе – случаи вербализации. В общей сложности окказиональная конверсия более распространена в произведениях русских авторов.

15. Употребление окказиональных лексем, рождённых посредством конверсии, помогает автору более эффективно реализовать определённую прагматическую интенцию: охарактеризовать персонаж или объект окружающего мира, придать выразительности и эмоциональности речи, отразить настроение и мысли героя, воздействовать на читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты произведённого анализа свидетельствуют о том, что конверсия является продуктивным способом словообразования как в языке синтетического типа (русском), так и языке аналитического типа (французском), чему способствуют её простота и экономичность, обусловленные неучастием аффиксов в процессе деривации. В лингвистической литературе данному способу дериватологии соответствуют разные названия: конверсия, субстантивация, морфологическая транспозиция, синтаксическая деривация, безаффиксальное словообразование, нулевое словообразование, несобственная деривация. Исследователи, интерпретирующие его как субстантивацию, относят к нему лишь случаи образования существительных на основе слов адъективного склонения. Тем не менее, лингвисты едины в том, что он предполагает принадлежность мотивирующей и мотивированной лексем к разным частям речи.

Точки зрения учёных различаются, однако, по поводу производящей базы конверсии, что проявляется в наличии широкого и узкого подходов к трактовке данного способа словообразования. При узком понимании конверсии к ней относятся только случаи полного совпадения исходной и результирующей лексем, а при широком – случаи совпадения их основ с участием словообразовательных аффиксов, что приводит к различию планов выражения производящей и производной единиц. С учётом существующих точек зрения представляется целесообразным понимать под конверсией такой неаффиксальный способ словопроизводства, в процессе которого мотивированная лексема, появляющаяся в результате перевода цельнооформленной мотивирующей (либо её словоформы) в другую часть речи, полностью сохраняет план выражения последней, но приобретает новые морфологические и синтаксические функции.

Конверсия соотносится с таким лингвистическим феноменом, как транспозиция, что делает необходимым охарактеризовать исследуемый спо-

соб дериватологии в сопоставлении с нею. Транспозиция, подобно конверсии, понимается в лингвистике широко и узко. В широком смысле она рассматривается как перенос любой языковой формы с полным сохранением плана выражения. При данной трактовке транспозиции конверсия, понимаемая широко, отличается от неё, ибо она предполагает идентичность только основ производящего и производного слов.

В узком смысле транспозиция, или функциональная транспозиция, представляет собой употребление слова в функции другой части речи либо перевод его (или его основы) из одной части речи в другую. При этом выделяются два этапа: 1) неполная, или синтаксическая, транспозиция, при которой изменяется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения её принадлежности к части речи (транспозитором в данном случае являются словоформа, десемантизированное слово в полуслужебной функции, окружение, или контекст); 2) полная, или морфологическая, транспозиция, при которой образуется слово новой части речи. Её транспозитором является аффиксация или конверсия. Следовательно, при узкой интерпретации транспозиции конверсия может квалифицироваться как один из её видов – полная, или морфологическая (безаффиксная), транспозиция.

Дериват, образованный в результате перехода производящего слова в другую часть речи, связан с ним семантическими отношениями транспозиции. Обычно в подобном случае производная лексема приобретает новое категориально-грамматическое значение с сохранением лексического значения производящей. Однако общность их семантики может утрачиваться, если с точки зрения диахронии в процессе развития языка значение исходного или результативного слова изменяется.

В парадигме способов словообразования место конверсии определяется с учётом двух критериев: 1) участие / неучастие аффиксов в производстве новой лексемы; 2) характер изменения свойств мотивирующей лексемы в результате её перехода в другую часть речи. По первому критерию конверсия является неаффиксальным (безаффиксным) способом словообразования. По

второму она рассматривается как морфолого-синтаксический способ дериватологии, ибо мотивированное слово, принадлежащее к другой части речи, приобретает новые морфологические и синтаксические свойства.

Кроме того, следует отнести данный способ дериватологии к транспозиционным словообразовательным типам, поскольку в результате конверсии их производящие слова переходят (транспонируются) в другую часть речи. Средством выражения деривационного значения при конверсии служит изменение парадигмы исходной лексемы.

Конверсия соотносится не только с транспозицией, но и с омонимией. Общность плана выражения производящего и производного, образованного посредством конверсии, а также слов, находящихся в отношениях омонимии (лексических омонимов), – причина близости данных явлений и сложности их разграничения. Конверсия, которая охватывает производящее и производное слова, имеющие общий корень и семантически связанные, отделяется от омонимии, распространяющейся на слова (лексические омонимы), не имеющие общих элементов смысла, не связанные ассоциативно, но одинаковые по звучанию и написанию.

По отношению к системе языка с точки зрения синхронии конверсия относится к узуальным способам словообразования. С учётом цельнооформленности производящих и производных лексем в зависимости от частеречной принадлежности последних в русском и французском языках выделяются различные виды узуальной конверсии: субстантивация, адъективация, адвербиализация, препозиционализация, конъюнкционализация, партикуляция, интеръективация.

Образование путём конверсии лексем знаменательных частей речи, формирующих основу словарного состава, в целом гораздо более продуктивно во французском языке. Это объясняется тем, что, в отличие от синтетического русского языка, он обладает иной типологической особенностью – аналитизмом, проявляющимся в морфологической неизменяемости слова, в результате чего у лексем всех частей речи (кроме глаголов) отсутствуют явные

морфологические показатели. Исключением является адвербиализация, которая характеризуется большей распространённостью в русском языке, ибо значительная часть её производящей базы формируется предлогами. В синтетическом русском языке предлоги, представляющие собой одну словоформу (простые) и способные переходить в наречие, а не адвербиальное выражение, более многочисленны, чем в аналитическом французском. Кроме того, деепричастия, способные адвербиализироваться, в русском языке обладают цельнооформленностью, в то время как во французском – раздельнооформленностью.

Образование слов служебных частей речи значительно более распространено в русском языке в силу того же аналитизма французского, проявляющегося также в наличии среди них многочисленных сложных форм, существование которых обусловлено морфологической неизменяемостью слова. Однако лексемы служебных частей речи, в отличие от лексем знаменательных частей речи, не формируют основу словарного состава языка.

Интеръективация как переход слов в класс междометий, не являющихся ни знаменательными, ни служебными лексемами, наблюдается в обоих языках. Тем не менее, во французском она распространена в большей степени. Анализ всех видов узуальной конверсии свидетельствует о том, что в общей сложности данный способ словообразования более продуктивен во французском языке по причине его аналитизма.

С точки зрения принадлежности производящих слов к определённой части речи в пределах видов узуальной конверсии выделяются её подвиды: субстантивация на основе прилагательных, субстантивация на основе глагольных словоформ, субстантивация на основе числительных, субстантивация на основе наречий, субстантивация на основе служебных слов (предлогов, союзов, частиц) и т.д. Соответствующие подвиды конверсии выделяются также при рассмотрении адъективации, адвербиализации, препозиционализации, конъюнкционализации, партикуляции, интеръективации.

Партикуляция отмечается только в синтетическом русском языке, ибо в аналитическом французском частица служит не только для образования определённой формы слова, входя в его состав, но и для связи слов, что не свойственно лексемам знаменательных частей речи. Кроме того, в русском языке частицы более многочисленны, т.к. некоторым из них во французском соответствуют цельноформленные лексемы других частей речи или аналитические конструкции.

Будучи узуальным способом словообразования по отношению к системе языка, конверсия может носить окказиональный характер. Окказиональная конверсия реализуется в произведении того или иного автора, в определённом контексте, и чаще всего предполагает образование индивидуальных лексем в соответствии с видами и подвидами узуальной конверсии. Однако встречаются дериваты, образованные от индивидуально-авторских словоформ, а также от некоторых существующих в языке словоформ, не являющихся основой для производства лексем посредством узуальной конверсии, что позволяет квалифицировать окказиональную конверсию как языковую игру.

В произведениях русской и французской художественной литературы окказиональная конверсия не очень распространена. Наиболее продуктивным видом окказиональной конверсии, как и узуальной, является субстантивация. После неё по степени продуктивности в произведениях русских авторов следует отметить адвербиализацию, а в произведениях французских авторов – интеръективацию. Данные выводы полностью соответствуют нашим выводам о большей распространённости адвербиализации в русском языке и интеръективации во французском, когда речь идёт об узуальной конверсии. Выявляются также случаи окказиональной адъективации и, кроме того, в русской художественной литературе – случаи вербализации. В общей сложности окказиональная конверсия более распространена в произведениях русских авторов.

Употребление окказиональных лексем, рождённых посредством конверсии, помогает автору более эффективно реализовать определённую прагматическую интенцию: охарактеризовать персонаж или объект окружающего мира, придать выразительности и эмоциональности речи, отразить настроение и мысли героя, воздействовать на читателя.

Результаты произведённого анализа свидетельствуют также о том, что в конверсии, несмотря на её универсальность, обнаруживаются особенности национального языка. Необходимость её синхронного исследования на материале различных языков с целью выявления универсального и национального определяет перспективы дальнейшего изучения данной проблемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аксёнова, О.А. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта (Лексика и грамматика в стихах Александра Левина) [Электронный ресурс] / О.А. Аксёнова // <http://levin.rinet.ru/ABOUT/Aksenova1.html>
2. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс [Текст]: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Академия, 2004. – 368 с.
3. Аминова, А.В. Структурно-семантические особенности молодежного сленга в английском и французском языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Аминова. – Уфа, 2004. – 197 с.
4. Антропова, Л.И. Формы существования языка: социокультурно-коммуникативный подход [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук. / Л.И. Антропова. – Челябинск, 2005. – 447 с.
5. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст]: учеб. пособие / В.Д. Аракин. – М.: Физматлит, 2008. – 231 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 198 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка) [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 288 с.
8. Асанова, М.С. Конверсия как способ словообразования: на материале английского и карачаево-балкарского языков [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / М.С. Асанова. – Нальчик, 2007. – 159 с.
9. Бабайцева, В.В. Явления переходности в грамматике русского языка [Текст] / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
10. Баклушин, А.В. Взаимоотношение аналитических и флективных форм [Текст] / А.В. Баклушин // Исследования по грамматике (немецкий, английский и французский языки). – Иркутск: ИГПИ, 1978. – С. 24-34.
11. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М.: Иностран. лит-ра, 1955. – 416 с.

12. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1961. – 394 с.
13. Белякова, Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.В. Белякова. – Волгоград: Перемена, 2008. – 39 с.
14. Белякова, Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке [Текст]: монография / Г.В. Белякова. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007а. – 170 с.
15. Валгина, Н.С., Розенталь, Д.Э., Фомина, М.И. Современный русский язык [Текст]: учебник / под ред. Н.С. Валгиной. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
16. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
17. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
18. Винокур, Г.О. Избранные работы [Текст] / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419-442.
19. Гайнутдинова, А.Ф. Частеречная транспозиция (субстантивация) в татарском языке в сопоставлении с русским языком [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Ф. Гайнутдинова. – Казань, 2011. – 48 с.
20. Гак, В.Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков [Текст] / В.Г. Гак. – М.: URSS, 2008. – 334 с.
21. Гак, В.Г. О глагольно-именной конверсии во французском языке [Текст] / В.Г. Гак // Учёные записки ИМО. – М., 1961. – Вып. 7. – С. 30-45.
22. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1983. – 287 с.
23. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка [Текст]: учебник / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 860 с.
24. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 763 с.

25. Головин, Б.Н. Введение в языкознание [Текст]: учеб. пособие / Б.Н. Головин. – М.: КомКнига, 2007. – 232 с.
26. Гусак, Л.Д. Лексико-грамматическая омонимия (функциональная транспозиция) в свете современной французской лексикографии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Д. Гусак. – М., 1977. – 19 с.
27. Гусак, Л.Д. О конверсии и её трактовке в современных французских словарях [Текст] / Л.Д. Гусак // Проблемы стилистики, лексикологии и фразеологии (немецкий, английский и французский языки). – Иркутск: ИГПИ, 1976. – С. 42-53.
28. Ермакова, О.П. Лексические значения производных слов в русском языке [Текст] / О.П. Ермакова. – М.: Русский язык, 1984. – 151 с.
29. Ермакова, О.П. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова [Текст] / О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Известия АН СССР. Серия «Литература и язык». – 1985. – № 6. – С. 518-525.
30. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 408 с.
31. Жаловский, А.Д. Продуктивные словообразовательные типы отглагольных прилагательных в современном французском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Д. Жаловский. – М., 1962. – 19 с.
32. Жаналина, Л.К. О содержании и средствах выражения словообразовательного значения [Текст] / Л.К. Жаналина // Филологические науки. – 1992. – № 4. – С. 62-74.
33. Жаналина, Л. К. Словообразовательное значение с позиции интегративного подхода [Текст] / Л.К. Жаналина // Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 67-78.
34. Жлуктенко, Ю.А. Конверсия в современном английском языке как морфолого-синтаксический способ словообразования [Текст] / Ю.А. Жлуктенко // Вопросы языкознания. – 1958. – № 5. – С. 53-56.
35. Задорожный, М. И. Словообразовательная категория как родовое понятие [Текст] / М.И. Задорожный // Актуальные проблемы русского слово-

образования. – Елец: Изд-во Елецкого государственного университета, 2001. – С. 162-167.

36. Захарченко, Т.Е. Эквивалентная лексика в русском и английском сленге: системный, словообразовательный и функциональный аспекты [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т.Е. Захарченко. – Ростов н/Д, 2006. – 464 с.

37. Зеликов, М.В. Функционирование и происхождение эллиптических моделей [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М.В. Зеликов. – СПб., 1999. – 34 с.

38. Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства [Текст] / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 90–141.

39. Земская, Е.А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке [Текст] / Е.А. Земская // Историко-филологические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 92-103.

40. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е.А. Земская. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.

41. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование [Текст]: учеб. пособие / Е.А. Земская. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 328 с.

42. Илия, Л.И. Грамматика французского языка [Текст] / Л.И. Илия. – М.: Высшая школа, 1964. – 304 с.

43. Ильинская, О.Г. Языковая природа конверсии и типы конверсивов в современном русском и английском языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / О.Г. Ильинская. – М., 2006. – 205 с.

44. Иовенко, В.А. Конверсия при переводе испанских лексических каузативов на русский язык [Текст] / В.А. Иовенко // Сборник статей. – М.: Военный институт, 1981. – № 17. – С. 59-65.

45. Искандрова, Г.Р. Конверсия в немецком и башкирском языках в контрастивном плане [Текст] / Г.Р. Искандрова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – Уфа: БашГУ, 2007. – № 2. – С. 29-32.

46. Исмаилова, Д.Б. Структурно-семантическая характеристика отглагольных существительных, образованных способом конверсии во французском и татарском языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Д.Б. Исмаилова. – Казань, 2007. – 231 с.
47. Каламова, Н.А. К вопросу переходности одних частей речи в другие [Текст] / Н.А. Каламова // Русский язык в школе. – 1961. – № 5. – С. 56-59.
48. Клеймёнова, Н.М. Роль конверсии как способа словообразования в современном французском языке: на материале неологизмов [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Клеймёнова. – М., 2003. – 214 с.
49. Клушина, Н.И. О модном способе окказионального словообразования [Текст] / Н.И. Клушина // Русская речь. – 2000. – №2. – С. 47-50.
50. Кодухов, В.И. Семантическая переходность как лингвистическое понятие [Текст] / В.И. Кодухов // Семантика переходности. – Л.: ЛГУ, 1977. – С. 5-16.
51. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) [Текст] / Э. Косериу. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
52. Кравцов, С. Картина мира в зеркале языка. Концепт «Поведение человека» в русской и французской фразеологии / С.М. Кравцов. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 382 с.
53. Кравцов, С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека») [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / С.М. Кравцов. – Ростов н/Д, 2008. – 390 с.
54. Кравцова, Т.В. Механизмы формирования индивидуально-авторских неологизмов в современном французском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Кравцова. – Ростов н/Д, 2010. – 241 с.
55. Кубрякова, Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64-76.
56. Кубрякова, Е.С., Харитончик, З.А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа [Текст] / Е.С. Кубрякова, З.А. Харитончик // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 202-233.

57. Кубрякова, Е.С. Производное слово в лексике и грамматике [Текст] / Е.С. Кубрякова // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984. – С. 60–69.
58. Кубрякова, Е.С. Пропозитивные значения и словообразовательные категории как предмет типологических исследований [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы сравнительной типологии: тез. докл. –Ташкент, 1981. – С. 41–46.
59. Кубрякова, Е.С. Словообразование [Текст] / Е.С. Кубрякова // Общее языкознание (внутренняя структура языка). – М.: Наука, 1972. – С. 344–393.
60. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразования [Текст] / Е.С. Кубрякова // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 222–303.
61. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
62. Курилович, Е. Очерки по лингвистике [Текст] / Е. Курилович. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 455 с.
63. Ларькина, А.А. Эллипсис в современном французском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Ларькина. – Архангельск, 2009. – 175 с.
64. Левит, З.Н. Лексикология французского языка [Текст] / З.Н. Левит. – М.: Высшая школа, 1979. – 160 с.
65. Левит, З.Н. Очерки по лексикологии современного французского языка [Текст] / З.Н. Левит. – М.: Высшая школа, 1969. – 80 с.
66. Лопатин, В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования [Текст] / В.В. Лопатин // Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. – С. 57–62.
67. Лопатин, В.В., Милославский, И.Г., Шелякин, М.А. Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология [Текст] / В.В. Лопатин, И.Г. Милославский, М.А. Шелякин / под ред. В.В. Иванова. – М.: Русский язык, 1989. – 261 с.
68. Лопатин, В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке [Текст] / В.В. Лопатин // Русский язык. Грамматические исследования. – М., 1967. – 231 с.

- 69 Лукин, М.Ф. Критерии перехода частей речи в современном русском языке [Текст] / М.Ф. Лукин // Филологические науки. – 2006. – № 3. – С. 49-
70. Малевинский, С.О. О семантических функциях эмоционально-оценочных слов [Текст] / С.О. Малевинский // Сфера языка и прагматика речевого общения: Междунар. сб. науч. тр. – Краснодар: КубГУ, 2003. – С. 215–223.
71. Мельчук, И.А. Словообразование и конверсия [Текст] / И.А. Мельчук // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы республ. науч. конференции. – Самарканд, 1972. – С. 19-21.
72. Милославский, И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза [Текст]: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / И.Г. Милославский. – М., 1981. – 30 с.
73. Миськевич, Г.И. К вопросу о норме в словообразовании [Текст] / Г.И. Миськевич // Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977. – С. 42-61.
74. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Словарь русской брани: матизмы, обценнизмы, эвфемизмы [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2004. – 448 с.
75. Мурзин, Л.Н. Синтаксическая деривация [Текст] / Л.Н. Мурзин. – Пермь, 1974. – 170 с.
76. Мурясов, Р.З. Грамматика производного слова [Текст] / Р.З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 1987. – № 5. – С. 18-30.
77. Мурясов, Р. З. Принципы моделирования словообразовательной системы языка [Текст] / Р.З. Мурясов // Актуальные проблемы русского словообразования / под ред. А.Н. Тихонова. – Ташкент: Укитувчи, – 1982. – С. 41-77.
78. Немченко, В.Н. Словообразовательная структура отсубстантивных суффиксальных имён прилагательных в современном русском языке [Текст]: дисс. ... д-ра филол. наук / В.Н. Немченко. – Горький, 1974. – 469 с.
79. Немченко, В.Н. Словообразовательные типы отсубстантивных суффиксальных прилагательных на -Н-ый в современной русской художественной прозе [Текст] / В.Н. Немченко // Лексика. Терминология. Стили. – Горький, 1975. – Вып. 4. – С. 44-55.

80. Никиенко, И.В. Адъективные конверсивы в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Никиенко. – Томск, 2003. – 18 с.
81. Никитевич, В.М. Основы номинативной деривации [Текст] / В.М. Никитевич. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – 157 с.
82. Откупщиков, Ю.В. К истокам слова: рассказы о науке этимологии [Текст] / Ю.В. Откупщиков. – СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005. – 249 с.
83. Падучева, Е.В. Принцип композиционности в неформальной семантике [Текст] / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. – 1999. – №5. – С. 3-12.
84. Пантелеев, А.Ф., Долматова, А.С. Морфологическая транспозиция в языке поэзии русского постмодернизма [Текст] / А.Ф. Пантелеев, А.С. Долматова // *Materialy IX Miedzynarodowej naukowii-praktycznej konferencji «Naukowa przestrzen Europy – 2013» / Filologiczne nauki. – Przemysl. Nauka i studia. Volume 26. – С. 62-70.*
85. Пассек, В.В. Некоторые вопросы конверсии [Текст] / В.В. Пассек // Вопросы языкознания. – 1957. – № 1. – С. 144-148.
86. Петрухина, Е.В. Актуальные вопросы системного словообразования [Текст] / Е.В. Петрухина // *Славистика: синхрония и диахрония: сб. науч. тр. / под ред. В.Б. Крысько. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 142-153.*
87. Пешкова, Л.Ф. К проблеме транспозиции (субстантивация всех частей речи и адъективация причастий во французском языке) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Ф. Пешкова. – М., 1966. – 15 с.
88. Полянчук, О.Б. Динамические аспекты анализа производного слова [Текст] / О.Б. Полянчук. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. – 199 с.
89. Полянчук, О.Б. Основные параметры теории словообразования и динамика производного слова [Текст] / О.Б. Полянчук // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Воронеж: ВГУ, 2003. – № 1. – С. 45-49.*

90. Полянчук, О.Б. Перспективные направления анализа динамических аспектов комплексного знака [Текст] / О.Б. Полянчук // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 87-95.
91. Полянчук, О.Б. Производное слово и его семантический потенциал [Текст] / О.Б. Полянчук // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Воронеж: ВГУ, 2009. – № 1. – С. 5-9.
92. Прунтова, Е.В. О структурно-семантических особенностях производных слов с непроизводными основами (на материале отсубстантивных глаголов современного немецкого языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Прунтова. – М., 1976. – 24 с.
93. Русиняк, Ю.Н. «Словомейкерство» (словообразование) окказионализмов [Текст] / Ю.Н. Русиняк // Язык. Дискурс. Текст: материалы междунар. конф. – Ростов н/Д: РГПУ, 2004. – Ч. 2. – С. 173-176.
94. Сайдашева, Э.А. Словообразование в татарском и английском языках на примере конверсии и словосложения (сопоставительный анализ) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Сайдашева. – Казань, 2006. – 237 с.
95. Сеше, А. Очерк логической структуры предложения [Текст] / А. Сеше. – М.: Эдиториал, 2010. – 224 с.
96. Скуратов, И.В. Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / И.В. Скуратов. – М., 2006. – 424 с.
97. Смирницкий, А.И. По поводу конверсии в английском языке [Текст] / А.И. Смирницкий // Иностранные языки в школе. – 1954. – № 3. – С. 12-24.
98. Современный русский язык [Текст]: учебник / под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с. (СРЯЗ).
99. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц [Текст]: учебник / под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Академия, 2002. – 544 с. (СРЯД).

100. Соколова, Г.Г. Транспозиция прилагательных и существительных в современном французском языке и особенности их стилистического использования [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Г. Соколова. – М., 1966. – 20 с.
101. Соколова, Г.Г. Транспозиция прилагательных и существительных [Текст]: учеб. пособие / Г.Г. Соколова. – М.: Высшая школа, 1973. – 175 с.
102. Стахеева, А.В. Аббревиация: словопроизводство и словотворчество (на материале русского языка конца XX – начала XXI века) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Стахеева. – Ростов н/Д, 2008. – 251 с.
103. Степанов, Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 361 с.
104. Степанов, Ю.С. Синтаксическая конверсия во французском языке [Текст] / Ю.С. Степанов // Учёные записки ИМО. – М., 1962. – Вып. 1. – С. 25-28.
105. Степанов, Ю.С. Структура французского языка. Морфология, словообразование, основы синтаксиса в норме французской речи [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Высшая школа, 1965. – 182 с.
106. Степанов, Ю.С. Французская стилистика: в сравнении с русской [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: URSS, 2006. – 360 с.
107. Сулова, Ю.И. Роль латинизмов в формировании словообразовательных типов на книжной основе во французском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.И. Сулова. – М., 1963. – 13 с.
108. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса [Текст] / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
109. Торопцев, И.С. Словопроизводственная модель [Текст] / И.С. Торопцев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – 340 с.
110. Трамова, З.Х. Словообразование имен существительных и наречий по конверсии (на материале современного карачаево-балкарского языка) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / З.Х. Трамова. – Нальчик, 2006. – 168 с.

111. Улуханов, И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка [Текст] / И.С. Улуханов. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2005. – 314 с.
112. Умбаров, Н. Опыт изучения суффиксального словообразования отымённых прилагательных в современном французском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Умбаров. – М., 1966. – 22 с.
113. Ференс, Г.Ф. О типах словообразовательной формы слов (на материале современного немецкого языка) [Текст] / Г.Ф. Ференс // Вопросы языкознания. – 1974. – № 4. – С. 88-89.
114. Халифман, Э.А. Словообразование в современном французском языке [Текст]: учеб. пособие / Э.А. Халифман. – М.: Высшая школа, 1983. – 128 с.
115. Ханпира, Э.И. Окказиональные элементы в современной речи [Текст] / Э.И. Ханпира // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). – М.: Наука, 1972. – С. 245-317.
116. Хохлачева, В.Н. Проблема словообразовательного значения (к понятию нормы в словообразовании) [Текст] / В.Н. Хохлачёва // Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977. – С. 5-42.
117. Цыбова, И.А. Соотношение суффиксального словообразования на исконной и книжной основе в современном французском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / И.А. Цыбова. – М., 1966. – 21 с.
118. Цыбова, И.А. Французский язык. Словообразование [Текст] / И.А. Цыбова. – М., 1996. – 128 с.
119. Черногорова, Г.П. Модель ($S_1 + S_2$) и связанные с ней некоторые проблемы адъективации существительных [Текст] / Г.П. Черногорова // Исследование словообразовательной структуры и сочетаемости языковых элементов в романских языках. – Челябинск: ЧПИ, 1981. – С. 17-23.
120. Чинчлей, Г.С. Очерки по деривации в современном французском языке [Текст] / Г.С. Чинчлей. – Кишинёв: Штиинца, 1991. – 118 с.
121. Шанский, Н.М., Иванов, В.В., Шанская, Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка [Текст] / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.

122. Шанский, Н.М. Русский язык. Лексика. Словообразование [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1975. – 239 с.
123. Шаповалова, А.П. Внешние и внутренние факторы развития языка при аббревиации [Текст] / А.П. Шаповалова // Язык. Дискурс. Текст: материалы междунар. конф. – Ростов н/Д: РГПУ, 2004. – Ч. 1. – С. 231-232.
124. Шаповалова, А.П. Опыт построения общей теории аббревиации (на материале французских сокращенных лексических единиц) [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / А.П. Шаповалова. – Ростов н/Д, 2004. – 421 с.
125. Шаповалова, А.П. Типы сокращений в современном французском языке (к постановке вопроса) [Текст] / А.П. Шаповалова // Словообразование во французском и немецком языках. – Челябинск: ЧПИ, 1975. – С. 69-74.
126. Шелховская, Н.И. Влияние характера производящего глагола на его словообразовательные возможности [Текст] / Н.И. Шелховская // Исследование словообразовательной структуры и сочетаемости языковых элементов в романских языках. – Челябинск: ЧПИ, 1981. – С. 53-57.
127. Шигуров, В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении [Текст]: учеб пособие / В.В. Шигуров. – Саранск: Изд-во Саратовского университета, Саранский филиал, 1988. – 85 с.
128. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – М.: URSS: КомКнига, 2007. – 427 с.
129. Юшкова, Л.А. Конверсия как продуктивный способ словообразования в современной немецкой молодёжной лексике [Текст] / Л.А. Юшкова // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2005. – № 5. – С. 133-140.
130. Янко-Триницкая, Н.А. Словообразование в современном русском языке [Текст] / Н.А. Янко-Триницкая. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.
131. Ярцева, В.Н. О внутренних законах развития языка [Текст] / В.Н. Ярцева // Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1952. – Т. 11, вып. 3. – С. 193-205.
132. Benveniste, E. Problèmes de linguistique générale / E. Benveniste. – Paris: Editions Gallimard, 1993. – V. I. – 357 p.

133. Benveniste, E. Problèmes de linguistique générale / E. Benveniste. – Paris: Editions Gallimard, 1994. – V. II. – 288 p.
134. Cohen, M. Une fois de plus des regards sur la langue française. [Text] / M. Cohen. – Paris: Editions sociales, 1972. – 366 p.
135. Dokulil, M. Zur Frage der sog. Nullableitung [Text] / M. Dokulil // Festschrift H. Marchand, –The Hague, 1968. – P. 97-118.
136. Lévyte, S. Cours de lexicologie française [Text] / S. Lévyte. – Minsk, 1963. – 135 p.
137. Lopatnikova, N.N. Lexicologie du français moderne [Text] / N.N. Lopatnikova, N.A. Movchovitch. – M.: Высшая школа, 2001. – 247 p.
138. Marchand, H. Die Albeitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Englischen, Französischen und Deutschen [Text] / H. Marchand // Die Neueren Sprachen. – 1964. – № 3. – P. 105-118.
139. Marchand, H. Expansion, transposition and derivation [Text] / H. Marchand // La linguistique. – 1967. – № 1. – P. 13-26.
140. Nyrop, Kr. Grammaire historique de la langue française [Text] / Kr. Nyrop. – Leipzig, New-York, Paris, 1936. – 479 p.
141. Tsybova, I. Problèmes du prédictible et du potentiel dans la formation de mots en français [Text] / I. Tsybova. – Moscou: Szczecin, 2006. – 124 p.

Словари и справочники

142. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с. (СЛТ).
143. Биологический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. М.С. Гилярова. – М.: Советская энциклопедия, 1986. – 831 с. (БЭС).
144. Большая экономическая энциклопедия [Текст] / под ред. Т.П. Варламовой. – М.: Эксмо, 2007. – 816 с. (БЭЭ).
145. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т.т. 1-2 [Текст] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1222 с.

146. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. (ЛЭС).
147. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО ИТИ «Технологии», 2009. – 944 с. (ТСРЯ).
148. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Оникс, 2003. – 624 с. (СРЯ).
149. Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1-17 [Текст]. М.-Л.: АН СССР, 1948-1965. (БАС).
150. Современный словарь иностранных слов [Текст] / под ред. Л.Н. Комаровой. – М.: Русский язык, 1992. – 740 с. (ССИС).
151. Современный финансово-кредитный словарь [Текст] / под ред. М.Г. Лапусты, П.С. Никольского. – М.: Инфра-М, 1999. – 566 с. (СФКС).
152. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика [Текст] / под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с. (ТСРЯС).
153. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М Фасмер // <http://vasmer.narod.ru/p413.htm>
154. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М Фасмер // <http://vasmer.narod.ru/p105.htm>
155. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М Фасмер // <http://vasmer.narod.ru/p040.htm>
156. Физическая энциклопедия. Тт. 1-2. [Текст] / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 703 с. (ФЭ).
157. Французско-русский словарь активного типа [Текст] / под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. – М.: Русский язык, 1991. – 1055 с. (ФРС).
158. Щерба, Л.В., Матусевич, М.И. Русско-французский словарь [Текст] / под ред. Л.В. Щербы. – М.: Русский язык, 1990. – 848с.

159. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий [Текст] / под ред. А.Н. Тихонова и Р.И. Хашимова. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 840 с.
160. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française [Text] / sous la direction de J. Rey-Debove et A. Rey. – Paris: Ed. Dictionnaires Le Robert, 1994. – 2490 p. (DLF).
161. Le Petit Larousse illustré [Text] / sous la direction de P. Merlet. – Paris: Ed. Larousse, 2005. – 1859 p. (PLI).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок, А.А. Когда вы стоите на моём пути... [Текст] / А.А. Блок // Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 34-35.
2. Городецкий, С.М. Письма с фронта [Текст] / С.М. Городецкий // Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 55-56.
3. Есенин, С.А. Зелёная причёска... [Текст] / С.А. Есенин // Собрание сочинений. Тт. 1-6. – М.: Художественная литература, 1977. – Т. 1. – С. 149-150.
4. Есенин, С.А. Нивы сжаты, рощи голы... [Текст] / С.А. Есенин // Собрание сочинений. Тт. 1-6. – М.: Художественная литература, 1977. – Т. 1. – С. 148.
5. Есенин, С.А. О муза, друг мой гибкий... [Текст] / С.А. Есенин // Собрание сочинений. Тт. 1-6. – М.: Художественная литература, 1977. – Т. 1. – С. 159-160.
6. Есенин, С.А. Снова пьют здесь, дерутся и плачут... [Текст] / С.А. Есенин // Собрание сочинений. Тт. 1-6. – М.: Художественная литература, 1977. – Т. 1. – С. 194-195.
7. Есенин, С.А. Ты такая ж простая, как все... [Текст] / С.А. Есенин // Собрание сочинений. Тт. 1-6. – М.: Художественная литература, 1977. – Т. 1. – С. 215-216.
8. Кузмин, М.А. «Люблю», сказал я не любя... [Текст] / М.А. Кузмин // Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 10-11.
9. Левин, А. Как Остравадр украл чужую одежду [Текст] / А. Левин // Биомеханика. Стихотворения. 1983-1995 гг. – М., 1995. – С. 42.
10. Левин, А. Когда душа стрела и пела... [Текст] / А. Левин // Биомеханика. Стихотворения. 1983-1995 гг. – М., 1995. – С.193.
11. Левин, А. Разные летали [Текст] / А. Левин // Биомеханика. Стихотворения. 1983-1995 гг. – М., 1995. – С.24.

12. Левин, А. Суд Париса [Текст] / А. Левин // Биомеханика. Стихотворения. 1983-1995 гг. – М., 1995. – С. 187.
13. Левин, А. Язык мой – зверь мой [Текст] / А. Левин // Стихи // Знамя. – 1997. – № 2. – С. 3.
14. Маяковский, В.В. Облако в штанах [Текст] / В.В. Маяковский // Моя революция. Поэмы. – М.: Современник, 1974. – С. 6-31.
15. Северянин, И. Это было у моря [Текст] / И. Северянин // Чудное мгновение. Любовная лирика русских поэтов. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 81.
16. Цветаева, М.И. Любовь ! Любовь ! И в судорогах, и в гробе... [Текст] / М.И. Цветаева // Чудное мгновение. Любовная лирика русских поэтов. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 159.
17. Balzac, H. de. Eugénie Grandet [Text] / H. de Balzac. – Paris: Garnier-Flammarion, 1964. – 181 p.
18. Colette, S.G. Florie [Text] / S.G. Colette // Conteurs français du XX-e siècle. – Moscou: Progrès, 1981. – P. 19-26.
19. Gamarra, P. Les amours du potier [Text] / P. Gamarra // Conteurs français du XX-e siècle. – Moscou: Progrès, 1981. – P. 323-341.
20. Hugo, V. Ruy Blas [Text] / V. Hugo // Anthologie de la littérature française du XIX-e siècle. – Л.: Просвещение, 1980. – P. 67-70.
21. Maupassant, G. de. Correspondance [Text] / G. de Maupassant // Œuvres complètes. – Genève, 1973. – Т. 3. – 341 p.
22. Maurois, A. Les roses de septembre [Text] / A. Maurois. – Л.: Просвещение, 1977. – 144 p.
23. Pottier, E. Jean Misère [Text] / E. Pottier // Anthologie de la littérature française du XIX-e siècle. – Л.: Просвещение, 1980. – P. 179-181.
24. Simenon, G. La pipe de Maigret [Text] / G. Simenon. – М.-Л.: Просвещение, 1966. – 157 p.
25. Triolet, E. Roses à crédit [Text] / E. Triolet. – Moscou: Vyssaja Skola, 1979. – 127 p.

26. Troyat, H. Les Eygletière. La faim des lionceaux [Text] / H. Troyat. – Moscou: Vyssaja Skola, 1980. – 167 p.
27. Troyat, H. Les Eygletière. La malandre [Text] / H. Troyat. – Moscou: Vyssaja Skola, 1981. – 181 p.
28. Verlaine, P. Art poétique [Text] / P. Verlaine // Anthologie de la littérature française du XIX-e siècle. – Л.: Просвещение, 1980. – P. 224-225.
29. Verlaine, P. Vers sans rimes [Text] / P. Verlaine // Œuvres complètes. Tt. 1-8. – Paris, 1932. – T. 6. – P. 21.
30. Vialar, P. Le temps des imposteurs [Text] / P. Vialar. – Л.: Просвещение, 1968. – 215 p.
31. Vian, B. Le danger des classiques [Text] / B. Vian // Conteurs français du XX-e siècle. – Moscou: Progrès, 1981. – P. 355-366.
32. Zola, E. La bête humaine [Text] / E. Zola. – Paris: Fasquelle, 1975. – 436 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблицы, отражающие степень распространённости видов конверсии в русском и французском языках

Степень распространённости в русском и французском языках исследуемых в работе видов узуальной конверсии отражается в представленных ниже таблицах. Она фиксируется посредством математических знаков «+» и «-», а не цифр, что объясняется неполнотой соответствия в отдельных случаях дефиниций лексем в различных толковых словарях. Так, например, в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) существительное «люкс» интерпретируется с указанием на возможность его употребления в значении неизменяемого прилагательного, в то время как в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ТСРЯ) данное существительное определяется без ссылки на его способность адъективироваться. В одном используемом нами толковом словаре французского языка (DLF) лексема «malheur» интерпретируется как существительное и междометие, что позволяет говорить о её интеръективации, а в другом – (PLI) – только как существительное.

Подобное несоответствие дефиниций в лексикографических источниках делает весьма затруднительным статистический анализ. По вышеизложенной причине в таблице случай большей степени распространённости определённого вида (подвида) конверсии в том или ином языке вместо цифр отмечается двумя знаками «+», а противоположный случай – одним знаком «+». При отсутствии вида конверсии в языке в таблице ставится знак «-».

Таблица № 1

Образование путём конверсии слов знаменательных частей речи

ВИД КОНВЕРСИИ	РУССКИЙ ЯЗЫК	ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК
Субстантивация	+ (в итоге)	++ (в итоге)
прилагательное → существительное	+	++
глагол → существительное	+	++
числительное → существительное	+	++
наречие → существительное	+	++
служебное слово → существительное	+	++
Адъективация	+	++
Адвербиализация	++	+

Таблица № 2

Образование путём конверсии слов служебных частей речи

ВИД КОНВЕРСИИ	РУССКИЙ ЯЗЫК	ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК
Препозиционализация	++	+
Конъюнкционализация	++	+
Партикуляция	+	—

Таблица № 3

Образование междометий путём конверсии

ВИД КОНВЕРСИИ	РУССКИЙ ЯЗЫК	ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК
Интеръективация	+	++